

ЗАПИСКИ

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ.

АВГУСТЪ и СЕНТЯБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества «Общественная Польза», по Мойкѣ, № 6

1867.

РУССКІЙ САМОУЧКА.

Воспитавшись среди простаго русскаго народа, а также проживая и путешествуя по различнымъ губерніямъ, я имѣлъ случай познакомиться со многими русскими самоучками, образовавшими себя самостоятельно, безъ учителей и наставниковъ, безъ всякихъ учебныхъ пособій. Подобныя личности болѣе всего встрѣчаются между простыми и бѣдными людьми. Несмотря на ихъ замѣчательное остроуміе, на ихъ глубокое иногда пониманіе предметовъ науки, они рѣдко однако же бываютъ замѣченными въ той общественной средѣ, въ которой поставлены они судьбою. Большею частію бываетъ такъ, что мало развитое общество преслѣдуетъ и въ до конца жизни, какъ людей безполезныхъ, и они исчезаютъ безъ всякаго слѣда, не оставивъ по себѣ никакой памяти въ исторіи человѣчества. Люди необразованные и грубые конечно ихъ не понимаютъ, а образованные рѣдко съ ними встрѣчаются; если же и встрѣтятся, то конечно уже не всегда могутъ узнать ихъ, потому что русской самоучка не имѣетъ никакого вышшняго доска, по которому обыкновенно привыкли отличать развитыхъ людей. Они такъ же просты и угловаты въ своихъ приемахъ и въ обращеніи, какъ и всякій простой русскій человѣкъ. А съ такимъ человекомъ кто же станетъ разговаривать? кто выслушаетъ его сужденіе? Притомъ же, русскіе самоучки вообще бываютъ робки, застѣнчивы и недоувѣрчивы сами къ себѣ. Они сами избѣгаютъ встрѣчи съ такъ называемыми образованными людьми, и никогда уже передъ ними не высказываются. Горькій опытъ убѣдилъ каждого изъ нихъ, что подобныя люди дозволяютъ себѣ говорить съ простымъ человекомъ только потому, что бы по-

смѣяться надъ внѣшнимъ складомъ его рѣчи, уничтожить его, и блеснуть предъ нимъ своею образованностію, а не потому, что бы ознакомиться съ его взглядомъ на вещи, съ его доморощенной и самостоятельною логикою.

Мнѣ много приводилось разговаривать съ подобными людьми, видѣть даже ихъ письменныя замѣтки, которыя они пишутъ только для себя, и почти ни кому не показываютъ, потому что сознають въ нихъ большіе недостатки, что отчасти и справедливо. Въ иной, напримѣръ, замѣткѣ видна глубокая, своеобразная мысль, а въ иной, трудно иногда и замѣтить какую нибудь опредѣленную идею; между тѣмъ самоучка ту и другую замѣтку цѣнить одинаково, даже послѣдней даетъ иногда предпочтеніе предъ первой. Это значить, что или онъ неловко выразилъ свою мысль, или мысль эта заключаетъ въ себѣ какую нибудь новость.

Какъ бы то ни было, но въ общихъ идеяхъ русскіе самоучки между собою сходятся. Въ сужденіяхъ ихъ всегда выражается духъ русскаго человѣка. Изъ нихъ бываютъ математики, механики, астрономы... но, въ сущности, они только русскіе философы. Отдѣльными предметами они занимаются только потому, что, вѣроятно, полагая пріятельствовать этому какой нибудь случай, или побудили какія нибудь обстоятельства. Если, напримѣръ, русскій самоучка сдѣлался замѣчательнымъ астрономомъ, какъ, напримѣръ, курскій мѣщанинъ Семеновъ, то навѣрное можно сказать, что онъ могъ бы быть и замѣчательнымъ химикомъ, если бы онъ только попалъ на эту науку прежде, чѣмъ попалъ на астрономію. Русскаго человѣка одинаково интересуетъ каждая наука. Онъ стремится только къ тому, что бы обогатить себя какими бы то ни было знаніями, что бы понимать истинную причину извѣстныхъ явленій, и что бы умѣть различить ложь отъ правды. Къ этому направлена вся его дѣятельность.

Въ Казани я познакомился съ однимъ подобнымъ самоучкою, который пересказалъ мнѣ много любопытнаго и замѣчательнаго изъ своей собственной жизни, и даже передалъ мнѣ свои записки и дневники, которые онъ посылалъ даже въ какую то редакцію; но ихъ почему то не напечатали въ томъ видѣ, въ какомъ они отъ него представлялись. По этому случаю я передѣлалъ ихъ посвоему: иное поправилъ, а вдвое того испортилъ, и въ этомъ видѣ успѣлъ напечатать нѣсколько частей, подъ различными заглавіями и въ различныхъ журналахъ. Какъ бы то ни было, но и изъ этого передѣланнаго сочиненія выкинуто много фактическихъ подробностей, болѣе или менѣе характеризующихъ русскаго самоучку. Притомъ же сочиненіе это далеко еще не доведено до конца. Въ немъ большею частію говорилось только объ окружающей средѣ этого самоучки, въ которой онъ воспитался; но о главной его дѣятельной жи-

ни, о тѣхъ убѣжденіяхъ, которыя у него сложились, не сказано еще ни слова.

Для этого я предпринялъ напечатать очеркъ его жизни съ самаго начала, не вдаваясь, конечно, въ тѣ подробности, которыя уже были напечатаны, и замѣняя ихъ тѣмъ, что было пропущено, и что служить къ цѣлостности разсказа.

Изображая какую нибудь типическую личность, по моему мнѣнію, нельзя допускать тутъ своей собственной фантазіи; въ противномъ случаѣ составитя ложное понятіе о выведенномъ типѣ. По этому случаю, въ изображеніи личнаго характера русскаго самоучки, я строго придерживался его подлинныхъ записокъ, переданныхъ мнѣ, сверхъ того, въ его живомъ разсказѣ. Въ запискахъ этихъ, равно какъ и въ разсказѣ ясно выразился его характеръ, его сужденія, взглядъ на предметы и на другіе характеры лицъ, которые онъ выставилъ въ своихъ запискахъ.

Вѣрнъ этотъ взглядъ или ошибоченъ—это уже другое дѣло; но дѣло автора заключается здѣсь въ томъ, что бы вѣрно только изобразить взглядъ той типической личности, которую онъ описываетъ. Я, конечно, не ручаюсь за достоинство своего сочиненія; но за вѣрность характера русскаго самоучки ручаюсь.

На берегу Волги, именно между Тверью и Астраханью, стоитъ съ незапамятныхъ временъ одно маленькое мѣстечко. По характеру и обычаямъ жителей, мѣстечко это сильно смахиваетъ на провинціальный городокъ, а по непроходимо грязнымъ улицамъ на глухую деревню. Наполеонъ I грязь назваль, говорятъ, пятою стихіею; но если бы онъ побывалъ, послѣ осенняго дождя, въ этомъ мѣстечкѣ, то навѣрное назваль бы ее какимъ нибудь міровымъ растворомъ, либо пахтусомъ *). Какъ бы то ни было, но мѣстечко это всегдѣ стоитъ на большомъ привольѣ. Оно красуется на самомъ берегу Волги, нашей ископной поилницы и кормилицы.

Въ романахъ и повѣстяхъ мѣстечко это носитъ наименованіе Гавриловой слободы. Въ старину тутъ жили сильные богачи, которые далеко славились своими капиталами; но въ новѣйшемъ поколѣніи капиталы эти немножко уравнились. Гавриловцы ископнѣ вѣку отличались особеннымъ благочестіемъ: щедро одѣляли нищихъ, и усердствовали къ Божиимъ храмамъ. Дѣды и прадѣды настоящаго поколѣнія на постройку и украшеніе храмовъ тратили огромные капиталы. И какъ то все у нихъ спорилось: воздвигались и великолѣпные храмы, довольствовались и нищіе, а капиталы не разстраивались. Въ новѣйшемъ поколѣніи, равно какъ и въ описываемую эпоху времени,

*) Пахтусомъ называется то, изъ чего пахтають масло.

религіозное усердіе слобожанъ приняло другой видъ: оно перешло къ такъ называемымъ святымъ или юродивымъ странникамъ, путешествующимъ по матушкѣ Россіи съ какою то благочестивою цѣлю. Стоитъ только какому нибудь безсовѣстному человѣку запереть дичь, пробѣжать по улицѣ въ полуобнаженномъ видѣ, или нарушить какимъ нибудь безобразнымъ крикомъ церковное богослуженіе — и на другой же день эта личность пріобрѣтеть авторитетъ, и привлечетъ къ себѣ толпу поклонниковъ. Особенное усердіе къ этимъ святымъ изъясляли и изъясляютъ старыя дѣвки, это неизсякаемое депо сплетенъ и семейныхъ раздоровъ. Онѣ то болѣе всего способствовали нравственному направленію всего общества. Въ старину старыя дѣвки только и завѣдывали научнымъ образованіемъ юношества. Но чему онѣ учили, узнать было трудно. Кончившіе курсъ наукъ говорили только, что они выучились всему до крошечки и больше ничего. Въ томъ же увѣряли довѣрчивыхъ родителей и просвѣщенныя *мастеръицы* (учительницы) «Уже ваше сына, матушка, выучили всему до крошечки», говорили онѣ. «Покорно благодаримъ, сударыни», отвѣчала на это заботливая родительница: «хорошо ли знаетъ молитвы то Господни?» любопытствовала она. «Дерьма такъ и дереть, сударыня», поясняла наставница, утвердительно махнувши рукою. Какъ бы то ни было, но выученный всему до крошечки оказывался иногда вовсе неумѣющимъ грамотѣ.

Таково было просвѣщеніе гавриловцевъ въ прежнее время. Богачи, впрочемъ, достигали образованія инымъ путемъ: ихъ обучали лица духовнаго званія, только всетаки съ условіемъ не распространять своего ученія далѣе грамоты. «Рехметика то да граматика нашему брату не годится, замѣчали пріетомъ гавриловскіе купцы, «умѣлъ бы только прочитатъ молитву Господню, да подписатъ свое имя и шабашъ!»

Нравственное образованіе дѣтямъ передавалось обыкновенно посредствомъ кулачнаго боя и потасовокъ. Иныхъ способовъ внушенія нравственности гавриловцы не знали, да не примали и въ резонъ. «Лучше, говоритъ, будетъ помнить мошенникъ!» Иногда строгій родитель или родительница, въ видахъ особеннаго благочестія, отпорять своего сына не на животь, а на смерть, и Богъ знаетъ за что. «Да за что же, батько, ты его прибилъ?» спроситъ иногда какая нибудь сердобольная старушка. «Самъ послѣ догадается, мошенникъ», отвѣтитъ на это разгнѣванный родитель, «я въ своемъ дѣтищѣ властенъ».. Такъ иногда дѣтище это доживетъ до сѣдыхъ волосъ, и всетаки не догадается за что его отпорили.

Были тутъ и другаго сорта родители, которые уже ни въ чемъ не останавливали своихъ дѣтокъ; напротивъ того, позволяли имъ дѣлать все, что придетъ въ ихъ буйную головушку.

«Вѣдь еще онъ ребенокъ, неужто съ ребенка то и взмекивать?» говорили обыкновенно сердобольные родители (болѣе

всего родительницы) въ защиту своихъ милыхъ дѣтокъ. Между тѣмъ какъ этотъ ребенокъ давнымъ уже давно путешествуетъ въ особеннаго свойства пріюты и безопасно бѣгаетъ вездѣ стекла, а подѣ часъ, когда рука расколется, то подчуется иногда взрыльничками, по секрету, и дражайшую свою родительницу, которая въ такихъ случаяхъ отдувается уже только однимъ проклятіемъ; но послѣ опять возвращается къ прежнему убѣжденію, что сыночекъ ея Иванушка поступилъ съ нею такъ по ребячьи, «по младости своей.» Такимъ образомъ сыночекъ Иванушка считается иногда у родителей своихъ ребенкомъ лѣтъ до тридцати. Эти самые сынки Иванушки, шатаясь по ночамъ, мажутъ иногда чужія ворота дегтемъ, а вымазать ворота дегтемъ значить обезславить и опозорить все семейство; а особенно когда есть въ семействѣ дѣвица.

Не утѣшительны были результаты крайней и неумѣстной строгости. Дѣти, воспитанныя подѣ такимъ гнетомъ своихъ родителей, хотя въ глазахъ ихъ и прикидывались покорными и послушными, но не имѣли къ нимъ никакого внутренняго уваженія; напротивъ того, на каждомъ шагу старались ихъ обманывать, и большею частію вдавались въ пьянство. Какъ бы то ни было, но крайнее послабленіе и потворство доводили едва ли не до худшихъ результатовъ. Въ первомъ случаѣ, хотя съ рѣдка, но все таки выходили люди полезные для общества; но въ послѣднемъ не было этому и примѣра. Пріучивъ себя съ малолѣтства къ своеволію и безобразной жизни, человекъ такъ уже и остается на этомъ пути. Нормальная жизнь дѣлается ему противною и не сообразною съ его характеромъ. Вступивъ на жизненное поприще, онъ на каждомъ шагу встрѣчаетъ уже необходимость какого то самообладанія и покорности общественнымъ условіямъ, о чемъ онъ не имѣетъ и понятія, потому что это самообладаніе, эта покорность сдѣлалась уже совершенно чужды ея испорченной натурѣ. Что бы переработать свою натуру и принаровить ее къ условіямъ общественной жизни, нужна уже большая нравственная сила и извѣстная степень умственнаго развитія, чего въ немъ вовсе нѣтъ. По этому случаю человекъ такъ и остается вреднымъ для себя и для общества и всегда печально оканчивается свою бѣдственную жизнь.

Въ этомъ то самомъ мѣстечкѣ родился и воспитался герой нашего разсказа, Николай Ивановичъ Бобровъ. Онъ произошелъ на свѣтъ Божій во второмъ десяткѣ настоящаго столѣтія. Родителя его звали Иваномъ Порфирьчемъ, а мать Пелагією Петровною. Оба они были отъ природы люди умные и честные, только Пелагія Петровна не всегда умѣла владѣть своимъ умомъ. Она употребляла его на одну только строгость, доходившую иногда до свирѣпости. Сознавая невѣжество окружающей ее среды, она была необыкновенно горда и честолюбива. Но издревле еще сказано, что «Богъ гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать», такъ случилось и съ Пелагією

Петровною: жизненные обстоятельства круто смирили ея гордость. Не скупился, впрочемъ, при случаѣ на свой кулачекъ и на приличныя потасовочки и Иванъ Порфирычъ. Онъ держалъ свою сожительницу довольно въ крѣпкой уздѣ, во многомъ ее останавливалъ и урезонивалъ; но къ сожалѣнію онъ рано кончилъ жизнь, и сдѣлался жертвою холеры, свирѣпствовавшей въ 1830 году. Только тутъ Пелагія Петровна вполне оцѣнила какъ дорога была для нея эта невозвратная потеря. При смертномъ одрѣ умирающаго друга, такъ сказать спали съ нея на время всѣ нравственные недостатки, которые развила она въ себѣ подъ вліяніемъ общественной среды. Тутъ только выказала она богатство своей натуры, какова она была въ ней отъ природы. «Батюшка! другъ ты мой сердечный! простишь ли ты меня?» вопила она, обливаясь горькими слезами, при постели умирающаго друга, съ полнымъ и искреннимъ сознаниемъ своей неправоты. Какъ бы то ни было, но Иванъ Порфирычъ все таки кончилъ жизнь, оставивъ о себѣ доброе воспоминаніе.

Послѣ него остались трое дѣтей; старшіе изъ нихъ были Вася и Маша, а младшій Никола, которому въ это время было уже лѣтъ около тринадцати. Иванъ Порфирычъ промышлялъ судами на Волгѣ, и послѣ себя оставилъ въ наслѣдство хорошее судно со всѣми припасами.

Лишившись мужа и не имѣя надъ собою никакой грозы, Пелагія Петровна сдѣлалась еще строже и раздражительнѣе, такъ что дѣти боялись ее какъ звѣря. На первый разъ всѣхъ больше доставалось Машѣ.

Она въ это время была полная невѣста и Пелагія Петровна, строгостію своего воспитанія, которая обыкновенно выражалась въ неистовомъ крикѣ, ругательствахъ и потасовкахъ—полагала сдѣлать изъ нея образецъ совершенства; но въ расчетахъ своихъ немножко ошиблась. Что бы какъ нибудь облегчить свою судьбу, Маша въ свою очередь стала сводить тайную тружбу съ работницами, отъ которыхъ узнала она какія секретны и способы для разнообразія своей унылой и уединенной жизни. Первымъ дѣломъ она пригинулась страшной смиренницею, и самую домовитую хозяйкою; начала строго соблюдать посты и богомольничать. Стала также обнаруживать безусловную во всемъ покорность матери и начала въ глаза превозносить ея умъ и распоряженія. Для благочестивыхъ размышленій она часто удалялась въ баню или въ какое нибудь другое уединенное мѣсто. Все это Пелагія Петровна чрезвычайно нравилось, такъ что, наконецъ, она вполне уже увѣрилась, что довела свою дочку, строгимъ воспитаніемъ, до надлежащаго совершенства.

Съ тѣхъ поръ обстоятельства Маши поправились, и она сдѣлалась у матери любимую дочкою. За то весь гнѣвъ ея перенелъ на сыновъ, а въ особенности на Николаю, который часто

ей противорѣчить, и потому получала отъ нея за это, въ видѣ жагованія, постоянныя потасовки.

Послѣ смерти отца, въ хозяйственное распоряженіе, относительно судовой промышленности, вступилъ, конечно, старшій сынъ, Василій, который однако же дѣйствовалъ подъ главнымъ надзоромъ и управленіемъ строгой матери. Пелагія Петровна считала Василю дѣловымъ человѣкомъ бойчагою, въ которомъ она предвидѣла единственную и самую надежную для себя опору. Хотя и покрикивала она на него, а подѣ часть давала и потасовки; но уже это дѣлала болѣе для одного порядка. «Безъ этого пожалуй и избалуется» разсуждала Пелагія Петровна.

Василій, въ свою очередь кричалъ и бѣсновался надъ младшимъ братомъ Николаемъ, называлъ его простофилюю, чѣмъ конечно, и доказывалъ свою бойкость. Какъ бы то ни было, но эта прочная для Пелагіи Петровны опора, которую она видѣла въ сынѣ Василюшкѣ, на первомъ же году подломилась. Встрѣтивъ небольшую неудачу въ судопромышленности, Василій не выдержалъ, упалъ духомъ и удавился.

Это былъ для Пелагіи Петровны второй, сильнѣйшій ударъ. Получивъ печальное извѣстіе о несчастной судьбѣ своего сына, она почти помѣшалась. Ей опротивѣли и мѣръ, и люди, которые ее окружали; но болѣе всѣхъ опротивѣла она самой себѣ. Она сознала всю свою жестокость, а можетъ быть и преувеличивала ее въ своемъ воображеніи. Ей представилось, что сынъ ея погибъ не столько отъ матеріальныхъ лишеній, или случайныхъ стеченій обстоятельствъ, сколько отъ ея жестокостей. Ей думалось, что она сама загнала его въ мертвую петлю. Эта раздирающая душу скорбь о невозвратной гибели роднаго сына — скорбь, перемѣшанная, сверхъ того, съ сознаниемъ своей неправоты, выражалась въ ней дико и свирѣпо. Въ порывахъ глубокаго отчаянія, она, кажется, готова была задушить и себя и всѣхъ ее окружающихъ. Если бы не благоразумные совѣты и увѣщанія мѣстнаго священника, то она сама едва ли бы не лишилась тогда жизни; но добрый и умный священникъ успокоилъ ее, и возбудилъ въ ней подавленное чувство христіанскаго сознанія. Время, однакоже, дѣлаетъ свое дѣло: оно изглаживаетъ самыя сильнѣйшія впечатлѣнія въ жизни. Только одна память и удерживаетъ въ себѣ свершившееся происшествіе; но это уже совсѣмъ не то, что самое происшествіе. Воскреснувъ въ памяти, оно уже не производитъ на человѣка того сильнаго впечатлѣнія, какое произвела въ моментъ самаго событія, и чѣмъ болѣе оно удаляется, тѣмъ слабѣе производитъ впечатлѣніе, и наконецъ дѣлается равносильнымъ простому историческому событію. Такъ точно случилось и съ Пелагіею Петровною, и случилось даже въ меньшій промежутокъ времени, чѣмъ можно было ожидать.

Въ первые дни послѣ печальнаго происшествія она не хотѣла смотрѣть и на свѣтъ Божій,— хотѣла сбросить съ себя всѣ

житейскія заботы и посвятить жизнь свою на служеніе Богу; но со временемъ опять раздумала. Привычки, превратившіяся уже въ ея натуру, опять понемножку стали въ ней заговаривать. Зашевелились такъ же въ ней и прежнія страсти, которыя, въ моментъ печальнаго событія, замерли въ ней только на время. Не прошло и года, какъ Пелагія Петровна сдѣлалась почти тою же, какою была и прежде. Слѣды минувшаго бѣдствія остались только на ея лицѣ, а можетъ быть и въ сердцѣ; но въ поступкахъ ея незамѣтно уже было ни какой разницы: они были одинаковы съ прежними.

Пелагія Петровна чрезвычайно любила волжскую промышленность, и никакъ не хотѣла съ нею разстаться.

Главное, что судопромышленность пользовался въ обществѣ особеннымъ почетомъ противъ всѣхъ другихъ мелкихъ промышленниковъ,—это то болѣе всего и привязывало Пелагію Петровну къ судопромышленности. Напротивъ того, оставшійся сынъ Николай, не питая къ этому промыслу ни какого сочувствія; да не было, правда, у него расположенія и къ другой торговлѣ, за что и получалъ отъ своей матери порядочныя натаціи. Впрочемъ, она давно уже замѣтила, что Николаю оболтусъ, не способенъ будетъ ни къ какому порядочному дѣлу, и потому часто называла его погибшимъ человѣкомъ. Въ обществѣ онъ тоже считался за *фефелу*.

И въ самомъ дѣлѣ, Николай Ивановичъ до того былъ безтолкъ, что отбился отъ ученія грамотѣ, которую взялась было преподавать ему сама Пелагія Петровна, еще при покойникѣ мужѣ, и принялась бы, кажется, довольно усердно, т. е. при каждомъ словѣ снабжала было Николаю порядочнымъ колоткомъ въ лобъ или по загорбку, но и то не помогло. Послѣ двухъ мѣсячной страды, Николаю дошелъ только до «буки-рици азра—бра», да на томъ и остановился. Побилась, побилась съ нимъ Пелагія Петровна, до такъ и бросила и оставила его на произволь судьбы. Но спустя много лѣтъ, Николай Ивановичъ самъ созналъ необходимость учиться грамотѣ; и потому, вооружась силою воли и призвавъ на помощь всѣ свои умственные способности, онъ выучился этому самъ, въ нѣсколько приемовъ. Для этого онъ тихонько уходилъ въ пустую заднюю горницу, и просиживалъ тамъ за книгою цѣлыя ночи. Открыто онъ учиться не хотѣлъ, потому что совѣстился.

Писать выучился онъ безъ всякаго уже затрудненія, съ рукописныхъ азбукъ.

Послѣ этого Николай Ивановичъ почти пристрастился къ чтенію, въ которомъ все таки упражнялся въ ночное время, потому что такимъ пустымъ и бесполезнымъ дѣломъ днемъ заниматься было невозможно.

Любимымъ его занятіемъ была библія, которую онъ прочиталъ нѣсколько разъ съ величайшимъ вниманіемъ. Съ такою же внимательностію читалъ онъ творенія св. отцовъ, которыми онъ

пользовался изъ церковныхъ библиотекъ. Такого рода чтеніе развило въ немъ любознательность, способность мышленія и пониманія предметовъ. Безъ учителей и наставниковъ онъ выучился математикѣ, геометріи, физикѣ, узналъ законы механики, астрономіи и пр. Въ послѣдствіи времени, ему, конечно, попадались учебныя книги; но онъ, большею частію, служили только пробѣркою того, чего онъ добился самъ собою, безъ помощи учебныхъ книгъ. Не попадалось ему такой книги, которую бы онъ оставилъ, не изучивъ ее отъ доски до доски. Только и затрудняли его одни опытные наблюденія, которыхъ не могъ онъ производить, за неимѣніемъ средствъ. По соображенію ли, по врожденному ли инстинктивному чувству, но онъ какъ то безъ опыта догадывался о результатѣ опытныхъ наблюденій, и почти никогда въ этомъ не ошибался. Не менѣе того онъ способенъ былъ и ко всевозможнымъ искусствамъ и рукодѣльямъ.

Онъ занимался рисованіемъ и отчасти живописью, такъ что послѣднія его картины приняты были на выставку.

Сверхъ этого занимался слесарнымъ и столярнымъ мастерствомъ, дѣлать хорошіе часы и проч. и проч. Вообще Николай Ивановичъ могъ дѣлать безъ затрудненія всякую работу и только не дѣлалъ того, чего не хотѣлъ, и къ чему не лежало у него сердце. Онъ часто даже самъ говаривалъ, «что все возможно сдѣлать, что дѣлають другіе люди, только ко всякой работѣ нужна нѣкоторая привычка, которая чрезъ внимательное изученіе пріемовъ усваивается человѣку весьма скоро.»

Какъ бы то ни было, но всѣ эти занятія не принесли Николаю Ивановичу ни какой пользы, тѣмъ болѣе, что онъ занимался этими предметами не какъ ремесленникъ, а какъ технологъ, изучающій свой предметъ во всемъ его совершенствѣ; но этого никто не понималъ. Общественная среда, въ которой онъ находился, имѣла совсѣмъ другой взглядъ и направленіе. Всѣ занятія были однимъ предметомъ — торговою промышленностью, которую однако же вели безъ всякаго соображенія съ обстоятельствами. Къ подобной промышленности у Николая Ивановича какъ то сердце не лежало, тѣмъ болѣе, что всякая торговая промышленность того времени, а особенно промышленность на Волгѣ, требовала хитрости и обмана. Человѣкъ, дѣйствующій честно и откровенно во всѣхъ своихъ дѣлахъ, не могъ тогда имѣть никакого успѣха, а Николай Ивановичъ къ обману и хитрости питалъ внутреннее отвращеніе. Онъ, конечно, съумѣлъ бы провести и обмануть каждаго, но не хотѣлъ этого дѣлать. Онъ даже удивлялся иногда тупоумію торговцевъ и промышленниковъ, что они при всемъ желаніи хитрить и обманывать, употребляютъ эту хитрость чрезвычайно грубо и замѣтно. «Такъ ли бы можно было обмануть!» разсуждалъ иногда Николай Ивановичъ, смотря на какую нибудь купеческую продѣлку, на которую расторопный купецъ употребилъ, можетъ быть, всѣ свои умственные способности — «но должно быть, бодливой коровѣ

Богъ рогъ не даетъ.» По этому случаю Николая Ивановича считали самымъ безтолковымъ человѣкомъ и чуть ли не вреднымъ членомъ общества. Ученныя занятія считались въ то время наравнѣ съ мотовствомъ и распутствомъ. — «Какой это человѣкъ», разсуждало про Николая Ивановича благочестивое и промышленное купечество, — «онъ вонъ книжки только однѣ читаетъ, да разучаетъ разныя *рехметики*». — «Вздувку бы ему хорошую дать, прибавляли другіе, — такъ, можетъ быть, и былъ бы человѣкомъ...» Съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ вполне была согласна и Пелагія Петровна, и потому зачастую снабжала она своего сына порядочными вздувками. Но ничего, однакоже, не помогало. Николая Ивановича все таки часто ловили за книжками, все таки не видѣли въ немъ никакого проку. — «Погибшій человѣкъ! просто погибшій!» разсуждала Пелагія Петровна съ какимъ то отчаяніемъ, въ присутствіе самаго погибающаго, вырвавъ изъ рукъ его какую нибудь геометрію. Николай Ивановичъ не противорѣчилъ уже такимъ замѣчаніямъ, потому что и самъ сознавалъ неспособность свою къ торговому дѣлу; а въ ученыхъ своихъ занятіяхъ не могъ доказать никакой практической пользы. Но не въ этомъ еще заключалась главная суть. Послѣ смерти брата онъ только что вступилъ въ хозяйственное распоряженіе, какъ судно его потонуло отъ бури. Это несчастье приписано было не къ случаю, а къ плохотѣ Николая Ивановича и къ тому, что онъ читаетъ книжки.

«Какъ бы рехметики то разныя не разучалъ, такъ, небось, цѣлы бы суда то были», замѣчали смышленные судопромышленники самымъ положительнымъ тономъ, потому что едва ли не были въ этомъ увѣрены.

Слобжане подъ именемъ рехметики или грамматики подразумевали всѣ науки въ мірѣ.

Не болѣе того счастливымъ былъ Николай Ивановичъ и въ другихъ мелкихъ торговыхъ дѣлахъ, за которыя онъ принимался.

Однажды на масляницѣ онъ вздумалъ было поторговать медкомъ, отъ котораго, по увѣренію Пелагіи Петровны, будто бы никогда уже не бываетъ убытковъ; но у него и тутъ случился убытокъ. По излишней своей довѣрчивости, онъ половину товару роздалъ въ долгъ, самымъ бы, кажется, вѣрнымъ людямъ; но эти вѣрные люди послѣ и глазъ ему не показывали, а другую половину у него просто разлизали да разотвѣдывали покупатели. Не было человѣка во всемъ базарѣ, который бы не полизалъ у Николая Ивановича медку. «Только лизутъ да отвѣдываютъ, песь ихъ возьми», размышлялъ про себя Николай Ивановичъ, посматривая изъ подлѣбья на своихъ мнимыхъ покупателей, а въ особенности на покупательницъ, отъ которыхъ просто не было отбою.

— Ровно бы, дѣвушка, не больно слатимъ, замѣчала иная искусная покупательница, разжеывая десятую уже отковырку,

— Ровно бы дѣткой немножко отзывается, поясняла другая

покупательница, которая давно уже стояла у кадки и полизывала медь, для того, что бы хорошенько удостовериться въ его вкусѣ.

— Есть отпашекъ, подтверждала третья, облизывая свои пальцы и утвердительно кивнувъ головою.

— Ничего, медь, кажется, хороши! отзывался въ свою очередь мужичекъ, отковырнувъ для рѣшенія вопроса пищечку, около четверти фунта.

Такимъ образомъ, по окончаніи масляницы, нашъ новый торговецъ оказался безъ товару и безъ денегъ. Пелагія Петровна, провѣривъ торговый балансъ, всплеснула только руками и плюнула. Тѣмъ это дѣло и закончилось.

Не желая оставить волжскую промышленность, Пелагія Петровна, во что бы то ни стало, рѣшила купить новое суденышко, употребивъ на это послѣднее свое имущество и деньги.

Николай Ивановичъ, хотя вовсе былъ не расположенъ къ этому промыслу, но видя, что отъ него не отдѣлается ни коимъ образомъ, принялся дѣйствовать за одно съ матерью. «Какъ ни хлопочи, какъ ни старайся, а изъ торговаго то общества видно не вырвешься, разсуждалъ Николай Ивановичъ, судьба то ломить по своему. Нужно, видно, приниматься за это дѣло по плотнѣе». Разсудивши такимъ образомъ, онъ новую свою расшивку принялся съ усердіемъ охорашивать, проконопатилъ ее, высмолилъ, выкрасилъ, гдѣ требовалось починилъ, даже, по указанію Пелагіи Петровны, наисаль собственноручно на носу расшивы два огромныхъ глаза, и тѣмъ снарядилъ и приготовилъ ее къ будущему году.

Еще съ осени стали носиться слухи о дорогихъ поставкахъ будущаго лѣта: такъ точно и случилось. Годъ этотъ для судопромышленниковъ былъ чрезвычайно выгоденъ, такъ что кто имѣлъ у себя даже маленькое суденышко, и тотъ въ этотъ годъ успѣлъ сколотить себѣ капиталецъ. Сначала снимали клады изъ Самары до Рыбинска по 65 коп. съ пуда, а потомъ вздорожали они еще болѣе, такъ что Пелагіѣ Петровнѣ удалось тогда взять поставку тоже изъ Самары до Рыбинска по 70 коп. съ пуда. «Ужъ какъ ни валай, разсуждала она самодовольно, — а отъ этой путинки останется тышняга другая, третья. И, Боже мой, какъ занялась тогда Пелагія Петровна! Со многими своими родственниками и знакомыми она перестала даже и кланяться. Съ провіею и насмѣшками относилась о всѣхъ бѣдныхъ слобожанахъ, приписывая бѣдное ихъ положеніе одной только безтолковости и неумѣнію распорядиться. «Ужъ коли самъ плохъ, такъ не подасть Богъ», выражалась она обыкновенно на счетъ тѣхъ, которыхъ неожиданно застигала бѣдность.

— При дорогихъ поставкахъ, конечно, вздорожали и рабочіе. Хорошую артель изъ Самары нельзя было порядить дешевле 80 р. Пелагія Петровна, надѣясь на свою расторопность, разсчитывала, однакоже, порядить бурлаковъ не дороже 70 руб.

— Какъ это можно по 80 руб., разсуждала она,— этакъ ты всю ряду отдашь бурлакамъ, а самимъ то ужъ ничего и не останется.

— Только бы благолучно Богъ вынесъ, а то останется еще порядочно—будетъ съ насъ, замѣтилъ въ свою очередь Николай Ивановичъ. По моему, хорошую артель опускать не надобно; ужъ лучше немножко передать, да порядить хорошую артель. Что дѣлать то! свои то выгоды надо наблюдать; да вѣдь и чужихъ то забывать не надобно. Все по своему не сдѣлаешь...

— Такъ, прямъ, философъ, перебила его Пелагія Петровна съ азартомъ,—о чужихъ, прямъ выгодахъ надобно заботиться!.. вотъ, государыня моя, какой промышленникъ!.. Ужъ коли толку то нѣтъ, такъ заткнуть бы ротъ-отъ судомойкой, да и слушалъ что мать то говорить!

— Да мнѣ какъ хотите, только я знаю, что хорошую артель дешево нынче не порядишь.

— Графскіе, вонъ, просятъ семдесятъ пять рублей въ первомъ словѣ, а ужъ семдесятъ то видно возьмутъ; съ ними вотъ и поторговаться, не возьмутъ ли хоть безъ рублика то!

— Да что въ нихъ, въ графскихъ ту, вѣдь ихъ всѣ обѣгаютъ, они ужъ извѣстные мошенники, на нихъ и суда то не найдешь.

— Да что это, матушки мои! голову они что ли тебѣ отъѣдятъ, ротозѣю? чѣмъ графскіе то хуже людей?

— Да тѣмъ только и хуже, что графскіе. Въ вотчинѣ то, тамъ, съ ними поступаютъ какъ хотятъ: дерутъ какъ палыхъ овецъ; зато ужъ и они на сторонѣ то дѣлаютъ что хотятъ, за это съ нихъ ужъ и не взмскиваютъ. Внесенъ бы былъ только оброкъ, а тамъ, говорятъ, дѣлай что хочешь. Вотъ они и озарничаютъ, а контора то ихъ защищаетъ.

Какъ бы то ни было, но Пелагія Петровна опровергла всѣ мнѣнія и возраженія Николая Ивановича, и въ заключеніе всего приказала ему замолчать.

Желая поставить на своемъ, она сама отправилась на базаръ, и дѣйствительно порядила графскихъ, по семидесяти руб. на человѣка.

Съ торжествующимъ лицомъ шла она съ базару, впереди огромной артели бурлаковъ, которыхъ она порядила.

Вся артель ввалила за Пелагіею Петровною на дворъ для перепрки и для врученія ей пачпортовъ.

— Нако, вонъ, полюбуйся какихъ мать то молодцовъ порядила, проговорила она съ нѣкоторою гордостію, обращаясь мимоходомъ къ Николаю Ивановичу.

— Хороши то хороши, да... началъ было Николай Ивановичъ.

— Ну, что еще скажешь? перебила его съ гнѣвомъ Пелагія

Петровна, раздражившись его противорѣчіемъ, что они тебѣ сдѣлаютъ, ну?!

— Кто ихъ знаетъ что они сдѣлаютъ, проговорилъ, оробѣвъ, Николай Ивановичъ.

— Плуты мало ли что могутъ сдѣлать!

— А на плутовъ ту самъ будь плутъ; ротъ-отъ не развѣвай, галокъ то ртомъ ту не лови, вотъ что! произнесла въ заключеніе Пелагія Петровна.

Николай Ивановичъ какъ то принужденно улыбнулся и замолчалъ.

Между тѣмъ, Пелагія Петровна самымъ суетливымъ и порывистымъ манеромъ сбросила съ себя шубу, и выбѣжала на дворъ на самую легкую руку, для того, что бы переписать бурлаковъ и обратъ у нихъ пачпорты.

Бурлаки дѣйствительно оказались молодецъ къ молодцу. Такъ какъ ихъ ввалилась на дворъ тѣмъ тѣмущая, то Пелагія Петровна выбирала изъ лучшихъ лучшаго.

— «Давай этого!.. давай вотъ того!.. этого не надо—старъ!.. этотъ больно молодъ!..» покрикивала только она при перепискѣ артели.

Николай Ивановичъ не участвовалъ уже ни въ чемъ, потому что Пелагія Петровна, воодушевившись удачнымъ выборомъ такой отличной артели, не допускала уже его ни къ чему, а сама околпачила всѣ дѣла. Впрочемъ, сынокъ ея, сознавая въ этомъ случаѣ свою мѣшковатость, и самъ уже не слишкомъ навязывался на дѣло.

Переписавъ бурлаковъ въ реестръ, Пелагія Петровна, какъ водится, получила отъ нихъ пачпорты.

— Какъ тебя зовутъ? спросила она перваго браваго дѣтина, разсматривая его пачпортъ.

— Иванъ Ѳедуловъ, отвѣтилъ дѣтина, переминаясь съ ноги на ногу и смотря въ сторону.

— Изъ какой деревни?

— Изъ Починка, отвѣтилъ дѣтина.

Пелагія Петровна посмотрѣла въ пачпортъ, — обазалось вѣрно.

— А тебя какъ зовутъ? спросила она другаго прездоровеннаго парня.

— Трифонъ Вавиловъ, отвѣтилъ бурлакъ.

— Изъ какой деревни?

— Изъ села Воскресенскаго.

— Такъ! произнесла Пелагія Петровна, посмотрѣвши въ пачпортъ и отбросивъ его въ сторону.

— Такимъ образомъ, изъ предосторожности, перебрала она всю артель, внимательно осмотрѣла вотчинныя печати, приложенныя къ пачпортамъ, мѣсяцъ и число, когда они выданы, даже сообразила подпись руки вотчинныхъ начальниковъ. Удо-

стовѣрившись въ исправности пачпортовъ, она выдала бурлакамъ задатки по тридцати руб. на каждого, всего тысячу восемьдесятъ руб. Въ задаткахъ росписался даже графскій бурмистръ, потому что безъ этого Пелагія Петровна, какъ напуганная немножко нехорошими отзывами о графской вочинѣ, не хотѣла выдавать и задатковъ.

Оформивъ такимъ образомъ дѣло, Пелагія Петровна распустила бурлаковъ по домамъ, наказавъ имъ строго на строго, что бы они ко времени были готовы.

— Отъ людей не отстанемъ, отвѣтили бурлаки;—какъ люди, такъ и мы.

— Этакой-то артели, ребята, за людьми то шляться нечего, замѣтила самодовольно Пелагія Петровна, любясь на свою артель,—надобно, что бы на насъ люди глядѣли, а не мы на людей.

— За семьдесятъ-то рублей наняла, да хочеть, что бы на насъ еще и люди глядѣли, проворчали бурлаки, какъ будто про себя,—поглядять, Богъ дастъ, полюбуются...

Слышала или не слышала Пелагія Петровна эти слова—неизвѣстно; но только возраженія ни какого не сдѣлала.

Между тѣмъ весна приближалась; прилетѣли и грачи, первые ея предвѣстники. Размѣстившись въ свои огромныя гнѣзда, свитыя на берегахъ, они неумолчно драли горло во всю слободу. Са радости ли какой они такъ неистово кричали и кричатъ всегда, по причинѣ ли какихъ нибудь своихъ домашнихъ разбирательствъ, или ужъ такая это неугомонная птица по природѣ, но только грачи своимъ безопазднымъ крикомъ сейчасъ же дадутъ знать почтеннѣйшей публикѣ о своемъ прибытіи изъ теплыхъ странъ. Какъ бы то ни было, но этотъ неблагозвучный крикъ грача все таки производить на душу человѣка какое то отрадное впечатлѣніе. Услышавъ голосъ грача, человѣкъ какъ то живѣе почувствуетъ приближеніе весны, какъ будто возвращеніе своей юности, вспомнить свои дѣтскія игры и всѣ впечатлѣнія, свойственные тому возрасту.

Вслѣдъ за грачами, послышались будто въ заоблачныхъ странахъ пріятныя трели жаворонковъ. Это обозначало, что на поляхъ уже сдѣлались проталины, на которыхъ и дѣйствительно собирались уже играть деревенскіе ребятники. Волга заводябла и стала прибывать значительно. У расторопныхъ судохозяевъ сошлись уже бурлаки, и на судахъ обнаружилась страшная дѣятельность. Войкіе судопромышленники съ поспѣшностію готовили суда свои къ сплаву. Стали по немножку собираться бурлаки и къ Николаю Ивановичу, или вѣрнѣе, къ Пелагію Петровнѣ; только почему то оказались уже не молодецъ къ молодцу, а просто старой, да малой, какъ называется—обой. Пелагея Петровна такъ и взволновалась.

— Да чьи это вы, ребята? спросила она грозно бурлаковъ, которые къ ней явились.

— Да графскіе, матушка, отвѣтилъ одинъ моглявинькой мужичекъ, снявъ изъ почтенія шапку.

— Да я вѣдь не васъ радила? спросила съ изумленіемъ Пелагія Петровна.

— Оно, родима, какъ бы тебѣ сказать... кого же ты радила, что не насъ? отвѣтилъ старичекъ, заминаясь: — мы всѣ тутъ были, какъ ты насъ переписывала; я вотъ тамotka и стоялъ... И старичекъ указалъ на то мѣсто, гдѣ онъ стоялъ.

— Какъ! господа помилуй,— «кого радила», развѣ я не помню кого радила? произнесла Пелагія Петровна довольно гнѣвно:— чай я сама народъ-отъ выбирала, этакихъ ту ни одного не было во всей артели... Ты чей, мальчишка? зачѣмъ ты здѣсь? крикнула она вдругъ на одного невзрачнаго парнишка, который стоялъ передъ самымъ ея носомъ, и больше всѣхъ тарачилъ на нее глаза.

— Да я тоже графской—вашъ бурлакъ, отвѣтилъ не безъ робости парнишка, попятаясь немножко назадъ,—я вотъ здѣсятко тогда и стоялъ...

— Да что вы это!— «тамotka», да здѣсятко! перебила Пелагія Петровна, передразнивая съ досадою бурлацкія выраженія:— морочить что ли меня вздумали? господа помилуй!. Николай, подай ко мнѣ сюда ихніе то пачпорты, прибавила она, обращаясь повелительно къ Николаю Ивановичу;—посмотримъ кого я порадила.

— Посмотрите, матушка, безъ сумленья будетъ намъ и вамъ, подтвердилъ старичекъ самымъ простодушнымъ тономъ.

Николай Ивановичъ принесъ пачпорты, и подаль ихъ своей матери.

— Ступайте сюда всѣ! вскричала грозно Пелагія Петровна бурлакамъ, разбирая между тѣмъ ихъ пачпорты.

Всѣ бурлаки собрались въ кучу, и подошли къ Пелагеевѣ Петровнѣ.

— Ну, гдѣ Иванъ Ѳедуловъ? крикнула она, окидывая глазами всю артель.

— Я! отозвался тоненькимъ голоскомъ невзрачной парнишка, выступивъ немного впередъ.

— Какъ, господа помилуй—ты! да изъ какой ты деревни?

— Изъ Починка, отвѣтилъ парнишка.

— А сколько тебѣ лѣтъ?

— Не то пятнадцать, не то шеснадцать, отвѣтилъ парнишка неопредѣлительно.

По пачпорту оказалось Ивану Ѳедулову деревни Починка 16 лѣтъ, что, впрочемъ, разобрать было довольно трудно. Пелагія Петровна всплеснула только руками.

— Трифовъ Вавиловъ? снова прокричала она, разсматривая другой пачпортъ.

— Я, матушка, здѣсь-тко, отозвался старикъ.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Не знаю, матушка, въ пачпортѣ то, чай, означено.

— Трифону Вавилову по пачпорту оказалось шестьдесятъ два года.

Провѣривши такимъ образомъ пачпортъ съ десяти, Пелагія Петровна швырнула ихъ отъ себя, и съ отчаяніемъ всплеснула руками.

— Ахъ, разбойники! ахъ, мошенники! что они со мною сдѣлали, произнесла она унылымъ тономъ, качая головою.

Тутъ только поняла она мошенническую штуку графскихъ. Оказалось, что радились совсѣмъ другіе мужики, назвавшись чужими именами, т. е. именами своихъ родственниковъ и знакомыхъ, которыхъ, за негодностію, никто не бралъ въ бурлаки и которые, по этому случаю, и вручили виднымъ ребятамъ для ряды свои пачпорты.

Очаровавшись хорошею артелию, Пелагія Петровна, при разсмотрѣніи пачпортъ, не обратила уже никакого вниманія на лѣта и примѣты; да на это мало кто и смотритъ, а смотрятъ только на человѣка, который находится на лицо. Притомъ же это неслишкомъ ясно было и написано въ пачпортахъ, а въ иныхъ даже было пропущено.

Теперь дѣлать было нечего. Попрѣвить было нечѣмъ, хлопотать было не время, да и трудно было доказать справедливость ея требованій. А потому, предавъ проклятію всѣхъ графскихъ мужиковъ, Пелагія Петровна распорядилась по необходимости приготовить судно свое къ славу.

— По хозяйнѣ и работникъ, проговорила она, какъ будто въ свое утѣшеніе, намекая этимъ на своего сына.

Съ вербнаго воскресенія началось ненастье. Мелкій, но весьма спорный, дождь ливня-лилъ три дня сряду; снѣгъ съ полей согнало окончательно, и Волга стала прибывать чуть не по аршину въ сутки. По случаю довольно суровой зимы неслишкомъ глубокихъ снѣговъ, ледъ на Волгѣ былъ весьма здоровъ и толстъ.

Огромные кабаны льду, который возили въ ледники богатыхъ купцовъ, ясно свидѣтельствовали о необыкновенной его толщинѣ и крѣпости. Кабаны эти какъ хрусталь были прозрачны; только внутри нѣкоторыхъ видѣлись какія-то кристалловидныя изображенія, случайно образовавшіяся изъ воздушныхъ пузырьковъ. Николай Ивановича чрезвычайно занимали эти кабаны: овѣ съ величайшимъ любопытствомъ разсматривать въ нихъ каждое изображеніе, изъ коихъ иное походило на люстру, другое на какую нибудь замысловатую канделябру, гирлянду и т. п. Посматривали, правда, на эти кабаны изъ подлѣбья и другіе слобожане-судопромышленники, — только вовсе уже не изъ за канделябровъ и гирляндъ, которые въ нихъ блесгли. Вниманіе ихъ возбуждалось совершенно инымъ чувствомъ.

— Вишь нынче ледокъ-отъ какой, что твой свинець! пропнесли они со вздохомъ, пивая головою на какой нибудь здоревенный кабанъ, который едва только тащила лошадь.

— Да, какъ то Ботъ совершитъ нынѣшнюю весну, замѣчали другіе самымъ унылымъ тономъ.

— Рѣчка, протекающая въ Гавриловой слободѣ, наполнилась водою. Съ ранняго утра до поздней ночи, слышались на ней неистовые крики: «карауль!» это значило, что бойкіе судопромышленники, наперерывъ одинъ другаго, вводили свои суда въ рѣчку, для безопасности отъ весенняго льда.

Суда первостатейныхъ озарниковъ, конечно, стояли въ рѣчкѣ выше всѣхъ, и давно находились уже внѣ всякой опасности; однако доброжелательные и богомольные хозяева все таки на всякій случай, стояли со стягами (съ кольями) въ рукахъ, и не впускали на нихъ ни одного человѣка. «Вводись какъ хочешь, а до моей росшивы не дотрагивайся, а не то убью!» кричали они, размахивая стягами.

Николай Ивановичъ, котораго судовщики не безъ основанія называли мямлею, тоже намѣревался было для безопасности ввести свою росшиву въ рѣчку,—но, по неумѣстной своей робости и уступчивости своего характера, въ этомъ не успѣлъ; даже судно его отняли отъ рѣчки дальше, чѣмъ оно стояло прежде. Почти у всѣхъ бойкихъ судовщиковъ носы были сворочены въ сторону; но они уже за носами не гнались, а дѣлали свое дѣло,—между тѣмъ какъ Николай Ивановичъ хотѣлъ и судно свое ввести въ рѣчку, да что бы и носъ у себя остался несвороченъ; ну, а этого, по порядку вещей, сдѣлать было невозможно. Такъ суденышко его и осталось, какъ говорится, на юру. Впрочемъ, и многіе другіе судовщики не успѣли ввести своихъ судовъ въ рѣчку, потому что устье рѣчки набито было биткомъ.

— Пелагія Петровна, сообразивши безвыгодность и опасность положенія своей росшивы, чрезвычайно упала духомъ. Съ робкимъ и почти отчаяннымъ чувствомъ посматривала она на крѣпкій, синеватый ледъ, который массою своею, кажется, въ состояніи былъ своротить цѣлый берегъ, если будетъ напирать на него съ расправу. Слобожане ждали уже съ часу на часъ, когда тронется ледъ на Волгѣ, и потому съ утра до вечера стояли на берегу и смотрѣли на ледъ съ какимъ то напряженнымъ вниманіемъ.

— Тронулся!—произнесъ, наконецъ, одинъ изъ робкихъ судовщиковъ, строго наблюдавшихъ за положеніемъ льда.

— Тронулся! тронулся! ледъ тронулся!... пронеслось въ одну минуту по всѣмъ улицамъ Гавриловой слободы. Гавриловцы затуманились. Чуть не вся слобода выступила на берегъ полюбоваться какъ пойдетъ ледъ. Для судовщиковъ это были самыя роковыя минуты. «Пронеси, Господи, благополучно!» шептали они крестясь, когда огромная льдина, напираемая быстрымъ

теченіемъ воды, начинала иногда съ неимовѣрною силою чертить берегъ. Понятно, въ какомъ положеніи долженъ находиться человекъ, когда все его достояніе, весь его капиталъ, нажитый долготѣлнмъ и усиленнымъ трудомъ, зависить отъ благополучнаго исхода настоящей минуты. Напротивъ того, съ каимъ то дикимъ любопытствомъ, а можетъ быть и не безъ тайнаго наслажденія, смотрѣли на эту разрушительную силу природы другіе слобожане, у кого не было судовъ и кому нечего было терять.

На приверхѣ острова, находящагося ближе къ противоположному берегу Волги, образовались огромнѣйшія ледяныя горы; по этому случаю ледъ сталъ наипрять и на этотъ берегъ. Суда зашевелились, чалки натянулись какъ струны, а нѣкоторыя стали лопаться (рваться) какъ нитки, не смотря на ихъ толщину. Два судна вывихнуло на берегъ къ самому обрубъ и избочило страшнымъ образомъ. У одного судна проломилъ весь бокъ, подломило льдомъ мачту, которая съ трескомъ грохнулась на ледъ и перешиблась на три части.

— Эхъ-ма! вотъ такъ разъ! произнесли при этомъ нѣкоторые слобожане, у которыхъ не было судовъ, а иные только прикрикнули.

— Ай, батюшки! бѣда! проголосили въ свою очередь судовщики.

Ни жива ни мертва стояла Пелагія Петровна на обрубѣ, и глазъ не спускала съ своей росшивки, къ которой только еще приближалась эта видимая гроза. Наконецъ зашевелилась и ея росшивка.

Не много, кажется, вывихнуло ее на берегъ, и ровно бы не сильно пошевелило льдомъ, но спережневый бокъ сейчасъ же погрузился въ воду.

— Батюшки! знать и нашу ту росшивку проломилъ! произнесла съ отчаяніемъ Пелагія Петровна, когда увидѣла, что расшива ея однимъ бокомъ затонула.

— Должно быть проломилъ, подтвердилъ угрюмо Николай Ивановичъ, который въ это время тоже стоялъ на обрубѣ и давно уже обдумывалъ что имъ дѣлать, когда у нихъ изломаетъ росшиву.

— Ахъ, мои батюшки! ахъ, родимые! заголосила протяжно Пелагія Петровна, съ отчаяніемъ всплеснувши руками:—теперь разоримся видно на тло... и Пелагія Петровна, подпершись рукою, горько заплакала.

Между тѣмъ ледъ, пройдя еще сажень десять, началъ затираться въ берегахъ и потомъ остановился. Хозяева поломанныхъ судовъ растерялись совершенно. Они бѣгали, суетились, но безъ всякой цѣли и соображенія. Напротивъ того, тѣ изъ хозяевъ, у которыхъ суда стояли въ безопасности, были бодры и веселы: смотря на постороннее бѣдствіе, они только философствовали на свой ладъ. Что же касается до Пелагіи Пет-

ровны, то въ это время на нее жаль было и смотрѣть. Убитая горемъ, она ослабла совершенно, и сдѣлалась необыкновенно какъ кротка и тиха. Постигшее бѣдствіе какъ будто измѣнило ея натуру. Мгновенно исчезли у нея всѣ замыслы, всѣ честолюбивые разсчеты; не стало и признака тѣхъ отталкивающихъ манеръ въ обращеніи, какія развились въ ней подъ вліяніемъ общественной среды. Съ дѣтскою довѣрчивостію она обращалась за совѣтомъ чуть не къ каждому человѣку. Куда только и дѣвалась у нея прежняя гордость и надменность! ни въ лицѣ, ни въ выраженіяхъ ея не осталось этого и слѣда. Только во время постигшихъ ея бѣдствій и можно было видѣть Пелагію Петровну, какъ она была отъ природы, въ другое же время можно было въ ней только видѣть величавую гавриловскую купчиху. Съ Николаемъ Ивановичемъ она тоже сдѣлалась необыкновенно какъ ласкова и внимательна. Въ эти минуты она, кажется, дорожила его спокойствіемъ болѣе, нежели своимъ собственнымъ. И видно какъ сдерживала она предъ нимъ порывы своей печали, для того, что бы не навѣять на его душу большихъ тревожныхъ думъ и не привести его въ уныніе.

— Николинъка, батюшка! вонъ Денисъ Иванычъ говоритъ, что росшивку ту нашу можно еще поправить, говорила она, когда миновалась уже дальнѣйшая гроза: можно, говоритъ, вытащить на берегъ, да починить проломъ-отъ, такъ какъ ты, батюшка, думаешь? можно ли?

— Едвали, произнесъ угрюмо и печально Николай Ивановичъ,—ее, кажется, всю помяло. Впрочемъ, всего теперь разглядѣть хорошенько нельзя: все въ водѣ затонуло. Во всякомъ случаѣ, скоро этого починить невозможно, нечего этимъ себя и утѣшать.

— Такъ какъ же, батюшка, Николинъка—что же мы теперь дѣлать то станемъ?

— Да что дѣлать то? придется видно кушить другую росшиву, больше дѣлать нечего.

— Да гдѣ же, батюшка, денегъ то мы возьмемъ на другую то росшиву?

— Кладчикъ дастъ, вѣдь ужъ онъ, я думаю, видитъ, что не отъ насъ бѣда то пришла, дѣлать то нечего дать и впередъ, сверхъ контракта; а тамъ поприхватить немножко у другихъ, хоть подъ вексель... Богъ дастъ, поправимся какънибудь.

У Пелагіи Петровны немножко отлегло отъ сердца. Въ это время она разсуждала уже плохо. Сознывая свое безсиліе въ умственномъ соображеніи, она вполне предалась благоразумію своего сына, и съ особенною заботливостію принялась помогать ему во всѣхъ его работахъ.

Николай Ивановичъ останавливалъ было ее нѣсколько разъ, просилъ, что бы она успокоилась и положила въ всемъ на

Бога; но Пелагія Петровна не слушала. Съ живѣйшимъ участіемъ любящей матери, она неутомимо раздѣляла всѣ его труды, даже отклоняла его отъ болѣе тяжелыхъ работъ и старалась исполнить ихъ сама, увѣряя, что это для нея нисколько не трудно, и что она вовсе не устала.

Между тѣмъ начало уже смеркаться, съ востока подулъ сырой и холодный весенній вѣтеръ. Не смотря на это, всѣ были одѣты довольно легко, а Пелагія Петровна даже бродила босикомъ, увѣряя, что по такой страшной грязи въ женской обуви ходить невозможно, а мужскихъ сапоговъ сила не возьметъ вытащить.

— Ты, батюшка, Николинъка, не простудись, замѣтила заботливо Пелагія Петровна:—надѣль бы полушубочекъ, родимый мой.

— Ничего, маменька, я не озябъ. Сама то лучше не простудись, смотри ко ты все босикомъ ходишь, да и одѣта то какъ... Но Пелагія Петровна, не слушая замѣчаній сына, торопливо сбѣгала домой и принесла ему полушубочекъ.

— На, вотъ, батюшка, надѣнь, вѣдь ты простудился, проговорила она, принимаясь сама надѣвать на него полушубокъ.

— Да постойте, я самъ надѣну, произнесъ какъ бы съ досадою Николай Ивановичъ.

Пелагія Петровна отошла немножко прочь, но все таки заботливо наблюдала хорошо ли онъ застегнется.

Съ грустію посмотрѣлъ на нее Николай Ивановичъ. Въ эти минуты ему чрезвычайно какъ сдѣлалось жаль своей матери. Онъ видѣлъ какъ она, убитая горемъ, безъ обуви бродила по камнямъ, вязла иногда по колѣно въ холодной весенней грязи, видѣлъ какъ перебиралась она по льдинамъ къ своей рощивкѣ, кое какъ на нее вкарабкалась для того, что бы лично удостовѣриться въ величинѣ пролома. Заглянувъ во внутренность рощивки, Пелагія Петровна съ невыразимою грустію и отчаяніемъ махнула рукою.

— Нѣтъ, уже видно, батюшка Николинъка, не почиимъ, проворчала она уныло.

— Оно поправить можно, замѣтилъ для ободренія Николай Ивановичъ: удѣлать можно лучше новаго, да только ужъ не теперь, а по времени.

Пелагія Петровна печально улыбнулась и сомнительно покачала головою.

Было уже довольно темно, когда Пелагія Петровна съ величайшимъ трудомъ спустилась съ рощивки на ледъ, кое какъ перебиралась на берегъ, и побрела грязью домой, спотыкаясь въ темнотѣ на каждомъ шагу. Николай Ивановичъ видѣлъ все это своими глазами, и ему стало стыдно за самого себя.

•Смотри ты какъ заботится обо мнѣ мать! думалъ онъ какъ трудится и надрывается для общаго нашего благополучія! а я

черть знаетъ что и дѣлаю—картины рисую, да учу физику, да то, да сѣ, а она вонъ чуть не умираетъ за меня.» И Николай Ивановичъ съ ожесточеніемъ плюнулъ на всѣ свои занятія. Въ это время опротивѣли ему науки и искусства, и опротивѣли потому болѣе, что онъ, занимаясь ими, отвлекался только отъ промышленныхъ занятій и огорчалъ этимъ свою мать.

«Вѣдь я вотъ люблю же заниматься науками, отъ которыхъ еще Богъ знаетъ, получу ли себѣ какую нибудь пользу, разсуждалъ опъ, а она также любитъ судовой промыселъ, который до сей поры, доставлялъ всему семейству хлѣбъ насущный.»

Такимъ образомъ Николай Ивановичъ, во время своей душевной тревоги, рѣшился бросить всѣ свои ученые занятія и все вниманіе свое обратить на судовую промышленность. На настоящее свое бѣдствіе онъ смотрѣлъ какъ на частный случай, въ которомъ еще видѣлъ возможность поправиться. Къ тому же, и бурлаки, противъ всякаго чаянія, не слишкомъ беспокоили его. Хорошая артель, видя такую остановку, взволновалась бы непременно. Она потребовала бы самыхъ быстрыхъ распоряженій; потребовала бы новой росшивы, или безотлагательной починки старой. Но бурлаки Николая Ивановича не заявляли ни какихъ требованій. На случившееся несчастіе они смотрѣли совершенно безучастно, какъ будто все шло по обыкновенному порядку вещей. Какъ бы то ни было, но на нихъ теперь была вся надежда, потому что въ нихъ только и сосредоточивался уже послѣдній капиталъ.

Весь слѣдующій затѣмъ день (это былъ день Великія Субботы) Николай Ивановичъ, не пивши не ѣвши, занимался на росшивѣ. Нужно было подвести ее къ берегу и поставить на болѣе удобное мѣсто, стаскать съ нея лишніе припасы и пр. Работъ этихъ стало на весь день.

Поздно вечеромъ, Николай Ивановичъ, усталый и измученный, возвратился домой и, не говоря ни слова, сѣлъ угрюмо на лавку. Въ лицѣ его замѣтна была перемѣна.

— Что ты, батюшка Николенька, что это съ тобою сдѣлалось? не захворалъ ли ты, родимый? спросила его заботливо Пелагія Петровна.

— Нѣтъ, ничего, я здоровъ, отвѣтилъ отрывисто Николай Ивановичъ.

— Да что же ты ничего не говоришь, что у васъ тамъ дѣлается? да ты еще, родимый, и не ѣлъ ничего, смотри, во ты такъ весь и *перемякъ* *). Сядь ко да поѣшь чего нибудь... И Пелагія Петровна принялась торопливо накрывать на столъ.

— Миѣ ужъ и ѣсть то что то, право, не хочется, отозвался

*) Исхудалъ—потерялъ жизненность въ лицѣ и движеніяхъ.

печально Николай Ивановичъѣда; то уже на умъ неидеть... Все такія непріятности, право.

— Да ужъ ты, батюшка, немного убивай себя то, что дѣлать то, можеть быть, какъ нибудь Богъ и пронесеть.

Пелагія Петровна говорила это для одного только ободренія Николая Ивановича, но сама не видѣла уже никакого благополучнаго исхода своему дѣлу.

— Да я вѣдь ничего... не отчаяваюсь, проговорилъ угрюмо Николай Ивановичъ, дѣло какъ нибудь да уладится, какъ нибудь да проживемъ... а все какъ то одна бѣда не придетъ, а просто бѣда бѣду родить.

— Али, родимый, еще что тамъ у васъ надѣлалось? спросила встревоженная Пелагія Петровна, а сама, выжидая отвѣта, такъ и измѣнилась въ лицѣ.

— Особеннаго то ничего не надѣлалось, отвѣтилъ уклончиво Николай Ивановичъ, замѣтивъ въ ней тревожную перемѣну.

— Какъ ничего! ужъ я вижу, что еще что нибудь надѣлалось. Скажи, родимый, что тамъ еще сдѣлалось? скриваться то ужъ нечего: видно опять Божія рука пришла на насъ грѣшныхъ.

— Ужъ подлинно что Божія рука... Бурлаки, провлягые, бѣжали, проговорилъ отрывисто Николай Ивановичъ.

— Какъ бѣжали? да много ли ихъ бѣжало?

— Да всѣ, до одного бѣжали.

Пелагія Петровна съ самою отчаянною грустію всплеснула руками.

— Ахъ, мошенники! ахъ, грабители! проговорила она, качая головою. Что же батюшка, Николинъка, мы теперь дѣлать, то станемъ.

— То то вотъ и есть «что дѣлать то». Теперь то вотъ распоряженіе то и требуется, а какъ хорошо то, да благополучно все идетъ, такъ распорядиться то не мудрено! Оханьемъ ту вотъ, да слезами дѣла то не исправишь. Теперь, я думаю, надо отправиться по горячимъ слѣдамъ къ графскому бурмістру, да вытребовать отъ него задатки. Вѣдь бурлацкіе то начпорты у насъ, а въ полученіи задатковъ онъ самъ росписался, такъ ужъ не вывернется. А артелишка то чортъ съ нею—дрянь, жалѣть то ее нечего, можно порядить другую, лучше ея. Только вотъ росшиву ту надобно поскорѣе приторговать. Я знаю, въ селѣ Воскресенскомъ продается самая подходящая росшивва, ее вотъ и купимъ; а хозяинъ-отъ, говорятъ, въ деньгахъ то не отказываетъ.

Къ счастью Бобровыхъ, хозяинъ влады дѣйствительно былъ добрый и разсудительный человѣкъ. Услышавъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ много переломало судовъ, онъ прислалъ въ Гаврилову слободу своего прикащика съ деньгами, и приказалъ,

ему, въ случаѣ крайней надобности, выдавать ихъ своимъ поставщикамъ по контракту впередъ.

Пелагія Петровна опять немножко успокоилась.

— Такъ ужъ, Николинъ батюшка, ѣхать видно надобно къ бурмистру ту; не сбѣгать ли мнѣ теперечи же къ ямщикамъ да не порядить ли?

— Ходиль ужъ, да не рядятся.

— Отчего же не рядятся? подороже ужъ дать, дѣлать то видно нечего.

— Сколько хотите давайте, не рядятся. Знаете, завтра праздникъ-отъ какой? на этотъ праздникъ никто не порядится. На что-вонъ Никитка Корногинъ: чуть не собираетъ, а и тотъ вонъ «въ этако-тъ, говоритъ, праздникъ хоть озолоти, такъ не поѣду». Впрочемъ, по этакой дорогѣ лучше иѣшкомъ идти; я такъ и думаю. Завтра, прямо послѣ заутрени, и отправлюсь: дѣлать видно нечего.

— Такъ ужъ мнѣ лучше не сходить ли, родимый, ты и безъ того усталъ? предложила было Пелагія Петровна; но Николай Ивановичъ на это никакъ не соглашался, тѣмъ болѣе, что Пелагія Петровна отъ печали, труда и простуды видимо была нездорова.

Покуда они такъ разговаривали, незамѣтно прошло время; на колокольнѣ пробило 12 часовъ, и съ послѣднимъ ударомъ часоваго колокола, мгновенно раздался громкій и радостный благовѣстъ къ заутренѣ.

Пелагія Петровна съ благоговѣніемъ перекрестилась. Свѣтлое и отрадное чувство, понятное для каждаго русскаго человѣка-христіанина, промелькнуло въ ея душѣ. «Слава тебѣ, Господи! Богъ привелъ дожить до Свѣтлаго Христова Воскресенія!» произнесла она съ умиленіемъ.

Сколько ни грустна была Пелагія Петровна, сколько ни печальна, однако не утѣрилась, что бы не выйти на обрубъ и полюбоваться, на площечки, которыми роскошно разукрашены были для свѣтлаго праздника всѣ колокольни, начиная отъ креста до самаго основанія.

Увидавъ съ обруба колокольни, освѣщенные площечки, Пелагія Петровна такъ и встрепенулась.

— Матушки мои площечки! произнесла она восторженно, съ чувствомъ глубокой душевной радости:— посмотри-ко, Николинъ, какъ они, мои матушки, горять!.. Этакой праздникъ Христовъ! Этакая радость! ужъ и печалью ту насъ Богъ посыщаетъ, да и радостью ту не оставляетъ насъ грѣшныхъ!..

Для большей торжественности во многихъ мѣстахъ зажжены были смоляныя бочки, поставленныя другъ на дружку, которыя пылали какъ огненные исполнины.

Полюбовавшись на площечки и на пылавшія бочки, Пелагія Петровна возвратилась домой и стала одѣваться къ заутрени. Тутъ снова, какъ бы неволью, прорвались въ ея душу груст-

ныя и тяжелыя думы, напоминавшія ей о печальной дѣйствительности настоящаго ихъ положенія. Какъ бы то ни было, но Пелагія Петровна, почитая свѣтлый праздникъ, одѣлась въ самое лучшее платье, и не оставила на себѣ никакого печальнаго признака.

Николай Ивановичъ, вмѣстѣ съ матерью отправился къ заутрени.

По окончаніи службы, онъ, какъ водится, со всѣми похристосовался и, прямо изъ церкви, не заходя домой, отправился въ с. Покровское, къ графскому бурмистру. До Покровскаго было около пятидесяти верстъ; но онъ рѣшился возвратиться домой въ тотъ же день, или упасть на дорогѣ отъ усталости.

Послѣ заутрени, Пелагія Петровна отправилась домой, потому что обѣдни тамъ начинаются вмѣстѣ съ солнечнымъ восходомъ.

Только что подошла она къ своему дому и хотѣла перекреститься на образъ, приколоченный къ воротамъ, какъ вдругъ поразило ее новое неожиданное горе, отъ котораго подкосились у нея ноги. Пелагія Петровна зашаталась и, ухватившись за ворота, едва—едва удержалась на ногахъ.

Какой то злой человѣкъ, не почтивъ великаго дня свѣтлаго праздника и не уваживъ бѣдствія, постигшаго Пелагію Петровну, во время заутрени, вымазалъ у нихъ ворота дегтемъ, и тѣмъ окончательно обезславилъ и погубилъ бѣдную Машу, и нанесъ позоръ всему дому.

Пелагія Петровна едва—едва дотащилась въ горницу, сбросила съ себя самолучшее платье, и, не помня уже великаго дня, въ который по народному вѣрованію, ни въ какомъ случаѣ не должны проливаться печальныя слезы,—зарыдала.

Маши въ горницѣ не было и гдѣ она была неизвѣстно.

У Пелагій Петровны невольнымъ образомъ промелькнули въ воображеніи всѣ минувшія дѣйствія Маши, на которыя она мало обращала вниманія. Ей стала иначе уясняться теперь причина особенной Машинной дружбы съ работницею, наклономъ ея къ уединенію и къ ночнымъ прогулкамъ въ своемъ огородѣ. Она припомнила также одинъ суровый поступокъ покойнаго Ивана Порфирьча, который Богъ знаетъ за что, однажды притаскалъ Машу и согналъ со двора работницу; пришли тогда на память и другія кой какія подробности, и раздирающая ея душу дѣйствительность изобразилась предъ нею такъ ясно.

Худы ли хорыши ли были обычаи слобожанъ, но только честию дѣвицы они дорожили болѣе всего, и конечно охраняли ее по своему. Дѣвица, потерявшая честь считалась за семейное несчастье.

Собравъ всѣ свои разбитыя силы, несчастная Пелагія Петровна послѣшно сошла въ избу, налила въ шайку горячей воды, положила въ нее дресвы и, сжавъ сердце, побрела къ воротамъ

смывать и соскабливать съ нихъ позорное смоляное пятно. Вся внутренность надрывалась у нея, при этой прискорбной работѣ, руки опускались, и слезы, не останавливаясь, капали въ шайку. Робко и боязливо осматривалась она во все стороны из опасенія, что бы не замѣтилъ ее народъ. Только что покажется изъ за угла какой нибудь человѣкъ, какъ Пелагія Петровна поспѣшно хватала шайку и уходила на дворъ. Человѣкъ проходилъ мимо дома и, посмотрѣвши на ворота, съ усмѣшкою качалъ головою. Минуты черезъ двѣ, Пелагія Петровна, пріотворивъ немного ворота, робко высовывала голову, оглядывая на право и на лѣво, и снова принималась за работу.

Не успѣла она кончить своей работы какъ ударили въ обѣднѣ потому что начало уже всходить солнышко, играющее, по народному убѣжденію, въ первый день Пасхи.

Въ радостные дни человѣкъ больше ощущаетъ постигшее его горе; такъ точно и Пелагія Петровна. Услышавъ звонъ колоколовъ, призывающихъ христіанина къ торжественному и радостному служенію и взглянувъ на свѣтлое, играющее солнышко, задрожала всѣмъ тѣломъ и заплакала, тѣмъ болѣе, что тутъ же, не вдалекѣ, стояла въ какомъ то угрюмо-наклонномъ положеніи мачта ея изломаннаго суденышка. «Такъ ли я думала нынче встрѣтить день свѣтлаго праздника!...» проговорила Пелагея Петровна, заливаясь слезами.

Собравъ послѣднія свои силы, она еще поскобила немножко ворота косаремъ, потерла дресвою и, въ заключеніе, вытерла ихъ тряпичею. Хоть смолу она очистила, но слѣдъ все таки остался.

Закончивъ такимъ образомъ свою унижительную работу, Пелагія Петровна, шатаясь, побрела въ избу, и, какъ разбитая душевною болѣзнію, слегла въ постель.

Послѣдняя печаль подѣйствовала на нее сильнѣе постигшаго ихъ бѣдствія. Какъ бы то ни было, но тотъ, кому удалось вымазать ворота, остается совершенно покойнымъ, тѣмъ болѣе, что не преслѣдуетъ этого и полиція.

Мама не казалось уже Пелагій Петровнѣ и на глаза, да та и сама уже этого не желала; напротивъ того, она ждала, что бы Маша куда нибудь исчезла, или что бы прекратилось ея существованіе.

Вѣсть объ этомъ происшествіи мгновенно пронеслась по всей слободѣ. Не успѣли кончиться обѣдни, какъ любопытныя слобожанки пошли толпами путешествовать, подъ видомъ прогулки, мимо дома Пелагіи Петровны. Съ самыми ловкими ужимками и различнаго рода усмѣшками онѣ искусно косились на ворота и дѣлали кой-какія замѣчанія.

Между тѣмъ, Николай Ивановичъ, не зная новой печали, постигшей ихъ домъ, сѣлшиль въ Покровское. Только что вышелъ онъ на гбру, съ которой хорошо было любоваться и на Вол-

гу, и на Гаврилову слободу, живописно раскинувшуюся на низменной равнинѣ, какъ ударили въ обѣднѣ.

День былъ ясный и совершенно безоблачный. Высоко надъ головою и Богъ знаетъ изъ какихъ воздушныхъ странъ доносились восторженные пѣсни жаворонковъ, которые, встрѣчая свѣтлый праздникъ, наполняли воздухъ своимъ привѣтственными трелями. За Волгою разносились, въ свою очередь, немолчаливые крики мартиновъ, какъ будто разговаривающихъ между собою о чемъ-то веселомъ. На что ужъ простѣе и домовитѣе галогъ, постоянныхъ сельскихъ обывательницъ, и тѣ на этотъ разъ, собравшись въ огромное стадо, летали высоко въ воздухъ и какъ то весело въ немъ кувырѣлись.

Изъ ближайшихъ деревень тянулся въ Гаврилову слободу народъ большими вереницами. Народъ сѣшилъ въ обѣднѣ и, какъ можно, торопился застать всеми любимую и одинъ только разъ въ годъ прочитываемую при торжественномъ переводѣ колокольнаго звона, высокую евангельскую проповѣдь: «Въ началѣ бѣ слово.»

Услышавъ благовѣсть, Николай Ивановичъ оглянулся назадъ, и перекрестился на Божьи храмы. Потомъ, какъ бы невольно, окинулъ ясную синеву весенняго неба, полюбовался на играющее солнышко, какъ то хорошо и живописно освѣтившее съ одной стороны Гаврилову слободу, съ ея бѣлыми церквами и высокими колокольнями, и ему стало невыносимо какъ грустно. Онъ живо представилъ себѣ тогда счастливую дѣтскую жизнь, когда, бывало, съ невозмутимымъ дѣтскимъ восторгомъ и радостію встрѣчалъ онъ этотъ великій праздникъ, когда, дождавшись желанной весны, онъ, въ виду своихъ товарищей торжественно проскакивалъ на одной ногѣ чрезъ какую нибудь только что обсохшую лужанку, и былъ въ это время невыразимо какъ доволенъ и счастливъ; но теперь всѣ эти восторги и радости безвозвратно миновались: ихъ смѣнила и отравила жизненная забота. Теперь, не смотря на свѣтлый праздникъ, когда всякая плоть веселится и радуется, онъ принужденъ былъ идти пѣшкомъ за пятьдесятъ верстъ, по грязнѣйшей дорогѣ.

Пройдя верстъ десятокъ, Николай Ивановичъ попытался было нанять извозчика; но мужики не стали и рядиться.

— Ты видно, пріятель, изъ невѣрныхъ? замѣтилъ ему съ насмѣшкою одинъ старикъ:—вѣдь этотъ праздникъ однажды въ году ту бываетъ: по нашему, однимъ то денькомъ и тебѣ можно бы для Бога то пожертвовать.

— Нужда, дѣдушка, заставила, сказалъ въ свое оправданіе Николай Ивановичъ,—какъ бы не нужда—пойдешь ли бы въ этотъ день!

— То то «нужда!» у насъ все нужда, а не корысть ли полно?.. Судовщикъ поди?

— Да, изъ судовщиковъ, проговорилъ не съ большою охотою Николай Ивановичъ.

— Такъ я и думалъ. Вашъ братъ хапуга, живя на вольномъ свѣтѣ, ничего не разбираетъ, ни во что ставить и праздники то Господни, такъ, вотъ, Богъ-отъ и подаетъ намъ грѣшнымъ... Не твои ли ночесъ бурлаки то бѣжали? судно, говорятъ, изломало?

— То то мои, дѣдушка, подхватилъ Николай Ивановичъ:— они то меня и вынудили, мошенники. Задатки вѣдь забрали, да убѣжали!

— А ты не зналъ что ли графской ту вотчины? крикнулъ на Николая Ивановича другой мужикъ, съ какимъ то гнѣвомъ.

— Выгадать, чай захотѣлъ, знамо дѣло, подхватилъ, смѣючись, третій: вотъ они ему щетину-ту и во скѣли, теперь вотъ и лови ихъ за хвосты то!

— Да вѣдь бѣгать то тоже не велятъ, замѣтилъ Николай Ивановичъ.

— Какъ ѣсть то нечего будетъ, такъ и изъ дому убѣжить, а не то что отъ вашего брата, перебилъ съ азартомъ второй мужикъ:— а вѣдь ужъ графскую ту вотчину управляющіе то вонъ до чего довели—мякну, вонъ, ѣдятъ! такъ что имъ не бѣгать то? чего бояться то? сибиря что ли? сибиря то имъ мать родная. А то: «бѣгать не велятъ!» Кто имъ бѣгать то не велитъ?.. Какъ бы не велѣли, такъ бы и не бѣгали, а ужъ коли убѣжали, такъ на что нибудь да надѣются.

— Да мнѣ бы только задатки то обратно выдали, а то пѣсь съ ними! возразилъ Николай Ивановичъ.

— Съ кого же ты, милой человѣкъ, думаешь задатки то получить? спросилъ старикъ.

— Да бурмистръ, я думаю, выдастъ, онъ самъ ихъ получалъ, и росписку далъ.

Мужики всѣ до одного захохотали.

— Нашелъ съ кого получить! такой и человѣкъ! проговорили они въ одно слово!—нѣтъ, онъ отдавать то, пріятель, не болѣно любить; братъ—это его дѣло.

— Мало ли бы что не любилъ, да заставить!

— А кто его заставитъ? ты что ли?

— Начальство заставить.

— На начальство то нонѣ, милой человѣкъ, тоже не само надѣйся, замѣтилъ старикъ.

— Да что ему начальство то? перебили мужики, онъ начальство то у себя за пазухой носить: съ того сдеретъ пятьсотъ, да съ другого тысячу, вотъ у него начальство то и въ рукавахъ!..

— Да вѣдь можно начальство то и по выше найдти, замѣтилъ Николай Ивановичъ.

— До Бога высоко, а до царя далеко, произнесли мужики, махнувши рукою:— а безъ тугой ту пазухи и тамъ ничего не подѣлаешь, знаемъ ужъ мы.

— Правды то нонѣ, милой человѣкъ, болѣно мало стало, замѣтилъ старикъ, гдѣ она нонѣ? кто по правдѣ то живетъ или

судить? любви то въ мірѣ то не стало, да и правды то нѣтути. Какъ бы правда то была, такъ сталъ ли бы тоже и бурмистръ такіа дѣла дѣлать!

— Да что же онъ такое дѣлаеть? полюбопытствовалъ Бобровъ.

— А грабить всѣхъ, вотъ что! отвѣтили второй мужикъ, не думавши.

— Да какъ же этакого то мошенника въ управляющіе то посадили?

— Кто его посадилъ? крикнули мужики въ нѣсколько голо- совъ, — вѣдь его не міръ посадилъ, а баринъ: ему онъ только и отчетъ отдаеть. Какъ бы міръ-отъ его усчитываль, такъ бы не то и было, а теперь что ему? съ кого хочеть, съ того и дереть, страху ту надъ собой не видитъ; а вѣдь нашъ-отъ братъ какъ острастки то надъ собой не видитъ, такъ сдѣлаеться хуже барина—и не сладишь!

Давно сказано, что мужицкое то сердце изъ онучи спито; такъ вотъ ты его и разжалобъ.

— Такъ чего же мужики то глядятъ? что барину ту не жалуются?

— Гдѣ его тамъ, барина то, найдешь? онъ вонъ, говорятъ, невѣ какой *итальи*, чтоли, тамъ живеть, ищи тамъ италы то! Какъ бы съ міромъ то почаще видался, такъ бы, знамо дѣло, поскорѣе мірекую ту слезу увидѣлъ...

Поговоривши такимъ образомъ съ мужиками, Николай Ивановичъ отправился далѣе въ самомъ нехорошемъ расположеніи духа.

— Безъ толку проходишь! право, безъ толку! говорили въ слѣдъ ему мужики, провожая его до воротецъ. Онъ тебѣ такіе антифоны подведеть, что ты расплывешься, еще прибавишь ему сотню, такъ ужъ за любовь, присоветовали они въ видѣ остроты.

«Мнѣ то анти-фоновъ-ту не подведеть, подумаль самонадѣ- янно Николай Ивановичъ,—на дураковъ видно все нападаеть, такъ съ рукъ то ему и сходить.... А безъ хлопотъ видно не обойдется!»

Что бы успѣть возвратиться домой, Бобровъ пошелъ какъ можно скорѣе, и разошелся до того, что побѣжалъ потомъ бѣгомъ. Пользуясь хорошимъ здоровьемъ и легкостію, онъ не чувствовалъ тогда слишкомъ большой усталости. На половинѣ дороги онъ въ одной деревнѣ на полчаса остановился пообѣдать, гдѣ и разговѣлся шами съ бараниною, и мологомъ. Въ село Покровское онъ прибѣжалъ въ началѣ второго часа за полдень.

Деревенскія дѣвки давно уже качались на качеляхъ и скакали на доскахъ, встрѣтивъ первый весенній праздникъ веселыми хороводными пѣснями. Около дѣвокъ увивались молодые парни, которые затѣвали различныя деревенскія игры. Старики

сидѣли на завалинахъ, пригрѣваемые краснымъ солнышкомъ. Они любовались только на благодать Господню и на разгулье молодцовъ, вспоминая свою молодость.

Покровское было различныхъ господъ; но графскихъ мужиковъ какъ то можно было отличить по виду.

Николай Ивановичъ спросилъ бурмистровъ домъ: ему указали его. Впрочемъ, бурмистровъ домъ можно было узнать по особеннымъ примѣтамъ, потому что, проходя мимо этого дома, графскіе мужики обыкновенно снимали шапки. Кроме того, около дома рассказывалъ мужичекъ, съ самою унылою физиономіею. Онъ представлялъ собою нѣчто въ родѣ почетнаго караула, который, по приказанію бурмистра, строго исполнялся днемъ и ночью.

Въ сѣняхъ стояли два дежурные мужика, обязанность которыхъ была: докладывать бурмистру о приходившихъ и исполнять всѣ домашнія приказанія. На ихъ же обязанности было: высѣчь кого нибудь на скорую руку, по усмотрѣнію бурмистра, т. е. высѣчь домашнимъ образомъ — не въ зачетъ, потому что зачетная сѣчка произведена, по усмотрѣнію того же бурмистра, въ вотчинномъ уже правленіи.

Войдя въ сѣни, Бобровъ спросилъ дежурныхъ, дома ли бурмистръ, и когда узналъ что дома, то хотѣлъ было прямо войти въ комнату; но его остановили дежурные и пригласили подождать въ сѣняхъ, покуда они доложатъ о немъ бурмистру. Бобровъ согласился, потому что думалъ, что бурмистръ отдыхаетъ.

Докладъ продолжался около четверти часа, послѣ чего, Боброва впустили въ комнату.

Оказалось, что бурмистръ вовсе не спалъ, а занимался своимъ дѣломъ.

Въ то время, когда Бобровъ вошелъ въ комнату, бурмистръ сидѣлъ на какомъ то особеннаго рода диванѣ, въ полудлежащемъ положеніи.

Это былъ высокій, черноватый мужикъ, лѣтъ въ пятьдесятъ, съ краснымъ бурмистрымъ носомъ и отталкивающей, пьяною физиономіею, на которой такъ и выражалась какая то нахальная дерзость и надмѣнность пошлаго властелина. Изъ лица и изъ рѣчей сейчасъ же можно было догадаться, что онъ въ это время былъ уже довольно пьянъ.

На полу передъ бурмистромъ стоялъ на козлѣняхъ старичекъ, какъ видно убитый какимъ то сердечнымъ горемъ, потому что онъ вытиралъ кулакомъ слезы.

Онъ, должно быть, нарочно выбралъ для своей просьбы этотъ всепрощающій день, въ который у добраго христіанина какъ бы потухаетъ всякая личная вражда, но, должно быть, на этотъ разъ ожиданія его не оправдались.

— Говорятъ тебѣ, ступай въ чорту! вскричалъ бурмистръ на старичка, грозно топнувъ ногою. — Коли я сказалъ, что твоей

Душкѣ быть за Ванькой — такъ и будетъ мое слово законъ. Знаешь кто я? а?... знаешь?!

Старичекъ хотѣлъ было что то промолвить, но бурмистръ перебилъ его.

— Я здѣсь все равно что графъ! у меня васъ на рукахъ ту три *тысячи* душъ, такъ всѣхъ ту васъ мнѣ не переслушать... Вонъ, говорю я!.. а не то... эй! дежурные!

Старичекъ, недождавшись появленія дежурныхъ, торопливо поклонился бурмистру въ ноги, какъ это слѣдовало, по заведенному обычаю и, утирая свои слезы, вышелъ вонъ.

— Не нужно! произнесъ бурмистръ, когда вошли къ нему дежурные.

Дежурные безмолвно вышли.

Сцена эта, которой Николай Ивановичъ былъ невольнымъ свидѣтелемъ, произвела на него чрезвычайно неприятное впечатлѣніе. «Съ этимъ человѣкомъ, дѣйствительно, безъ хлопотъ не обойдется», подумалъ онъ про себя.

— Что тебѣ надобно? спросилъ довольно дерзко бурмистръ, обращаясь къ Николаю Ивановичу и не измѣняя своего полужающегося положенія. Для большей важности онъ говорилъ чрезвычайно протяжно и немножко въ носъ.

— Ваши бурлаки бѣжали у насъ съ работы, отвѣтилъ безъ околичностей Бобровъ:— такъ я пришелъ получить обратно задатки, въ которыхъ ты росписался.

— Ха! ха! ха! задатки пришелъ получить, а какъ меня зовутъ? произнесъ бурмистръ, нестолово корчась на диванѣ.

— Я думаю, ты себя то знаешь какъ зовутъ, отвѣтилъ тоже не безъ дерзости раздосадованный Николай Ивановичъ.

— Не тычешься, приятель (т. е., вмѣсто ты, говори вы), меня, я думаю, можно *звеличать* съ имени и съ *отцва* (мѣстное нарѣчіе); да не стыдно и вашимъ высокостепенствомъ назвать.

— О пустякахъ ту намъ переговаривать то съ тобой нечего, ломилъ по своему Николай Ивановичъ: — мнѣ выдай сейчасъ задатки, или вышли артель; а не то я жаловаться стану начальству.

— Ха! ха! ха! «начальству жаловаться!» Начальствомъ то, любезный, меня не стращай, я здѣсь самъ начальство, мнѣ исправники ни почемъ. Для насъ исправникъ-отъ больно не дорогъ стоитъ: бросилъ ему тысячу въ зубы то и вей изъ него веревки; а для меня тысяча-то — хтифу!

— Хорошимъ, братъ, дѣломъ хвастаешь!.. замѣтилъ съ изсѣбною Николай Ивановичъ.

— А что мнѣ не хвастать то? кого я боюсь?... я здѣсь самъ графъ, что хочу, то и дѣлаю.. эй, дежурные.

Вошли дежурные.

— Ты князю самоваръ, произнесъ онъ, обращаясь къ одному изъ дежурныхъ: — *цаю* хочу, въ разводку; а ты ступай къ иконописцу, что недавно сюда пріѣхалъ, скажи ему, что его,

моль, высокостепенство, Кузьма Иванычъ Козыревъ, графскій управляющій, желаетъ съ себя написать *напрету*, въ золотыхъ, моль, рамахъ; такъ пришелъ бы завтра ко мнѣ. За деньгами, моль,—не счетъ, только бы, моль, истово было написано-слышишь?

— Слушаю, батюшка, ваше высокостепенство, отвѣтили раболѣбно дежурный.

— Ну, такъ ступай!

Дежурный вышелъ.

Распоряженіе это Козыревъ сдѣлалъ не столько для надобности, сколько для того, что бы показать предъ Бобровымъ свой форсъ и свою знатность.

— Такъ что же ты мнѣ то скажешь? началъ опять Николай Ивановичъ, на котораго настоящее распоряженіе Козырева не произвело ни какого дѣйствія.

— Что спросишь, отвѣтилъ Козыревъ насмѣшливо.

— Да ты передо мной не корачься, проговорилъ безъ церемоніи Николай Ивановичъ,—я говорю возврати мнѣ задатки, или вышли артель. Вѣдь пачпорты то, любезный, у меня, не позабудь этого.

— Ха! ха! ха! великое дѣло пачпорты! Бумага то вѣдь не дорога; у меня никто безъ пачпорта не останется.

— Такъ другіе, что ли, имъ выдашь?

— А тебя, что ли побоюсь? отвѣтилъ съ насмѣшкою Козыревъ.

— Ну, посмотримъ выдашь ли.

— Ужъ выданы, смотрѣть то нечего.

— Хорошо, буду это знать, проговорилъ въ волненіи Николай Ивановичъ.—Такъ скажи мнѣ теперь рѣшительно: отдашь мнѣ задатки, или нѣтъ?

— Тшпру!.. скоро ѣдешь! попятъся назадъ, выразился съ злою насмѣшкою Козыревъ.

— Вотъ какъ представишь мнѣ старые то пачпорты, да мою росписку; да разъ десятокъ поклоняешься мнѣ въ ноги, да поползаешь передо мною на колѣнкахъ, такъ, можетъ быть подумаю посулить хоть половинку, ха! ха! ха!..

Николай Ивановичъ вспыхнулъ.

— Самъ прежде не наползайся передо мною на колѣнкахъ ту! чуть выговорилъ онъ отъ горячности, — мошеничать то, братъ, не велятъ, хоть ты и графскій бурмистръ. Не на того, братъ, наскочилъ; я тебѣ докажу какъ двойные то пачпорты выдавать. У меня скоро узнаешь тепла ли казенная то квартира!

Последними словами Бобровъ намекалъ ему на острогъ.

— Я съ исправниками то вашими вѣдаться не стану, а прямо подамъ прощеніе министру, опишу все, что ты мнѣ сейчасъ говорилъ.

— Круто ѣдешь, не лопнули бы заворотки! произнесъ Козыревъ нѣсколько смягченнымъ уже тономъ.

— Не лопнуть, перебилъ его Бобровъ, входя въ азартъ:— до царя дойду, а такъ этого дѣла не брошу. Уменя вѣдь въ рукахъ ту документы. Тамъ, братъ, на мошну твою не поглядятъ, а разберутъ дѣло то по правдѣ. Попомни мой то слова!

Выговоривъ это, Бобровъ поспѣшно вышелъ вонъ и въ азартѣ сильно хлопнулъ дверью.

Такого рода неробкій и рѣшительный тонъ Николая Ивановича, а тѣмъ болѣе угроза царемъ и министромъ немножко озадачили Козырева. Онъ хотѣлъ было что то сказать ему на это; но тотъ не сталъ уже и слушать. «Какимъ подлецамъ ввѣряютъ дѣла вочины!» произнесъ онъ, выходя изъ дому.

Отдохнувъ съ часокъ мѣста на околицѣ села Покровскаго, онъ пустился бѣжать домой. Послѣ отдыха ноги его почувствовали сильную усталость, и едва могли опять размяться. Какъ бы то ни было, но Николай Ивановичъ сдержалъ свое слово: хоть не рано, но все таки возвратился домой въ тотъ же день, и бѣжалъ дѣйствительно до упаду.

Ни живъ ни мертвъ, втащился онъ въ избу, и только что преступилъ черезъ порогъ, какъ ноги его подкосились отъ усталости, и онъ повалился на полъ.

Пелагія Петровна, разбитая постигшимъ ее горемъ, весь день не поднималась съ постели. Желая, однако же, скрыть отъ сына подробности печальныхъ обстоятельствъ, она кое какъ поднялась съ постели и сошла въ избу.

— Что ты, родимый? что съ тобою сдѣлалось? спросила она заботливо Николая Ивановича, увидавъ его на полу.— Здоровъ ли ты, родимый?

— Здоровъ то здоровъ, да только ноги больно устали, си-
лушки нѣтъ, отвѣтилъ Николай Ивановичъ.

— Такъ неужто ты, родимый, все пѣшкомъ шель?

— Все пѣшкомъ, отвѣтилъ Николай Ивановичъ.

— Пелагія Петровна съ сожалѣніемъ покачала головою, потомъ сходила за виномъ, и посоветовала Николаю Ивановичу намочить имъ распухшія ноги. Такъ онъ и сдѣлалъ.

Долго не спрашивала она объ успѣхѣ его путешествія; не заговаривалъ также объ этомъ и Николай Ивановичъ. Онъ сильно боялся огорчить мать своею неудачею, тѣмъ болѣе, что, обдумавши хорошенько дорогою обстоятельства дѣла, онъ ра-
скаивался уже въ своей горячности съ бурмистромъ.

Замѣтивъ, наконецъ, тревожное нетерпѣніе матери узнать о результатѣ его путешествія, онъ, рѣшился разсказать ей весь свой разговоръ съ бурмистромъ и чѣмъ все это кончилось.

Извѣстіе это опечалило Пелагію Петровну окончательно, такъ что она совершенно не знала уже за что и приняться. Обвиняя бурмистра, она, однако же, не одобрила и поступокъ своего сына, замѣтивъ ему, что онъ неумѣстно горячъ и гордъ, не умѣетъ обращаться съ людьми.

— Ужъ ты бы, родимый, поклонялся ему, дѣлать то нечего,

сказала она въ видѣ наставленія:—отъ поклоновъ ту вѣдь спина то не переломится.

— Такому мошеннику, маменька, кланяться не стану, что вы со мною хотите дѣлать, сердце не поворотится. Честному человѣку, будь онъ нищій,—я поклонюсь хоть сто разъ, буду ему прислуживать, а такимъ людямъ кланяться не стану. Такихъ людей надобно проучивать, выводить ихъ на свѣжую воду, а не кланяться имъ. Поклоны то ихъ только портятъ, а не исправляютъ.

— Нужда то придетъ, родимый, такъ поклонись и не ему, возразила со смиреніемъ Пелагія Петровна:—а ему что еще не поклониться то, вѣдь онъ, и вправду, не кое же кто, а управляющій трехъ тысячъ душъ, притомъ же богатый человѣкъ. Что дѣлать то, родимый, надо бы было поклоняться, да попросить; неужто же пропадать всему?

— Не пропадетъ ничего, черезъ начальство вытребуемъ всѣ деньги, да еще взыщемъ и за убытки. Только вотъ на время то надобно какъ нибудь перевернуться.

— Гдѣ ужъ, батюшка, съ такимъ человѣкомъ тяжбу начинать, онъ человѣкъ богатый; у него, я думаю, всѣ ужъ задарены, да подкуплены!.

— А министры то на что? перебилъ Николой Ивановичъ:—министра то, я думаю, ужъ не подкупить; а вѣдь объ этомъ дѣлѣ можно написать и министру, дѣло то это не пустяки, вѣдь онъ, мошенникъ, двойные пачпорты выдалъ, за это ему такую дадутъ нахлобучку, что своихъ не узнаетъ.

Пелагія Петровна сомнительно покачала головою.

— Самой ужъ развѣ не съѣздить ли мнѣ къ нему, да не попроситъ ли его хорошенько, можетъ быть и отдастъ.

— Пожалуй съѣзди на удачу, можетъ тебѣ и отдастъ; только не думаю. Такихъ людей не разжалобишь ни чѣмъ, на нихъ то и дѣйствуетъ одна острастка.

Какъ бы то ни было, но Пелагія Петровна непременно рѣшилась съѣздить къ бурмистру сама, тѣмъ болѣе, что онъ отчасти былъ еще ей знакомъ. Что бы не терять времени, она несмотря на болѣзненное свое состояніе, отправилась туда на другой же день утромъ. По чрезвычайно дурной дорогѣ и притомъ на одной лошадеи, она не могла добраться до села Покровскаго въ тотъ же день и потому, переночевавъ на дорогѣ, она пріѣхала туда на другой уже день передъ обѣдней. Отстоявъ кое какъ обѣдню Пелагія Петровна прямо изъ церкви отправилась къ бурмистру, котораго только что успѣла захватить дома и притомъ совершенно небыякаго. По словамъ дежурныхъ мужиковъ, онъ зачѣмъ то хотѣлъ было ѣхать въ Гаврилову слободу, но увидавъ Пелагію Петровну въ окошко, приказалъ отложить лошадей.

— Здравствуйте, батюшка Кузьма Ивановичъ! заговорила Пелагія Петровна самымъ почтительнымъ тономъ, встрѣтивъ бурмистра въ сѣняхъ.

— Добраго здоровья, сударыня Пелагія Петровна! отвѣтилъ Козыревъ чрезвычайно протяжно и съ произношеніемъ въ носъ: Христось воскресе, сударыня!

— Воистину воскресе! отвѣтила Пелагія Петровна... и они какъ водится, похристосовались.

— Куда Богъ несетъ, сударыня Пелагія Петровна? началъ Козыревъ.

— Да къ вашей милости, батюшка Кузьма Ивановичъ.

— Добро пожаловать, сударыня Пелагія Петровна, въ горницу, милости просимъ, сударыня... эй дежурные! самоваръ разводи! Пелагія то Петровна съ дорожки то чайку попить въ въ разводочку, присовокупили онь, обращаясь съ послѣдними словами къ Пелагіи Петровнѣ.

— Покорно благодарю, батюшка Кузьма Ивановичъ, выразилась Пелагія Петровна, входя за бурмистромъ въ горницу. Миѣ ужъ не до чайку, родимый. Горю то вотъ нашему, батюшка Кузьма Ивановичъ, помоги Бога ради! я объ горѣ то своею пришла васъ попросить.

— Какому, сударыня, горю помочь? я горю всегда готовъ помочь, отвѣтилъ Козыревъ тономъ недоумѣнія.

— Да вотъ бурлачки то ваши, леюшка Кузьма Ивановичъ, у насъ разбѣжались, дѣло все остановили. Теперь бы вотъ суденышко нужно снаряжать, а они, глуные этакіе, всё до одного ушли.

Пелагія Петровна не только Козырева, не уже и бурлаковъ своихъ не смѣла обзвать какимъ нибудь оскорбительнымъ наименованіемъ.

— Да вѣдь суденышко то, я слышала у васъ изломало? спросилъ Козыревъ.

— Другое ужъ, батюшка, приторговали въ селѣ Воскресенскомъ, вынуждена была прихвастнуть Пелагея Петровна. Да ужъ намъ хоть бы задатки то вы, батюшка, выдали, прибавила она съ страшною робостію.

— Если только въ этомъ состоитъ ваше горе, такъ дѣло поправимое, произнесъ Козыревъ самымъ добродушнымъ тономъ: съ моей стороны сударыня Пелагія Петровна задержки въ этомъ никогда не будетъ. Третьяго дня приходилъ здѣсь вашъ сыногъ, да такую горячку понесъ, что я не зналъ что и дѣлать. Не объяснивши миѣ ничего, требуетъ съ меня денегъ да и только... Да еще что сударыня Пелагія Петровна, страшать меня началъ: «я, говоритъ съ тебя тройныя деньги взыщу, въ Сибирь, говоритъ, упрячу, прилыгаль въ свою очередь Козыревъ. Не знаю, молъ, за что меня въ Сибирь ту упрятать, пятнадцать, молъ, лѣтъ управляю вотчиною его высокографскаго сіятельства, да такихъ, молъ, угрозъ себѣ не слыхивалъ.

Ужъ всяко то его я урезонивалъ: «пожалуй, молъ, миѣ, государь мой, начпорты да мою росписку въ полученіи задатковъ, а у меня молъ деньги готовы», и предлагалъ было ему, такъ

нѣтъ «Ты, говоритъ, отдай мнѣ теперь всѣ деньги, а за документами то, говоритъ, самъ прїѣдешь въ Гаврилову слободу»... да такъ къ горлу и приступаетъ. Я, признаться, немножко и посумнился ему деньги то выдать; отдай, молъ, ему, а онъ молъ послѣ взыщетъ другія.

Пелагія Петровна, въ сильномъ негодованіи на своего сына начала только головою.

— Зачѣмъ, говоритъ, ты отобралъ у меня рабочихъ? продолжалъ Козыревъ: ну? а кто ихъ, мошенниковъ, отбиралъ? сами убѣжали, да и меня то, разбойники, обманули: росшиву ту, говорятъ, у хозяевъ то изломало льдомъ, такъ насъ, говорятъ, всѣхъ распустили по домамъ.» А пачпорты те, молъ, ребята гдѣ? «пачпорты, говорятъ, хотѣли представить вамъ лично.» Такъ мошенники и сказали; а я имъ съ простато и повѣрилъ. Ну, да ужъ отъ меня не отвертятся, мошенники, всѣхъ на поселеніе сошлю! За то единственно сошлю, что не приводитъ въ такую тревогу первостатейныхъ людей, намъ первостатейные люди надобны.

Послѣдними словами Козыревъ видимо намекалъ на Пелагію Петровну.

— Ужъ такъ ихъ мошенниковъ, и надобно! проговорила въ свою очередь Пелагія Петровна прїободряясь.

— Такъ вотъ сударыня Пелагія Петровна, вы женщина умная, разсудительная, сами будете на своемъ мѣстѣ: что тутъ станешь дѣлать?

— Что дѣлать; батюшка Кузьма Ивановичъ? подтвердила Пелагія Петровна: вы тутъ нисколько не виноваты. А ужъ и я своего то дурака тоже погоняю: смотрико ты что, прямъ, наговорилъ, грубіанъ этакой!

— Ужъ вы тамъ какъ съ нимъ знаете, такъ и вѣдайтесь... А деньги ваши, сударыня, у меня всегда готовы, хоть сейчасъ получите. Только ужъ, сударыня Пелагія Петровна уговоръ лучше денегъ, вы сами женщина умная, обстоятельная, не намъ чета...

Пелагія Петровна самодовольно улыбулась, у нея сдѣлалось гораздо легче на сердцѣ.

— Я вамъ деньги, продолжалъ Козыревъ: а вы ужъ пожалуйте мнѣ пачпорты и росписку, что бы намъ знаете, разоитись безгрѣшно безъ хлопотъ:

— Какъ же, батюшка Кузьма Ивановичъ, у меня пачпорты и росписка готовы здѣсь при мнѣ: что намъ грѣшится!

Однако Пелагія Петровна пачпортовъ все таки не вынимала, а только показывала на мѣсто, гдѣ они находились.

Кузьма Ивановичъ покосился только на нее, но документовъ отъ нея впередъ не требовалъ.

— Я бы съ своей стороны ничего, замѣтилъ онъ: да ужъ смнѣю отъ вашъ больно меня настраивать.

— Ты, говорить, деньги то мнѣ теперь отдашь, а росписку твою да пачпорты я, говорить, представляю къ министру.» Нѣтъ ужъ, молъ, погожу до самой Пелагіи Петровны: она, молъ, женщина умная, обстоятельная, она, говорю, разсудить это дѣло лучше насъ... Такъ вотъ, сударыня Пелагія Петровна, деньги у насъ готовы, извольте получить; только ужъ извини серебромъ дамъ, бумажекъ нѣтъ... И Кузьма Ивановичъ вынулъ изъ сундука большой мѣшокъ серебряныхъ денегъ, и принялся отсчитывать ихъ на столѣ, а Пелагія Петровна тою порою стала вынимать росписку и пачпорты, побранивая въ душѣ строптивый характеръ своего сына, отъ котораго чуть было только не лишились они 1080 рублей.

Между тѣмъ Козыревъ позвалъ къ себѣ вотчиннаго писаря, и, тутъ же при Пелагіи Петровнѣ, сдѣлалъ строжайшее распоряженіе описать все имѣніе бѣжавшихъ бурлаковъ.

— Вотъ Пелагія Петровна передастъ тебѣ ихъ пачпорты, поясняя Козыревъ—сейчасъ же выпиши изъ нихъ всѣ имена. Своими деньгами за мошенниковъ платить не стану.

Писарь хотѣлъ было что то возразить на это, но Козыревъ сердито топнулъ на него ногою, и приказалъ дѣлать что велеть.

Опасаясь, что бы Кузьма Ивановичъ какъ нибудь не разстроился, Пелагія Петровна поспѣшила поскорѣе передать писарю пачпорты.

Писарь какъ то глупо ухмыльнулся и принялся за работу.

— А сколько, сударыня Пелагія Петровна, я отъ васъ подѣ росписку ту получилъ? спросилъ Козыревъ, все еще отсчитывая деньги: ровно бы безъ чего то тысячу?

— Съ лишечкомъ, батюшка Кузьма Ивановичъ, пояснила Пелагія Петровна, тысячу восемьдесятъ рублей.

— А мнѣ втемяшилось ровно бы, безъ чего то, тысяча, повторилъ Козыревъ.

— Нѣтъ, батюшка Кузьма Ивановичъ, извольте сами посмотрѣть... И Пелагія Петровна передала Кузьмѣ Ивановичу его росписку.

Козыревъ посмотрѣлъ на росписку и тутъ же разорвалъ ее въ мелкіе куски. Потомъ подошелъ къ писарю, вырвалъ у него изъ подѣ рубѣ пачпорты и бросилъ ихъ въ сундукъ; а писаря хлопнулъ по затылку въ знакъ своей надѣ нимъ власти, и приказалъ ему выйти вонъ. Распорядившись такимъ образомъ, Козыревъ опять возвратился на свое мѣсто.

— Теперь, сударыня Пелагія Петровна, всякій при своемъ остался въ расчетѣ значитъ, произнесъ онъ съ злѣйшею ироническою насмѣшкою, укладывая обратно въ мѣшокъ отсчитанныя деньги: разсчитались вотъ безъ всякаго шума. Хе! хе! хе!..

Пелагію Петровну какъ ножемъ по сердцу перерѣзало.

— Ужъ я, батюшка Кузьма Ивановичъ, надѣюсь на вашу добрую душу, что вы разочтетесь со мною по божески, произ-

несла она плачевнымъ голосомъ, вопреки внутреннему убѣжденію.

Козыревъ не обращалъ на ея слова никакого уже вниманія.

— Эй! вина! вскричалъ онъ, небрежно развалившись на диванѣ и смотря съ насмѣшкою на Пелагію Петровну.

Жена бурмистра, довольно уже пожилая женщина, съ какою то суетливостію вошла въ горницу, и, смотря робко и боязливо въ глаза бурмистру, поставила передъ нимъ огромный графинъ вина и какую то закуску.

Козыревъ посмотрѣлъ на закуску, и съ презрѣніемъ швырнулъ ее къ порогу.

— Гуся подавай мнѣ, старая чертовка! закричалъ онъ, свирѣпо топнувъ ногою.

— Сейчасъ, батюшка Кузьма Ивановичъ, виновата! отвѣтила жена самымъ раболѣпнымъ тономъ, торопливо выбѣгая изъ горницы.

— То то «виновата», старая чертовка! проговорилъ грозно Козыревъ.

Минуты черезъ двѣ, жена принесла на большомъ блюдѣ жаренаго гуся, и почтительно поставила его передъ Кузьмою Ивановичемъ.

— Мнѣ цымянскаго еще давай! заявилъ онъ вновь свои требованія: я цымянскаго желаю, да принеси мнѣ еще пряникъ.

Жена съ поспѣшностію побѣжала исполнять приказаніе мужа.

— Ну, сударыня Пелагія Петровна, заговорилъ Козыревъ насмѣшливымъ тономъ, небрежно развалившись на диванѣ; теперь мы съ тобою станемъ магарычи запивать! Хе! хе! хе!.. И Козыревъ налилъ стаканъ сивухи и процѣдилъ его сквозь зубовъ, какъ какой нибудь усладительный напитокъ. Потомъ отщипнулъ рукою самую жирную часть гуся, и сталъ какъ то не хотя имъ закусывать.

Между тѣмъ жена принесла въ бутылкѣ какую то непроницаемую муть, именуемую цымянскимъ, и большой кислый пряникъ.

Бурмистръ послѣ гуся закусилъ пряникомъ. Потомъ выпилъ стаканъ цымянскаго и снова закусилъ гусемъ и пряникомъ.

— Теперь ступай къ чорту! крикнулъ онъ на жену; я уже съ тобою посчитаюсь.

Жена безмолвно вышла изъ комнаты.

Съ грустнымъ и тяжелымъ чувствомъ смотрѣла на все это Пелагія Петровна. Тутъ только хорошенько поняла она съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Какъ бы то ни было, но она всетаки не теряла еще надежды возбудить въ Козыревѣ хотя нѣкоторое сочувствіе къ своему бѣдственному положенію, надѣялась умиловить его слезами и поклонами.

— Такъ какъ же, батюшка Кузьма Ивановичъ, заговорила она съ нѣкоторою уже робостію, мнѣ деньги то вы потру-

дѣлись бы выдать, такъ уже я домой отпратилась бы, родимый, и васъ уже не беспокоила бы.

— Какія деньги? произнесъ Козыревъ; что за деньги?! Кузьма Ивановичъ Козыревъ, графскій управляющій, развѣ долженъ кому? а? у Кузьмы Козырева своихъ денегъ много, куры не клюютъ... Вина хочешь? пей. И Козыревъ сталь съ насмѣшкою наливать ей стаканъ вина.

— Я не пью, батюшка Кузьма Ивановичъ, отозвалась смиренно Пелагія Петровна.

— Не хочешь? значить сыта собака, коли сѣна не ѣсть, произнесъ Козыревъ самымъ нахальнымъ тономъ. А еще дѣла со мною вздумала дѣлать. Я, я думаю, стою кого нибудь? да вотъ выпилъ же для праздника. Почему для праздника не выпить? для праздника всѣмъ можно выпить. Эй! писаря сюда!

Вошелъ писарь. Онъ на всякій случай находился въ это время въ сѣняхъ, вмѣстѣ съ дежурными.

— Пей! произнесъ Козыревъ повелительно, указывая ему на стаканъ вина, гавриловская купчиха не хочеть со мною пить, такъ пей ты, я призываю.

Писарь, вытянувши длинную шею, на цыпочкахъ подошелъ къ столу, и выпилъ предлагаемый ему стаканъ безъ всякой задержки. При этомъ онъ, въ видахъ особеннаго почтенія къ лицу бурмистра, прилично сторбился и необыкновенно какъ оттопырилъ локоть правой руки, въ которой держалъ стаканъ, даже немножко приподнял его вверхъ. Этимъ доказалъ онъ положительно не только уваженіе къ бурмистру, но и чрезвычайную свою ловкость.

— Если я пью, такъ, значить, всѣмъ можно пить, проговорилъ бурмистръ, выпивая новый стаканъ сивухи; со мною енарамы пили, присовокупилъ онъ, нестово корячась на диванѣ.

— Сколько разъ! подтвердилъ при этомъ писарь.

— А купчиха со мною не хочеть пить, денегъ какихъ то съ меня требуетъ; не долженъ ли ты ей? прибавилъ Козыревъ, обращаясь къ писарю съ видимою усмѣшкою.

— Никакъ нѣтъ съ, отвѣтилъ писарь, тоже усмѣхался, — наша контора не должна никому.

— А она вотъ требуетъ.

— Можетъ быть развѣ... началъ было писарь.

— Къ чорту ступай! перебилъ его Козыревъ свирѣпымъ тономъ: — много не разсуждать! слышишь?

Писарь безмолвно вышелъ.

Пелагія Петровна, и краснѣла, и блѣднѣла, и просто едва стояла на ногахъ. Она уже внутренно раскаявалась, что напрасно не выпила предложеннаго ей стакана вина, что, можетъ быть, этимъ поправила бы все дѣло.

— Уже извини меня, батюшка Кузьма Ивановичъ, что я у васъ не выпила, проговорила она: не больно, родимый, здорова;

а какъ бы здорова была, такъ отказалась ли бы у васъ выпить? уже у кого же еще выпить то, какъ не у васъ, прибавила она противъ всякаго убѣжденія. Уже помилуй, батюшка Кузьма Ивановичъ, принялась она снова его упрашивать, заливаясь горькими слезами: вѣдь мы, батюшка, отъ этого въ раззоръ раззоримся, пожалѣй ты насъ, Христа ради! И Пелагія Петровна, не помня себя отъ горести, повалилась Козыреву въ ноги.

— Слова вѣтеръ, а бабьи слезы вода, произнесъ Козыревъ, насмѣшливо отталкивая Пелагію Петровну ногою.

Какъ ни умаливала его Пелагія Петровна, сколько ни проливала предъ нимъ слезъ, приводи ему на память и правосудіе Божіе и вѣчныя муки, Козыревъ остался не преклоненъ. Черствое его сердце нисколько не сочувствовало ея несчастію; да оно не смущалось и не передъ какимъ человѣческимъ бѣдствіемъ. Распоряжаясь въ имѣніи деспотически и угнетая по призыву бѣдныхъ людей, Козыревъ привыкъ уже видѣть сиротскія слезы.

Какъ всякій грубый и честолюбивый мужикъ, облеченный несвойственно ему властію, Козыревъ не зналъ мѣры своему величію и превосходству предъ другими. Желая отличиться отъ рядовыхъ мужиковъ и выразить свое достоинство, онъ неестественно всегда корячился, искажалъ свое нарѣчіе, сталъ говорить свысова и всячески поддѣлывался подъ тактъ настоящаго барина. Многое онъ перенялъ, но къ сожалѣнію перенялъ одни только недостатки и пороки, какъ дѣлается это обыкновенно при всякомъ подражаніи. Жестокость и невниманіе къ равнымъ себѣ онъ относилъ даже къ достоинству.

Уничженная и осмѣянная мужикомъ, Пелагія Петровна возвратилась домой, не получивъ отъ Козырева ни одной копѣйки.

Лица не видно было у Пелагіи Петровны, когда она возвратилась домой: ее узнать было нельзя, такъ она измѣнилась въ эти три, четыре дня! О подробностяхъ своей неудачной поѣздки она никому уже и не рассказывала, а только махала рукою. Николай Ивановичъ уже и не допытывался, потому что сейчасъ же догадался въ чемъ дѣло.

Разрываемая двойною печалію и крѣпко разстроенная въ здоровьѣ, Пелагія Петровна окончательно растерялась и не знала уже за что приняться. Сильные сердечные удары столько разъ потрясли всю ея внутренность, что мысли ея перебивались, и соображеніе не имѣло никакой устойчивости.

На Машу она не хотѣла и смотрѣть; въ свою очередь, и Маша, какъ видно, избѣгала встрѣчи съ нею.

Впрочемъ, изъ уваженія ли къ празднику, по причинѣ ли разстроеннаго своего здоровья и упадка духа, но только Пелагія Петровна не дѣлала Машѣ никакихъ допросовъ, и неизвѣстно, что придумывала съ нею сдѣлать. Во всякомъ случаѣ, не совъсѣмъ безвинная Маша не могла рассчитывать на благополуч-

ный исходъ своего дѣла. А потому, томимая неизвѣстностію, что ее ожидаетъ въ будущемъ и тревожная совѣстію, она близка была къ отчаянію. Что бы заглушить въ себѣ душевную тревогу, она стала уврадкою пить вино, къ чему отчасти успѣла уже немножко привыкнуть.

Пелагія Петровна всѣми мѣрами скрывала отъ сына печальныя подробности на счетъ Маши, но тотъ давно уже объ этомъ догадался самъ. Его даже нисколько и не удивила эта новость, потому что онъ давнымъ давно подозрѣвалъ Машу въ нескромности ея поведенія, и съ часу на часъ ожидалъ, когда вымажутъ у нихъ ворота. Онъ даже намекалъ было объ этотъ однажды и Пелагіѣ Петровнѣ, но та за этотъ намекъ такъ тогда на него рыгнула, что онъ не зналъ, куда и дѣваться. Но теперь онъ объ этомъ не хотѣлъ уже и напоминать.

— Что же, батюшка Николинъба, мы теперь дѣлать то станемъ? спросила его разстроенная Пелагія Петровна: совсѣмъ уже видно раззорились, приведется видно собирать, родимый.

— Какое еще раззорились, отвѣтилъ ободрительно Николай Ивановичъ: поправимся еще отличнымъ манеромъ! Хотя разбогатѣть то, видно, нынѣ не разбогатѣемъ, а прожить то проживемъ. Коли Богъ на племя пустилъ, такъ прокормить, присокупилъ онъ, въ видѣ утѣшительной шутки.

Николая Ивановича и въ самомъ дѣлѣ не слишкомъ тревожило постигшее ихъ бѣдствіе. Онъ слѣдилъ только, съ тайнымъ любопытствомъ, за ходомъ происшествій, и чрезвычайно интересовался тѣмъ, какъ они выпутаются изъ настоящихъ ихъ обстоятельствъ, и чѣмъ все это кончится. — «Вѣдь уже чѣмънибудь это да кончится, какънибудь да пройдетъ же», разсуждалъ въ свое утѣшеніе Николай Ивановичъ: «можетъ быть, лѣтъ чрезъ десять, станемъ надъ этимъ смѣяться, либо разсказывать всѣмъ про это въ видѣ анекдота или поучительнаго примѣра; а не случись этого, не объ чемъ было бы и разсказывать. Ладно, право, что случилось, хотя будетъ что поразсказать послѣ». Одно только убивало Николая Ивановича—это унылая семейная жизнь и жалкое положеніе матери, которая не слишкомъ была способна къ перенесенію несчастій, и падала духомъ предъ угрожавшею бѣдностію..

Какъ бы то ни было, но Пелагія Петровна сокрушалась здѣсь не безъ основанія: положеніе ихъ дѣйствительно было безвыходное. Денегъ у нихъ не было, а судно оказалось негоднымъ къ употребленію. Если бы другой кладчикъ, то они въ этотъ годъ раззорились бы окончательно; но Богъ нанесъ имъ хорошаго кладчика.

Узнавъ отъ своего прикащика о несчастіи Бобровыхъ, хозяинъ кледи самъ пріѣхалъ въ Гаврилову слободу. Онъ былъ человѣкъ еще молодой, воспитывался въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, чрезвычайно любилъ заниматься чтеніемъ книгъ, въ особенности же изучалъ еврейскую исторію, и потому

сейчасъ же сошелся съ Николаемъ Ивановичемъ, который древнюю исторію евреевъ зналъ, какъ говорится, зубъ за зубъ. Съ душевнымъ желаніемъ помочь его горю, кладчикъ, безъ всякихъ оскорбительныхъ оговорокъ и условій, предложилъ Николаю Ивановичу денегъ столько, сколько потребуется для поправки обстоятельствъ.

— Я, братецъ, съ тебя всегда взыщу, ты у меня всегда въ рукахъ, говорилъ приэтомъ кладчикъ, показывая видъ, что онъ даетъ ему деньги не зря, а какъ будто бы съ соблюденіемъ всѣхъ коммерческихъ выгодъ. Николай Ивановичъ повилъ однако же его благородную хитрость, и былъ этимъ тронуть до глубины души.

Ободренный его вниманіемъ, Бобровъ энергично принялся распоряжаться своимъ дѣломъ. По совѣту его, онъ бушилъ росшину нѣсколько болѣе прежней, и заплатилъ за нее тысячу двѣсти руб. съ тѣмъ, что бы половину суммы выдать теперь, а другую половину по выходѣ путины.

Рабочіе въ это время подешевѣли, такъ что Николай Ивановичъ порядилъ удѣльныхъ по шестидесяти восьми рублей на человѣка. Какъ бы то ни было, но у него не оканчивалось безъ препятствій ни одно торговое предпріятіе; что нибудъ да уже случится: точно также случилось и теперь.

Когда привелъ онъ поряженную артель на дворъ, и сталъ переписывать, то подрядчикъ вздумалъ сдѣлать вертокъ, вздумалъ отказать отъ рядной цѣны, и сталъ увѣрять Николая Ивановича, что цѣна между ними состоялась не по шестидесяти восьми, а по семидесяти рублей на человѣка.

Это впрочемъ сдѣбалось не безъ причины. Николай Ивановичъ пользовался вообще не слишкомъ хорошею репутаціею: его считали за простофилю, полагали, что стоитъ только его въ чемъ нибудъ увѣрять, такъ онъ сдуру на все согласится, все запишетъ, что отчасти было и правда; только соглашался онъ въ иныхъ случаяхъ, вовсе не сдуру, а потому, что сознавалъ тутъ всю бесполезность своей настойчивости. Но въ настоящемъ случаѣ онъ не хотѣлъ вдругъ сдаться на слова подрядчика. Что бы обличить его во лжи, онъ сослался было на артель, въ виду которой состоялась окончательная рада; но артель видимо держала сторону подрядчика.

— У насъ есть на то подрядчикъ, отзывались уклончиво бурлаки: съ нимъ и толкуй, какъ знаешь, а на насъ ссылаться то нечего.

Тутъ Николай Ивановичъ убѣдился, что способны иногда къ плутиѣ и удѣльные мужички, которыхъ онъ прежде считалъ за безгрѣшныхъ.

— Лучше бы вы, ребята, просто сказали, началъ усовѣщивать ихъ Николай Ивановичъ: что мы де на эту цѣну не согласны, передумали, а хотимъ де прибавки, я, можетъ быть, и прибавилъ, по чести, да по согласію; а то бы нако ты, что выдумали:

помолившись Богу, стали увѣрять, что порядились не по той цѣнѣ.

— Ты на насъ, хозяинъ, не клещи, крикнули въ одно слово бурлаки: сказано тебѣ, что у насъ есть на то подрядчикъ, и шабашъ! Чай, самъ знаешь волжскіе то порядки?

— Ну такъ, братъ, что же, началъ Николай Ивановичъ, обращаясь къ подрядчику, почему порѣшились? скажи передъ Богомъ.

— Почему порѣшиться то? знамо почему порѣшились, отвѣтилъ подрядчикъ обиняками.

— Такъ почему же, я спрашиваю? да Бога то, смотри же, не забывай.

— Почему, значить, порѣшились по томъ и давай, вилать то думаю тутъ нечего, вотъ что, присовокупилъ подрядчикъ съ видимою досадою.

— Да почему же порѣшились то, ты скажи? настаивалъ Бобровъ, цѣну то намъ скажи!

— Знаешь самъ почему порѣшились, что спрашивать то делятъ то разъ?

— Да я знаю, что по шестидесяти восьми, такъ и говорю.

— Ань съ прибавочкою, произнесъ подрядчикъ, смотря въ сторону.

— Такъ почему же, спрашиваю я? по совѣсти, смотри, говори, передъ Богомъ, напоминалъ постоянно Бобровъ.

— Извѣстно почему, самъ знаешь почему, твердилъ свое подрядчикъ.

— Что, братъ, совѣсть то видно обличаетъ? не говорится?

— Чего тутъ не говорится то! по нашему сказалъ разъ—и шабашъ!

— Да ты еще не сказалъ, не могу вотъ добиться.

— Какъ не сказалъ? да мало ли я говорилъ?... здѣсь, братъ, слушать то надо ушами а не ртомъ, вотъ что!

— Да что же ты, въ самомъ дѣлѣ, время то тянешь? что не говоришь? крикнула на него артель; отвалится что ли у тебя языкъ отъ? говори!

— Да что безъ толка говорить то, вѣдь уже было говорено не мало; давалъ безъ пары то, такъ не взяли, а поровному рѣшились, какъ еще мнѣ говорить то.

— Говори резоннѣ! такой, сякой! время то тянуть нечего, настаивали наконецъ изъ артели.

— Да побожись, прибавилъ въ свою очередь Бобровъ; если побожись, согласенъ.

— Ну?! крикнула артель.

Подрядчикъ сталъ перемпнаться, и, повидимому, отиѣкивался.

— Что же не божишься? что глаза то вылунилъ? повторили изъ артели человѣкъ десять; вѣдь ты рядился, ты, значить, и божишься, чего бояться то?

— Оно побожиться недолго, да что бы озадковъ не было, проворчалъ себѣ подъ носъ одинъ бурлакъ, смотря въ землю.

— Ты, Никитка, женою кланься, святое дѣло, съостриль другой бурлакъ; жены бы, моль, своей не обзрять! хотя и неладно то гдѣ побожись, такъ дерн ее горой, женъ то много!

Никитѣ, какъ видно, было не до шутокъ. Какъ бы то ни было, но Николай Ивановичъ настоялъ на своемъ и принудилъ его побожиться.

— Не воротится бы благополучно съ путины, коли облыжно говорю, пронзесъ наконецъ подрядчикъ съ какою то рѣшимостію.

— Что порѣшились по семидесяти рублей? напомнилъ Николай Ивановичъ.

— Знамо дѣло, проговорилъ подрядчикъ съ сердцемъ: чего еще тебѣ? опять что ли тебѣ божиться стану?

— Хотя ты братъ, цѣны то и приговорилъ, замѣтилъ ему Бобровъ, да уже Богъ то видитъ, Его, братъ, не обманешь.— Согласенъ, по семидесяти, такъ по семидесяти, такъ и запишемъ...

И Николай Ивановичъ записалъ ряду бурлаковъ по семидесяти рублей на человѣка.

— Что бы безъ грѣха... началъ было что то Никита, въ свое оправданіе, но его сейчасъ же перебили бурлаки.

— Уже коли съ рукъ сошло, да не оглушило по башкѣ то, такъ уже молчи, знай! и Никитѣ влетѣли плухи двѣ по шанкѣ.

Бурлаки почти уже не скрывались въ своемъ верткѣ; но Никита упорно отстаивалъ себя, что онъ побожился ненапрасно.

— Смотри же, Никита, сегодня ночью ту сатана къ тебѣ по душу придетъ, съостриль одинъ бурлакъ:—такъ ты жену вмѣсто себя подставь; штаны на на нее надѣнь,—такъ не разбереть. Онъ только, говорятъ, по штанамъ нашего то брата и разбираетъ.

Никита отъ всего этого только уже отругивался.

Новую росшиву снарядили, какъ слѣдуетъ, и въ концѣ Оминой недѣли благополучно отправились въ путь.

Пелагія Петровна не участвовала уже ни въ какихъ распоряженіяхъ: разстроенная въ своемъ здоровьѣ, она слегла въ постель. Николай Ивановичъ такъ больную ее и оставилъ.

Безъ особенныхъ приключеній шли они въ Самару, нагрузились, и благополучно отправились въ ходъ.

Жегули большею частію выбѣжали они вѣтромъ, а частію шли подачами. Вообще на недостатокъ низоваго вѣтра жаловаться было нельзя: онъ порядочно посылалъ ихъ впередъ.

Скоро вышли они до Симбирска, а отъ Симбирска опять пошла низовая. Въ половинѣ перваго у повода подняли парусъ, и побѣжали вѣтромъ. Къ полудню разыгрался такой бѣлякъ, что

бѣжали однимъ только кореннымъ (парусомъ) и то въ полподъема. Волны такъ и хлестали на палубу съ обѣихъ сторонъ, потому что вѣтеръ дулъ прямой низовый.

— Стой у дѣла, ребята! покрикивалъ самодовольно лопманъ, потому что бѣжать было опасно: вѣтеръ былъ хотя и сильный, но ровный непорывистый, дулъ съ вѣдра.

— Эхъ, матушка, поваливай! потѣшь хозяина, сломи дерево по самой конь! *) съострилъ одинъ бурлакъ въ видѣ шутки, обращая рѣчь свою къ вѣтру; но за эту остроуту получилъ, тоже въ шутку, плухи двѣ, три по зашейку.

Завозни (лодки), причаленныя съ кормы росшивы за самые прочные причалы, зарывались въ волнахъ, и острыми своими носами чуть только не заглядывали на палубу.

Въ завозняхъ, какъ обыкновенно, были подачи, а наверху ихъ лежали якоря, за которые привязаны были концы подачъ. Въ каждой завознѣ для предосторожности находилось по человѣку, который постоянно выплескивалъ изъ завозней воду.

Вѣтеръ часъ отъ часу усиливался.

— Эй, ребята! выньте изъ завозней якоря! скомандовалъ лопманъ: да и подачъ то повыберите, а то что бы завозни то не заплескало—эко дѣло!

Бурлаки принялись вытаскивать изъ завозней якоря.

Одинъ бурлакъ, который находился въ завознѣ, сталъ поворачивать якорь, что бы удобнѣе было вытащить его на росшиву. Между тѣмъ, огромные валы покачивали лодку съ боку на бокъ. Бурлакъ, поворачивая якорь, какъ то неосторожно ступилъ на самый край лодки, лодка еще больше покачнулася на бокъ, такъ что якорь вывалился въ воду, и конечно упалъ на дно. Такъ какъ росшива въ это время бѣжала чрезвычайно скоро, то подачу изъ лодки стало высыпать съ необыкновенною быстротою. Пошла страшная суматоха. Бурлакъ, который вывалилъ якорь, засуетился больше всѣхъ, второпяхъ какъ то попавъ ногою въ колышку подачи, и его, въ одно мгновеніе, выбросило за бортъ лодки и потянуло внизъ. Движимый чувствомъ самозащиты, онъ успѣлъ однако же ухватиться за край лодки. Во всѣхъ мимсахъ его выразилось самое усиленное напряженіе, а брѣвня и жилистыя его руки такъ и замерли въ краю лодки. Кажется, скорѣе выворотилась бы вся доска, за которую онъ держался, нежели оборвались бы его руки. Бурлакъ силенъ былъ отъ природы, но опасный, такъ сказать, предсмертный моментъ еще болѣе развиваетъ въ человѣкѣ силу. Въ это мгновеніе бурлакъ болѣзненно поморщился, даже немножко ахнулъ, и, высвободившись изъ колышки, довольно проворно вскочилъ въ лодку, и сѣлъ въ безопасное мѣсто. Тутъ онъ печально опустилъ голову, и сталъ смотрѣть внизъ.

*) Т. е. мату по самую палубу.

Все это совершилось въ нѣсколько моментовъ, такъ что многіе изъ бурлаковъ не успѣли этого и замѣтить.

Между тѣмъ подача со свистомъ вылетала изъ лодки. Бурлаки сбѣжались на корму росшивы и благимъ матомъ кричали: «якорь упалъ! батюшки, якорь упалъ!». Никитка, такой сякой! что ты тамъ сидишь, ростяна! что башку повѣсиль, ничего не говоришь, а?

— Съ Никиткою то знать неладно что то сдѣлалось, ребята, замѣтили другіе бурлаки.

— А гдѣ, ребяташки, Иванъ? спросилъ въ свою очередь Никита болѣзненнымъ тономъ, приподнявъ голову.

Иванъ былъ его сынъ.

— На что тебѣ Ивана? такой сякой! что тамъ съ тобою сдѣлалось, дуй тѣ горой!.. Эй, Ванька! ступай, вонъ, тебя отецъ зоветъ!

Пришелъ Иванъ.

— Поглядико, Иванъ, что у меня сдѣлалось, проговорилъ Никита, приподнявши руками правую ногу.

Оказалось, что у Никиты оторвало правую ногу около колѣна напроочь, и кровь била изъ всѣхъ порванныхъ жилъ.

— Какъ это у тебя? спросилъ въ свою очередь Иванъ, посмотрѣвъ угрюмо на своего отца.

— Въ колышку, братъ Иванъ, попалъ: оторвало.

— Вишь ты какъ еѣ! произнесъ Иванъ, почесывая у себя брюхо:—не совался бы, такъ и была бы цѣла, диво у тебя еще языкъ не оторвало! присовокунилъ Иванъ, въ видахъ утѣшенія и соболѣзнованія.

Бурлаки между тѣмъ закричали въ двадцать голосовъ, что у Никитки нѣтъ ноги.

— Да гдѣ же она у него? спросилъ заботливо лоцманъ, прибѣжавъ съ своего мѣста на корму.

— А кто его знаетъ—нѣтъ! погляди, вонъ! отвѣтили бурлаки.

На шумъ бурлаковъ выскочилъ изъ казенки и Николай Ивановичъ; но только что взглянулъ онъ на увѣче Никиты, какъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ. Имъ овладѣло какое то боязненно непріятное чувство, даже приключилось нѣчто въ родѣ обморока. Онъ отъ роду своего не видывалъ такого страшнаго увѣчья; притомъ онъ признавалъ тутъ не простой случай, а судъ Божій, явно каравшій человѣка за ложно произнесенную клятву, потому что раненый бурлакъ былъ подрядчикъ.

— Вытаскивайте его, братцы, поскорѣ на росшиву, а то онъ весь изойдетъ кровью, вскричалъ, оправившись, Николай Ивановичъ.

Бурлаки принялись вытаскивать Никиту на росшиву, а лоцманъ тою порою распорядился осадить парусъ, даль немножко къ берегу, и бросилъ якорь.

Подачу изъ завозни всю вытаскало въ Волгу, а потому водо-

ливъ взялъ кошку *) и шестерыхъ бурлаковъ, и отправился въ лодкѣ искать потерянную подачу.

Между тѣмъ Никиту вытащили на палубу: кровь изъ размытой водою раны текла ручьями. Николай Ивановичъ употребилъ было на перевязку чуть нецѣлый холстъ, но ничего не помогло: кровь всетаки просачивалась и сквозь самую толстую холщевую перевязку. Къ тому же они не умѣли хорошенъко и перевязать.

— Изойдетъ онъ кровію, ребята, замѣтляя печально Николай Ивановичъ.

— Заговорить надобно кровь! вскричали въ одинъ голосъ человекъ десять... Эй! кто кровь заговариваетъ? перекликнулась между собою вся артель.

— Да Вавилко Нозря, кажись, заговариваетъ, отвѣтилъ кто то изъ артели.

— Эй! Вавилко! Нозря! ступай сюда, такой сякой.

— Что надо? отвѣтилъ, не торопясь, Вавилко, зная, впрочемъ, положительно что надо.

— Умѣешь кровь заговаривать? спросили его бурлаки.

— Да немножко умѣемъ, какъ не умѣтъ, отвѣтилъ лѣнливо Вавилко.

— Такъ что же, зенки то выдупя, стоишь? что не заговариваешь?... Заговаривай, такой сякой...

— Оно заговорить можно, дляче не заговорить, пояснилъ Вавилко, почесывая у себя затылокъ.—Я зиму этакъ же...

— Говорять тебѣ, заговаривай, мошенникъ! а про «зиму то» послѣ скажешь, перебили его бурлаки, снабдивъ подзатыльникомъ.

— Экъ васъ тутъ, озарниковъ, взяло! заворчалъ въ негодованіи Вавилко:—привыкли глотку драть безъ пути то. Что мнѣ пособачьи бросаться то? здѣсь не малина, не облетить.. Не боялъ ли я овомнѣ, что побожиться, молъ, недолго, да что бы озадковъ не было?.. Вотъ онѣ, озадеи то, и пошли; а то: заговаривай, заговаривай!..

Вмѣстѣ съ этимъ ворчаніемъ, Вавилко однако же развязалъ у Никиту ногу, наклонился къ ней и началъ что то шептать. Что тутъ подѣйствовало? случайность ли, увѣренность ли больного, или другія физическія причины?—неизвѣстно; но только сначала кровь текла ручьями, потомъ пошла тише, а потомъ, когда Вавилко совсѣмъ кончилъ свое шептаніе, совершенно остановилась; только чуть чуть покапывала изъ раны какая то водянистая жидкость.

По окончаніи заговора, бурлаки перетащили Никиту въ стору, и принялись за свои работы.

*) Кошкою называется особаго устройства якоревъ, которымъ удобно отъскивать на двѣ веревки.

Николай Ивановичъ не отходилъ отъ Никиты, и наблюдалъ, что съ нимъ будетъ дальше.

— Прости ты меня, Христа ради, Николай Ивановичъ! проговорилъ наконецъ Никита самымъ плачевнымъ и умоляющимъ голосомъ:—я тебя обманулъ, родимый, согрѣшилъ грѣшнымъ, напрасно тогда поклялся изъ за двухъ рублей... Лукавый обошелъ, родимый; вѣдь въ жизнь свою никого такъ не обманывалъ; вотъ Богъ то и наказалъ меня за это.

— Ну, братецъ, это уже дѣло кончено—Богъ тебя простить! отвѣтилъ Николай Ивановичъ.

— Спасибо тебѣ, кормилецъ! дай тебѣ Богъ добраго здоровья! произнесъ Никита со слезами. Еще Богъ до меня милостивъ, до грѣшника, разсуждать Никита:—пронесъ все подобру да поздорову, а то долго ли бы до грѣха!

— Уже какое, братъ, подобру, да поздорову, замѣтилъ Николай Ивановичъ, неволью усмѣхнувшись.

— Что дѣлать то, родимый, уже это перенесу какънибудь, несмертное, произнесъ Никита съ какою то увѣренностію.

Еще Богъ знаетъ несмертное ли, подумалъ просебя Николай Ивановичъ, посмотрѣвъ на Никиту съ удивленіемъ.

— Еще слава Богу, родимый, что Богъ взяскалъ меня своею милостию, продолжалъ разсуждать Никита, а то ни во что бы, пріятель, клятву сталь считать, пожалуй отъ Бога то отступился бы, а теперь вотъ и дѣтямъ то, да и внукамъ то своимъ, накажу, что бы жили всѣ поправдѣ.

Это печальное обстоятельство произвело на всю артель сильное впечатлѣніе. Бурлаки ясно видѣли тутъ судъ Божій. Вечеромъ, по окончаніи работъ, многіе изъ нихъ приходили къ Николаю Ивановичу въ казенку, и, принявъ на себя самый смиренный видъ, сознавались предъ нимъ, что они слышали окончательнуюряду по шестидесяти восьми руб., и согласны ее взять, но Николай Ивановичъ махнулъ уже на все рукою.

— Уже дѣло кончено, ребята, Богъ наказалъ одного за всѣхъ, такъ послѣ этого нечего уже измѣнять и условія. Впередъ только не надобно никого обманывать, прибавилъ онъ, въ видѣ наставленія, что бы Богъ такъ же вотъ не наказалъ за это.

— На томъ благодаримъ, родимый, произнесли бурлаки, дай Богъ здоровья.

Послѣ этого бурлаки совершенно успокоились, и принялись попрежнему балагурить.

Передъ ужиномъ Никита подозвалъ къ себѣ Николая Ивановича, и сообщилъ ему, почти по секрету, что у него есть крайняя до него нужда, да только не смѣетъ ее высказать.

— Говори, братецъ, что тебѣ нужно? сказалъ Николай Ивановичъ.

— Пострѣлы то не видали бы, замѣтилъ тихо Никита, кивнувъ головою на бурлаковъ,—а то смѣяться стануть.

— Да что же, что?—говори.

— Какъ бы, милость ваша, рюмочку маленькую винца мнѣ поднеси, сообщиль Никита свою нужду.

— Давно бы ты, братецъ, сказалъ мнѣ объ этомъ; а мнѣ вѣдь и не на умъ...

И Николай Ивановичъ тотчасъ сбѣгалъ въ казенку, и поднесъ Никитѣ хорошій стаканъ вина.

— Вотъ спасибо тебѣ, кормилецъ, ровно ожилъ теперь, отозвался Никита, выпивши стаканъ,—ровно струйки во внутренность ту протекли, прибавилъ онъ шутливо.

— Никитка то у насъ, ребята, въ енаралы попалъ, съострилъ таки приэтомъ одинъ бурлакъ:—лежа винцо то попираетъ.

— А что, Никитка, чай ногу то твою теперь ѣсть сомъ, да похваливается, присовокупишь другой острякъ.

— Что вы, дураки, смѣтаетъ надъ изувѣченнымъ человѣкомъ, замѣтилъ Николай Ивановичъ, что за смѣхъ наши!..

— Не замай ихъ, балагурять, проговорилъ хладнокровно Никита, махнувши рукою.

— Что дѣлать то, хозяинъ! вѣдь не всѣмъ же ревѣть, не воротить, разсудили бурлаки:—какъ всѣ то сорокъ человѣкъ равняемъ, такъ ты и отъ росшивы то убѣжишь, отъ животовъ то своихъ откажешься. У насъ вонъ лѣтось Дуньку Стропилову хоронили, никакъ бабенки съ три только и выли, такъ и то попь: «потише, говорить, дуй вась горою, кричите, молитвы, говорить, нельзя прочитатъ..» ну, а мы какъ всѣ то здѣсь гаркнемъ, такъ ты и жизни то своей будешь не радъ.

Николай Ивановичъ неволью размѣялся.

Никита тоже не слишкомъ былъ печаленъ. Когда бурлаки сѣли ужинать, онъ немножко попривсталъ съ своей постельки, облокотился на руку, и вмѣстѣ съ ними балагурилъ; даже разсказалъ тутъ какую то смѣшную исторію про свою работницу Малашку.

— Да больно ли тебѣ, Никита? спросилъ его, наконецъ, Николай Ивановичъ, удивленный его равнодушіемъ.

— Какъ не больно, родимый, — больно, отвѣтилъ Никита, сказать нельзя какъ больно, да дѣлать то уже нечего, не пособишь ничѣмъ.

Какъ бы то ни было, но по лицу Никиты замѣтить это было трудно: оно выражало совершенное спокойствіе.

Такимъ образомъ Никита пролежалъ на росшивѣ два дня безъ всякаго медицинскаго пособія, только и есть, что примачивали его ногу виномъ, не зная, полезно ли это или бесполезно. На третій день росшива пришла въ Тетюши, гдѣ и снесли Никиту въ городскую больницу.

По увѣренію мѣстнаго врача, у Никиты оказались признаки антонова огня; потребовалось отпилить ногу выше колѣна. Какой то лекаръ принимался было за эту операцію, и попилилъ

было немножко, да бросилъ — «пила, говорить, больно тупа — не пилить.» По этому случаю послали за инструментами въ Казань, а Никита между тѣмъ дожидался; но должно быть крѣпко уже подошло къ нему, потому что онъ потребовалъ священника.

Наконецъ привезли инструменты и сдѣлали операцію. Нашъ Никита хотя бы поморщился; только при одномъ какомъ то дѣйствии не выдержалъ, вздрогнулъ, и болѣзненно проговорилъ: «эго, ребята, какая боль, право...» Больше отъ него не слышали ни слова.

Никита полежа въ больницѣ около мѣсяца, и пожелалъ выйти, погому что выздоровѣлъ.

Когда Никита услышалъ, что больничное начальство переговариваетъ между собою о взысканіи съ хозяина судна денегъ, употребленныхъ на лекарства, то обратился къ нему съ просьбою о томъ, что бы съ хозяина ничего не взыскивали, что онъ всѣ деньги, какія будутъ слѣдовать, внесетъ самъ.

— Мой грѣхъ, пріятели, ко мнѣ пришелъ, пояснялъ Никита, — хозяинъ тутъ не виноватъ; самъ заплачу, болѣзнь, что нужно, а хозяйина уже не тревожьте, для Бога.

По выходѣ изъ больницы, Никита придѣлалъ себѣ самую неудобную деревяницу, и отправился по городу собирать. Со-страдательные люди, знавшіе его исторію, помогли ему, и Никита сейчасъ же внесъ въ больницу всю сумму, какая причиталась за употребленные на него лекарства. На другой день онъ отправился домой, куда и дошелъ безболѣзненно, сдѣлавъ въ дорогѣ около шестисотъ верстъ *).

Бобровъ кончилъ свою путину благополучно: особенныхъ происшествій не было. Благородный владчикъ не довелъ его до большихъ убытковъ. Своевременнымъ вспоможеніемъ и различнаго рода одолженіями онъ поддержалъ его благосостояніе, и не далъ ему раззориться. Въ слѣдующій годъ, Боброву посчастливилось: онъ благополучно кончилъ двѣ путины, и получилъ отъ этого порядочный барышъ, что случилось съ нимъ въ первый разъ въ жизни.

Пелагія Петровна давно уже поправилась въ своемъ здоровѣ; сравнивъ свое положеніе съ прежнимъ, она опять вспомнила старину, опять стала поднимать свой носокъ предъ слобожанами, тѣмъ болѣе, что время и обстоятельства измѣнили ея мнѣніе и на счетъ Маши. Сначала она думала объ ней и такъ, и сякъ, но теперь убѣдилась окончательно, что Маша ни въ чемъ не виновата. Съ тѣхъ поръ, какъ вымазали у нихъ ворота дегтемъ, у Маши никто не видалъ веселаго лица. Постоянно печальная и унылая, она

*) Происшествіе это со всѣми подробностями взято изъ дѣйствительнаго факта.

безотговорочно исполняла всякое приказаніе, а богомольна была до того, что, кажется, цѣлыя ночи напролетъ простаивала на молитвѣ съ псалтыремъ въ рукахъ. Все это служило убѣжденіемъ, что Маши опозорена была напрасно.

Какъ бы то ни было, но Пелагія Петровна на счетъ Маши успокоилась совершенно, попрежнему сдѣлалась къ ней доврчива и даже ласковѣе.

Напротивъ того съ Николаемъ Ивановичемъ она стала гораздо строже и взискательнѣе, потому что онъ въ добрую пору былъ нѣсколько грубъ, не уступчивъ, и во многомъ ей противорѣчалъ. «Строгостію то меня согласиться съ собою не оставите никогда,» грубилъ иногда Николай Ивановичъ: «мнѣ докажете, убѣдите меня, сейчасъ же соглашусь, безъ всякаго крика; а не докажете, не соглашусь, хотя вы меня зарѣжете; я вѣдь не Марья, та вонъ согласится и Богъ знаетъ съ какою нелѣпостію, а вамъ это и нравится; а помоему вздумку бы ей за это дать, не фальшивъ, а дѣйствуй вездѣ по совѣсти.»

Но болѣе всего Николай Ивановичъ раздражалъ свою мать тѣмъ, что приводилъ ей иногда на память ея ошибки, со всѣми ихъ послѣдствіями. Этимъ онъ старался доказать, что мнѣнія ея не всегда могутъ быть вѣрны, и что нельзя такъ быть самоонадѣянною. «Такъ я потвоему дура, что ли?» вскрикивала иногда Пелагія Петровна, вмѣсто всякаго возраженія. Николай Ивановичъ въ подобныхъ случаяхъ отдувался уже только однимъ ворчаніемъ. Когда дѣлишки ихъ поправились, Николай Ивановичъ опять вспомнилъ про науки, опять принялся за чтеніе книгъ, сталъ снова изучать математику, физику, геометрію и другія естественныя науки. Какъ у всякаго самоучки (по крайней мѣрѣ, у русскаго самоучки) главнымъ образомъ развивается стремленіе къ философіи, т. е. желаніе уяснить себѣ всѣ физическія и жизненныя явленія, что служитъ даже поводомъ и къ самообразованію, такъ точно и у Николая Ивановича философія была господствующею страстію. Онъ слѣдилъ за всѣми явленіями жизни, допытывался до причинъ, вызвавшихъ эти явленія. Всего болѣе онъ старался изучать людскіе характеры, которые подраздѣлялъ даже на нѣсколько категорій, отмѣчая при этомъ какой именно характеръ къ чему болѣе можетъ быть склоненъ и способенъ. Для этого онъ велъ коекакія записки и дневники, съ которыми мы въ послѣдствіи познакоимъ отчасти и нашихъ читателей. Историческія событія Николай Ивановичъ главнымъ образомъ приписывалъ характерамъ и способностямъ дѣйствующихъ лицъ. «Не изучивши ихъ, рассуждалъ онъ, нельзя изучать и исторію, иначе многія событія будутъ непонятны.»

Итакъ Бобровъ хотя и далъ себѣ слово не заниматься болѣе ни науками, ни искусствами, однако не сдержалъ его. Потребность въ работѣ умственной составляла для него какъ будто бы физическую необходимость. Безъ умственныхъ занятій и научныхъ упражненій, онъ не могъ и существовать. Присядеть

ли онъ на минуточку отдохнуть, послѣ тяжелой ручной роспиловки орѣховаго дерева на тонкія фанерки, тотчасъ беретъ карандашъ и дѣлаетъ какое нибудь трудное алгебраическое вычисленіе; кончить ли на токарномъ станкѣ какую нибудь дѣльную токарную работу, сейчасъ же измѣняетъ нѣсколько токарный приводъ, беретъ обломокъ толстаго зеркальнаго стекла, а за немѣнѣемъ его отбитое дно отъ хрустальнаго стакана, и, помощью быстро вертящейся на токарномъ станкѣ мѣдной чашечки съ пескомъ и наждакомъ, обтачиваетъ это стекло для микроскопа, волшебнаго фонаря, камераобскуры и т. п. Для большей удобности въ обработкѣ, онъ употребляетъ иногда вмѣсто стекла другія прозрачныя вещества, какъ то: аравійскую камедь, топленый сахаръ, даже ледъ и т. п., но результатами почему то неполнѣ былъ доволенъ. Впрочемъ, говоря вообще, онъ въ русскихъ самоучкахъ едва ли составлялъ собою исключеніе, потому что всѣ они, болѣе или менѣе, энциклопедисты. Только однимъ онъ, можетъ быть, нѣсколько отличался отъ другихъ: это упорною настойчивостію и терпѣніемъ. Онъ какъ то скоро понималъ вредъ безусловно сдаваться на посторонніе совѣты, которые, большею частію, ослабляютъ только собственныя самостоятельныя идеи, а не развиваютъ ихъ. И потому онъ руководствовался только собственной мыслию, несмотря на то, что въ глазахъ другихъ она казалась иногда бесполезною. Правда онъ много перенесъ въ жизни непріятностей за свою настойчивость, но встаетъ считалъ лучше быть сознательно настойчивымъ, нежели безсознательно подчиняться мнѣнію каждаго человѣка. «Нужно всякое дѣло дѣлать съ сознаниемъ, разсуждая онъ, иначе будешь мямлею, и не въ состояніи будешь разсуждать о предметахъ. Дѣйствовать чужимъ умомъ, да переговаривать чужія слова, это уже не дѣло. Тутъ и не узнаешь, какъ проврешься. Если этого правила будешь придерживаться, такъ вѣкъ будешь не человѣкомъ, а такъ и останешься обезьяною...!

Въ праздничное время, онъ занимался иногда производствомъ нѣкоторыхъ сподручныхъ физическихъ опытовъ, которые обыкновенно производилъ онъ въ банѣ, и которые оканчивались иногда большими для него непріятностями.

Однажды Николай Ивановичъ, конечно въ отсутствіе Пелагія Петровна, удалившись въ баню, пожелалъ произвести нѣкоторые опыты надъ водороднымъ газомъ. Добылъ его, какъ слѣдуетъ, въ бутылкѣ, и наполнилъ имъ коровій пузырь; въ отверстіе пузыря вставилъ трубочку, изъ которой газъ могъ выходить самую тоненькою струйкою. Николай Ивановичъ зажегъ эту струйку, и любовался, когда она горѣла въ воздухѣ на довольно далекомъ иногда разстояніи отъ трубочки. Когда пузырь сталъ ослабѣвать, то Николай Ивановичъ дополнилъ его атмосфернымъ уже воздухомъ, отчего, конечно, образовался гремучій газъ.

Желая испытать силу взрыва, Бобровъ поднесъ свѣчку къ

струйкѣ гремучаго газа. Газъ вспыхнулъ, и пузырь лопнулъ съ такимъ страшнымъ ударомъ, что самъ испытатель на нѣкоторое время оглохъ совершенно. Бобровъ и самъ не ожидалъ такого страшнаго взрыва, и до того растерялся, что не зналъ, что и дѣлать.

Къ несчастью Николая Ивановича, окно въ банѣ было отворено, а потому ударъ раздался на весь кварталъ, и переполошили всѣхъ сосѣдей. Иные думали, что это пушечный выстрѣлъ, другіе относили это къ планидѣ Господней; но большая часть слобожанъ порѣшила на томъ, что Николка Бобровъ, должно быть, занимается какою нибудь ересію, надругивается надъ божіею тварію, и, при бѣсовской помощи, производитъ громъ и молнію. Съ умнымъ мнѣніемъ, конечно, согласились и прочіе. Осѣненные этою разумною мыслию, трусливые слобожане побѣжали въ ратушу подавать объявленіе; нѣкоторые даже покушались было ударить въ набатъ, да кто то отговорилъ.

Не прошло получаса времени, какъ баня, въ которой находилась еще Николай Ивановичъ, осаждена была полицейскими и огромною толпою самыхъ сердитыхъ слобожанъ.

— Выходи, мошенникъ! что ты тамъ дѣлаешь, разбойникъ?! кричали разсвирѣбѣвшіе слобожане, колотя въ стѣны колыями и камнями.

Николай Ивановичъ струсилъ окончательно. Съ величайшею робостію пріотворилъ онъ немножко двери передбанника, и въжливо спросилъ: «что имъ угодно?»

— Что ты тутъ дѣлаешь, мошенникъ? повторили свой вопросъ слобожане, немножко отскочивъ, впрочемъ, отъ передбанника.

— Да вотъ водородный газъ, братцы, добываль, отвѣтилъ оробѣвшій Николай Ивановичъ, такъ онъ, песь его возьми, немножко хлопнулъ.

— Какой тутъ газъ! что у тебя, у анаемы, за газъ такой?

— Это колдовство! кричали въ двадцать голосовъ, тебя скрутить надобно, мошенника, да сослать по безремкамъ.

— Кнутомъ его надобно отшлепать! пополняли другіе; за колдовство то вѣдь кнутомъ деруть!

Какъ ни горячились, однако же, разсвирѣбѣвшіе слобожане, но близко подойти къ Боброву не смѣли, опасаясь, что бы тотъ не нанустилъ какой нибудь порчи, не привѣсилъ бы, напри мѣръ, на какомъ нибудь видномъ мѣстѣ безобразной килы. «Не подходи! чортъ съ нимъ!» говорилъ тихонько знакомый знакомому, толкая его подъ бокъ, «а то пожалуй, мошенникъ, привѣситъ килу, да того гляди къ щекамъ еще привѣситъ, либо къ носу...» Въ слѣдствіе такого предостереженія, знакомый пятился за другихъ, и покрикивалъ уже изъ за народа.

Неизвѣстно, что бы сдѣлали слобожане съ Бобровымъ, если бы взяла ихъ смѣлость приступить къ нему; но суевѣрная боязнь чудодѣйственной силы останавливала ихъ, и избавила

Николая Ивановича отъ большой неприятности, а можетъ быть и отъ опасности. Какъ бы то ни было, но градскій голова, по настоянію одного трусливаго и не весьма доброжелательнаго богача всетаки сдѣлалъ, по случаю этого происшествія, общественный сходъ, на которомъ постановлено мѣщанина Николая Боброва, занимающагося чародѣйствомъ, и имѣющаго сношеніе съ какою то окаянною силою, которую онъ именуеть гасомъ, изъ общества исключить и передать суду.

Дѣло началось слѣдственнымъ порядкомъ. Трусливый купецъ, изъ видовъ общей безопасности, настаивалъ было посадить Боброва въ тюрьму; и посадили бы его непременно, да къ счастью его у градскаго головы въ это время дѣйствительно образовался на щегѣ флюсъ, отъ котораго не только градскій голова, но и всѣ думскіе члены пришли въ неописанный ужасъ. Они думали, что Бобровъ въ *сердцахъ* непременно пустилъ на вѣтеръ какую нибудь чертовщину, отъ которой у градскаго главы, воочію всѣхъ, начала уже рости кила, да, того гляди, по такой же килѣ появится и у всѣхъ членовъ. Это то обстоятельство и избавило Николая Ивановича отъ тюремнаго заключенія; но самое дѣло всетаки не прекратилось и тянулось до тѣхъ поръ, покуда его не потеряли.

Пелагія Петровна хотя выбросила у Николая Ивановича всѣ стеклянки и банки, даже растоптала въ сердцахъ всѣ физическіе аппараты, и сдѣлала ему страшную нотацию; однако всетаки общественнаго мѣнія не раздѣляла, и взрывъ гремучаго гаса приписывала не къ чертовщинѣ, а къ простому физическому явленію.

Прошелъ годъ. Дѣла Николая Ивановича шли одинаково и капиталъ его стоялъ на одномъ уровнѣ. Въ этотъ промежутокъ времени хотя и не пользовались они особеннымъ жизненнымъ удобствомъ, но и не испытывали большой нужды. Тутъ Пелагія Петровна пришла благая мысль женить своего сына, во что бы то ни стало. Къ этому, впрочемъ, было весьма много побудительныхъ причинъ. Вопервыхъ сынонь ея былъ уже на возрастъ: ему было тогда уже около двадцати двухъ лѣтъ; во вторыхъ, невѣстка могла принести въ домъ новое счастье, а въ третьихъ, въ это время была на славѣ у всѣхъ одна невѣста, на которую зарились всѣ слобожане, и къ которой многіе уже сватались; но только почему то всѣмъ отказывали ея родители.

Катерина Николаевна Хлѣбникова (такъ звали славную невѣсту) была дочь свободнаго хлѣбопашца, жившаго вблизи Гавриловой слободы. Онъ занимался различною торговлею, жилъ покрестьянски въ большомъ довольствѣ, и считался почти за горожанина. Дочь свою, Катеньку, онъ считалъ благословеніемъ божіимъ, любилъ ее, лелѣялъ и хранилъ, какъ зеницу ока. Зато и Катенька Хлѣбникова красотою и скромностію своего характера славилась во всемъ околдѣ. Къ этой то невѣстѣ Пела-

гія Петровна и вздумала наудачу посвататься съ своимъ сыномъ. Въ слободѣ никто и не думалъ, что бы Хлѣбниковъ согласился выдать свою дочь за такого простофилю; но неизвѣстно какими судьбами устроилось такъ, что онъ согласился. Старья и богомольныя дѣвушки просто съ ногъ сбились, все хлопотали было какъ нибудь разстроить это дѣло; но никакъ однако же въ этомъ не успѣли.

Сватовство, какъ водится, началось и кончилось безъ вѣдома Николая Ивановича, и ему сообщили уже объ этомъ за нѣсколько часовъ до рукобитія. Николай Ивановичъ такъ и осовѣлъ. О женитьбѣ своей ему не приходило еще и мысли, да и Пелагія Петровна до настоящаго времени не дѣлала ему объ этомъ никакого намека, и вдругъ, какъ будто ни съ того ни съ сего, сейчасъ же приказала ему собираться на рукобитіе, потому что все уже улажено и невѣста готова.

Николай Ивановичъ, вопреки всѣмъ обычаямъ, хотѣлъ было поднять страшный дебось и во что бы то ни стало отказать отъ женитьбы, но когда узналъ, что невѣста его Катенька Хлѣбникова немножко присмирѣла. Онъ хотя не зналъ ея лично; но много слышалъ объ ней хорошаго. Какъ бы то ни было, но на всякій случай онъ всетаки сообщилъ своей родительницѣ самымъ рѣшительнымъ тономъ: «что если невѣста понравится, женюсь, а не понравится убѣгу съ рукобитія, во что бы то ни стало.» Съ тѣмъ они отправились и на рукобитіе.

Свахоньку Пелагію Петровну и нареченнаго жениха принесли съ большимъ почетомъ и посадили на первыя мѣста. Невѣсты въ горницѣ не было, и она, по обыкновенію, должна была войти послѣ. Что думалъ тогда Николай Ивановичъ, во ожиданіи своей нареченной невѣсты, неизвѣстно; но только до прихода ея онъ не поднималъ и головы.

Пелагію Петровну такъ и подмывало: она чрезвычайно опасалась за своего грубияна Николку. «Какъ бы и вправду не убѣжалъ, дуй его горою», думала она просебя.

Наконецъ настала роковая минута. Дверь отворилась настезь, и невѣста красавица, разряженная въ богатое русское платье, плавно вошла въ комнату.

Увидавъ свою нареченную невѣсту, Николай Ивановичъ совершенно растерялся, такъ что не въ состояніи былъ ни сказать ничего, ни сдѣлать; только и есть, что одергивался, да поводилъ глазами по стѣнамъ да по потолку, а на невѣсту почти и не глядѣлъ.

— Что, бабько, понравилась ли? спросили его на ухо раза три ближайшіе родственники.

— Неужто пѣть? крикнулъ онъ чуть не во весь голосъ, сердито отмахиваясь рукою.

Недѣли черезъ двѣ Пелагію Петровну поздравляли уже съ новобрачными дѣтками.

Сдѣлавшись свекровію, повелительницею такой славной сно-

хи, на которую только мозолили глаза всё слобожане, Пелагія Петровна опять загордилась, опять стала заноситься. Удачу въ такомъ выборѣ она приписывала личному своему достоинству и превосходству предъ другими. Николай Ивановичъ тутъ въ расчетъ не принимался.

Катерина Николаевна дѣйствительно была достойна всякой похвалы. Кроткая и уступчивая и, въ то же время, чрезвычайно благоразумная и разсудительная, она служила въ семействѣ своемъ ангеломъ примирителемъ. Несмотря на видимые матеріальные недостатки, которые сейчасъ же послѣ свадьбы и обнаружались, потому что на свадьбу истрачены были послѣдніи деньги, она не выразила на это никакого ропота, напротивъ того увѣряла всѣхъ своихъ родныхъ, что она довольна и счастлива. Николаю Ивановичу она любила съ самою пѣжною преданностію.

Что же касается до Николая Ивановича, то онъ, недѣль въ пять послѣ своей женитьбы, не могъ еще хорошенько опомниться, не могъ дать себѣ отчета, что онъ хорошо ли сдѣлалъ, что женился, или сплеховалъ. Только мѣсяца черезъ два, онъ говорилъ уже съ полнымъ сознаниемъ, что Богъ наградила его счастьемъ выше всѣхъ мѣръ.

Спустя немного времени, Пелагія Петровна стала посматривать на свою сноху совсѣмъ иначе. Она внутренно досадовала на то, что дочь ея, которую она думала воспитать въ примѣръ другимъ, оказывается ничѣмъ не лучше деревенской дѣвки, какъ называла она Катю. Съ этою мыслию она никакъ не могла согласиться. Что бы успокоить на этотъ разъ свою совѣсть, она стала въ Катеньгѣ придираться и находить въ ней большіе недостатки; стала даже уничижать ее противъ своей дочери, и упрекать грубостію ея воспитанія.

— Ты, другъ, зря то ничего не дѣлай, замѣчала она иногда Катѣ самымъ унизительнымъ тономъ, въ видѣ наставленія, а чего не досмыслишь, такъ и спроси, вонъ у моей то дочки, она тебя и научитъ. Вѣдь ты не въ коекакой домъ пришла, есть у кого почтяться то, не подеревенски воспитаны...

Но почему именно Катя должна была учиться у ея дочки, Пелагія Петровна подробно не объяснила.

Катерина Николаевна переносила эти упреки безъ всякаго ропота, и всѣми мѣрами старалась угождать своей свекрови; но та казалась всегда недовольною, всегда выставляла въ примѣръ свою Машу.

— Уже хотя бы съ кѣмъ другимъ сравнивали, а не съ Машею, вступался иногда раздосадованный Николай Ивановичъ.

— А сестра то твоя хуже, что ли, деревенщины то какойнибудь воспитана? перебивала его съ гнѣвомъ Пелагія Петровна. Что больно женою то своею чихвостишься, еще рыломъ не вышла до моей то дочки, еще поучиться у нея надо.

Дѣйствуя такимъ образомъ, Пелагія Петровна вмѣстѣ съ тѣмъ отдавала долгъ и мѣщанскому обычаю, по которому каждая свекровь какъ будто считаетъ обязанностію жить со своею снохою въ непримиримой враждѣ, потому что, въ противномъ случаѣ, она унизитъ свое достоинство и никакъ не избѣгнетъ насмѣшекъ отъ добродетельныхъ родственницъ, а въ особенности отъ старенькихъ дѣвухекъ, заботливо проникающихъ во всѣ семейныя тайны.

Сначала Пелагія Петровна съ большою натяжкою усиливала въ своемъ воображеніи недостатки Кати и достоинства своей дочки, а потомъ мало по малу стало переходить это въ ея сознаніе, и она съ спокойною уже совѣстію порицала Катю, думая, что та, по деревенскому своему воспитанію, дѣйствительно не стоитъ и ноги Маши.

Николай Ивановичъ въ этомъ случаѣ не могъ ничего сдѣлать. Его вмѣшательство только раздражало Пелагію Петровну и усиливало семейную вражду, тѣмъ болѣе, что Пелагія Петровна въ подобныхъ случаяхъ не подчинялась ни чьему вліянію, не слушала никакихъ совѣтовъ, а дѣйствовала деспотически по своему личному усмотрѣнію, какъ это подобаетъ свекрови. Притомъ же Катенька умаливала Николая Ивановича, что бы онъ не раздражалъ своей матери, не дѣлалъ ей ни какихъ упрековъ, извинилъ бы ей это, ради ея характера, которому, можетъ быть, она и сама нерада.

Впрочемъ, какъ ни терпѣлива была Катерина Николаевна, какъ непереносчива къ личнымъ оскорбленіямъ, однако, наконецъ, и ей стало тяжело жить въ постоянномъ униженіи отъ свекрови, и переносить отъ нея различныя несправедливыя упреки. Уединясь куда нибудь въ темный уголокъ, она нерѣдко отъ нея плакала.

Между тѣмъ, Пелагія Петровна непріязненные свои отношенія къ Катѣ развила до злобы, и стала выражать ихъ довольно свирѣпо. Неизвѣстно, чѣмъ бы все это кончилось, какъ вдругъ одно неожиданное обстоятельство совершенно измѣнило ходъ дѣла.

Въ одно неслишкомъ прекрасное утро, въ домѣ Бобровыхъ сдѣлалась страшная суматоха; всѣ переполошились. Пелагія Петровна, измѣнившись въ лицѣ какъ полотно, суетилась всѣхъ больше. Это уже не та была Пелагія Петровна, какова она была наканунѣ. Сына и сноху она именovala уже милыми дѣтьми, и обращалась съ ними чрезвычайно кротко и любезно; напротивъ того, имени Маши не хотѣла и слышать, съ презрѣніемъ называя ее варваромъ.

Причина такой перемѣны заключалась въ томъ, что, въ минувшую ночь, Маша, неизвѣстно какъ и почему, бѣжала изъ дома, захвативъ съ собою все, что въ домѣ было получше. Какъ бы то ни было, но Пелагія Петровна сейчасъ же догадалась о

причинѣ этого побѣга, тѣмъ болѣе, что въ то же утро ей дали уже объ этомъ вѣрные слухи.

Уничтоженная окончательно такимъ позорнымъ поступкомъ своей дочери, Пелагія Петровна бросилась за нею по горячимъ слѣдамъ, и рѣшилась поймать ее, во что бы то ни стало.

Къ счастью Пелагіи Петровны, но къ несчастію Маши, она дѣйствительно поймала ее верстъ за десять въ одномъ селѣ съ однимъ странникомъ, который, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, бродилъ въ Гавриловой слободѣ подь именемъ святаго. Онъ давно уже имѣлъ съ Машею тайныя сношенія посредствомъ работницы, и уговаривалъ ее бѣжать изъ дома, съ намѣреніемъ на ней жениться. Маша сначала рѣшилась бѣло на это, а потомъ оробѣла и отказалась. Озлобленный этимъ, Нестеръ Ивановъ (такъ звали странника) вымазалъ у нихъ ворота дегтемъ, о чемъ уже читатели знаютъ.

Послѣ этого Нестеръ Ивановъ опять куда то скрылся, а между тѣмъ Маша вдалась въ тоску, стала пить вино, даже напивалась допьяна; но это проходило уже подь именемъ горячки. Спустя много времени, Нестеръ Ивановъ опять сталъ тихонько появляться въ слободѣ. Узнавши объ этомъ, Маша передала ему, чрезъ услужливую свою работницу, что она рѣшительно согласается выйти за него замужъ.

Нестеръ Ивановъ тоже согласился, только съ условіемъ, что бы она забрала изъ дома все свое приданое и вообще, что найдеть получше. Маша въ свою очередь согласна была на все, потому что унылая домашняя жизнь ей опротивѣла; притомъ же она сознавала всю безнадежность своего положенія.

Дѣйствуя такимъ образомъ, Нестеръ Ивановъ рассчитывалъ на то, что если онъ на Машѣ женится и сдѣлается зятемъ Пелагіи Петровны, то она по необходимости уже проститъ его во всемъ, и, можетъ быть, выведетъ его въ люди; въ случаѣ же неудачи, онъ думалъ обратъ свою жену кругомъ и ухватить отъ нея куда нибудь подальше.

Какъ бы то ни было, но предположенія Нестера Иванова не оправдались: Пелагія Петровна захватила ихъ за часъ до вѣнчанія, къ которому они совсѣмъ уже были приготовлены.

Опозоренная въ конецъ своею дочерью, Пелагія Петровна, въ пылу своего гнѣва, поступила съ Машею чрезвычайно жестоко. Она привязала ее за косу къ бильцу телѣги, привезла на земскую, и отпорол тамъ ее изъ собственныхъ рукъ.

Приведенная этимъ въ отчаянное положеніе, и не помня уже себя, бѣдная Маша сначала молила мать свою о пощаду, а потомъ ожесточилась, и стала порицать ее укоровенными словами. Пелагія Петровна, подь вліяніемъ страшнаго гнѣва, тутъ же предала свою дочь проклятію, и не велѣла ей являться на глаза.

Послѣ этого случая Маша поскакала немножко въ Гавриловой слободѣ между чужими бѣдными людьми, и пропала безъ

вѣсти, а Пелагѣя Петровна слегла въ постель. Тѣмъ это дѣло и кончилось.

Недолго Николай Ивановичъ былъ послѣ того судопромышленникомъ на Волгѣ: новыя бѣды и неудачи разстроили все его состояніе, и онъ раззорился въ концѣ. Послѣднія его барка затонула съ хлѣбомъ, а съ нею вмѣстѣ погибъ весь его капиталъ. Кромѣ того, какъ будто при прощаніи уже съ волжскимъ промысломъ, ему привелось испытать еще одно несчастье.

Хозяинъ потонувшей влады былъ человѣкъ самаго злаго характера, неразсудительный и скупой до скряжничества. При благоразумныхъ мѣрахъ съ его стороны, какъ онъ, такъ и Бобровъ, немного понесли бы убытка, потому что большая часть потопшаго хлѣба была спасена; но онъ, оставя все, затѣялъ съ Бобровымъ судебный процессъ, съ намѣреніемъ непременно сослать его въ Сибирь. Этимъ, конечно, не сдѣлалъ онъ пользы ни себѣ, ни Боброву, да и не достигъ цѣли своего желанія, потому что Бобровъ, хотя и перенесъ большія неприятности, но всетаки остался дома. Несчастье его здѣсь заключалось въ томъ, что его сначала посадили въ сѣвзжую, которая конечно несравненно хуже всякаго острога, а потомъ хотя и освободили, но всетаки держали цѣлый годъ подъ присмотромъ полиціи въ томъ городѣ, гдѣ производилось дѣло. Правда, онъ, живя въ городѣ, нисколько не бѣдствовалъ, потому что жилъ у отлично добраго человѣка, и притомъ вмѣстѣ съ своею женою, въ которой онъ видѣлъ все свое счастье; но, чтобы освободиться изъ подъ ареста, онъ всетаки долженъ былъ пожертвовать послѣднимъ своимъ состояніемъ, даже потребовалось для этого употребить часть приданого Катя, которое состояло изъ однихъ только платьевъ. Какъ бы то ни было, но черезъ годъ дѣло кончилось, и Николай Ивановичъ, освободившись изъ подъ присмотра, возвратился домой.

Пелагѣя Петровна безвыѣздно жила дома, и дожила до такой нищеты, какой не приводилось еще ей испытать во всю жизнь. Сама она дѣлала уже всѣ черныя и тяжелыя работы: сама мыла на Волгѣ бѣлье, носила воду, даже колола дрова. Пища ея состояла уже изъ одного только чернаго хлѣба и кислой капусты; о чаѣ не было уже и помину. Разбитая сердечнымъ горемъ и несчастіями, и сверхъ того, уничтоженная еще отъ людей, Пелагѣя Петровна обезсилѣла и физически, и нравственно, и едва только бродила на ногахъ. Она совершенно измѣнилась, и въ лицѣ, и въ характерѣ. Кто видѣлъ ее нѣсколько лѣтъ тому назадъ, напр., въ день свадьбы Николая Иванова, тотъ не узналъ бы ее теперь ни по какимъ признакамъ. Тогда она представляла собою развитую, величавую и надмѣнную женщину, а теперь кроткую и услужливую старуху.

На сколько Пелагѣя Петровна въ прежнее время была строга и требовательна, на столько теперь сдѣлалась уступчива.

Надобно было видѣть съ какою заботливостію она ухаживала теперь за своими дѣтьми, а въ особенности за Катюю, какъ старалась скрыть отъ нихъ свое бѣдное положеніе; но уже скрыть было невозможно. Что бы по крайней мѣрѣ на первый разъ не обнаружить предъ ними ожидавшей ихъ бѣдности, она тихонько заложила послѣднюю цѣнную икону, материнское свое благословеніе на бракъ, и купила на эти деньги съѣстныхъ припасовъ.

Николай Ивановичъ, конечно, сейчасъ же узнать свое безсходное положеніе и немедленно принялся за столярную работу; но успѣхъ былъ чрезвычайно малъ, потому что мало было сбыта, да и самыя работы были дешевы. Какъ бы то ни было, но Бобровъ всетаки долженъ былъ столярничать.

Всю свою скудную добычу онъ отдавалъ своей матери, которая завѣдывала домашнимъ хозяйствомъ. Хозя и видѣлъ онъ, что добыча эта недостаточна для покрытія ежедневныхъ издержекъ, но уже не говорилъ ничего, и ожидалъ, чѣмъ все это кончится.

Какъ всякій коренный русскій самоучка основываетъ свои идеи на началахъ нравственной философіи, и какъ то своеобразно смотритъ на міръ и на всѣ жизненные явленія, стараясь разгадать ихъ помощію своихъ собственныхъ (но незаимствованныхъ) сужденій; такъ точно и Николай Ивановичъ смотрѣлъ на обстоятельства своей жизни съ иною своеобразною точкою зрѣнія. Какъ русскій человѣкъ, онъ былъ вообще религіозенъ; но, какъ философъ, даже поэтъ своего рода, онъ подчинялся иногда впечатлѣніямъ настоящей минуты, и дѣлался чуть не атеистомъ. Эти два нравственные элемента служили какъ бы основою его умственной дѣятельности. Онъ старался согласить эти элементы, и почему то видѣлъ этому возможность; по крайней мѣрѣ, это видно изъ его собственныхъ записокъ, изъ которыхъ составленъ настоящій очеркъ. Николай Ивановичъ вовсе не былъ фанатикомъ, а потому онъ съ одинаковымъ уваженіемъ относился къ мнѣнію каждаго человѣка, лишь бы только оно высказано было сознательно; но, въ то же время, онъ не подчинялся безусловно никакому авторитету, и не хотѣлъ основываться безосознательно на чужихъ мнѣніяхъ, т. е. думать чужимъ умомъ. По этому случаю мнѣнія самыхъ знаменитыхъ философовъ въ глазахъ его не имѣли никакого значенія до тѣхъ поръ, покуда эти мнѣнія не перейдутъ въ его личное сознаніе. Безосознательно онъ не вѣрилъ никому и ничему, а если чему вѣрилъ, то уже навѣрное имѣлъ этому какое нибудь твердое основаніе.

Простой русскій человѣкъ вообще любить пофилософствовать, но только философствуетъ онъ не на бумагѣ, а на словахъ, и притомъ въ своей собственной средѣ, между своими собратами. Потому то философія русскаго народа никому неизвѣстна; но русскіе самоучки, воспитавшіеся въ духѣ той же самой народ-

ной философіи, но уже обогатившіе себя нѣкоторыми знаніями, излагаютъ иногда эту философію на бумагѣ. Всѣ эти философскія разсужденія русскихъ самоучекъ не имѣютъ однако же ничего цѣльнаго, потому что составляютъ обыкновенно подѣ впечатлѣніемъ настоящей минуты. Бываютъ ли эти минуты благоприятны или неблагоприятны, для русскаго самоучки нѣтъ въ этомъ никакого различія, лишь бы только сильно на него что нибудь подѣйствовало, и лишь бы въ это время были у него въ рукахъ карандашъ и бумага, а онъ непремѣнно найдетъ предлогъ къ длиннымъ философскимъ разсужденіямъ.

Николай Ивановичъ въ этомъ отношеніи превосходилъ, можетъ быть, многихъ другихъ русскихъ самоучекъ, потому что философствовалъ иногда вовсе уже не къ мѣсту; но всетаки въ разсужденіяхъ его выражался народный духъ простаго русскаго человѣка.

Мы говоримъ здѣсь не о тѣхъ русскихъ самоучкахъ, которые выучили коечто изъ книгъ, можетъ быть даже коечто и избобрѣли; но о тѣхъ, которые образовали себя съ корня, и до каждой истины добились своимъ собственнымъ соображеніемъ. Къ числу этихъ самоучекъ принадлежатъ и нашъ герой.

Дурно начался день 1 декабря 184* года. Съ самаго ранняго утра подула сильная вьюга, которая окончателно занесла и безъ того тусклымъ и на половину разбитымъ стекломъ въ домѣ Бобровыхъ. Пелагія Петровна, что бы не отвлечь сына отъ работъ, весь день отребала отъ дома и на дворѣ сибѣгъ лопатою, и измучилась страшнымъ образомъ. Николай Ивановичъ хотя работать, но не слишкомъ усердно. Пасмурный день, унылый шумъ вятели и занесенныя сибѣгомъ стекла, какъ то печально настроили его душу.

Поздно вечеромъ, когда Николай Ивановичъ хотѣлъ кончать свои работы, вошла въ его рабочую Пелагія Петровна. Лице ея было чрезвычайно мрачно и уныло, движенія тихи и робки. Куда только и дѣвалась у нея прежняя энергія, прежняя сила и дѣятельность! Пройдя какою то несмѣлою поступью шага два, три, она остановилась, подперлась печально рукою въ щеку, и стала, повидимому, разсматривать его работы; но вниманіе ея занято было чѣмъ то другимъ. Постоявъ немного на одномъ мѣстѣ, она глубоко вздохнула, и перешла на другое мѣсто. Замѣтно было, что она хотѣла что то сказать, но какая то внутренняя борьба останавливала ее въ этомъ.

— Что ты, Николинъка, дѣлаешь? спросила она наконецъ тихимъ и нѣсколько дрожащимъ голосомъ. Николай Ивановичъ объяснилъ ей, что онъ дѣлаетъ, и между тѣмъ пристально посмотрѣлъ на нее изкоса.

Пелагія Петровна опять замолчала.

— Нѣтъ ли у тебя сколько нибудь денежекъ? снова заговорила она, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Какія же у меня деньги, отвѣтили Николай Ивановичъ: вѣдь вы знаете, что я денегъ у себя не держу.

Пелагія Петровна не отвѣтила на это ни слова. Она и сама хорошо знала, что нѣтъ у него ни одной копѣйки, да только спросила его объ этомъ для одного порядка, для приступа къ дѣлу.

— Такъ какъ же, родимый, быть то, снова заговорила она, — завтра, вѣдь, варить то нечего, кашуста то вся, да и хлѣба то уже нѣтъ, сегодня доѣли послѣдніе кусочки, рѣшилась, наконецъ, выговорить она самымъ тихимъ и прискорбнымъ голосомъ.

— Занять нельзя ли у когонибудь? отвѣтилъ сухо Николай Ивановичъ, а тамъ, какъ получу за работу деньги, такъ отдадимъ.

— У кого, батюшка, занять то? никто уже, родимый, не дастъ; всѣ уже видно знаютъ, что мы обѣднѣли, такъ уже и не даютъ.

Николай Ивановичъ горько улыбнулся и покачалъ головою. «Знаютъ, что обѣднѣли, такъ и не даютъ!» произнесъ онъ про себя.

— Такъ что же, родимый, дѣлать то? гдѣ хлѣба то взять? начала опять Пелагія Петровна.

— Да что дѣлать то?... проговорилъ въ глубокомъ раздумѣ Николай Ивановичъ, продать имъ чтонибудь: дѣлать то вѣдь нечего.

— Уже все, родимый, лишнее то продано, нечего уже виднотаняться то, произнесла Пелагія Петровна рѣшительнымъ тономъ.

— Самоваръ, вонъ, продать: куда его? обойдемся и безъ самовара.

— Давно уже, родимый, проданъ, и деньги взяты, только добрый человекъ оставилъ намъ на подержаніе.

Николай Ивановичъ поморщился немножко и замолчалъ. Пелагія Петровна хотя тоже замолчала, но, повидимому, еще что то собиралась сказать. Николай Ивановичъ замѣтилъ это, и по-матривалъ на нее искоса.

— Посбирать уже не сходить ли, родимый? дѣлать то видно нечего, такъ уже видно Богъ привелъ жить намъ грѣшнымъ... произнесла она, наконецъ, съ величайшимъ усиленіемъ, и, не доковчивъ своей рѣчи, залилась горькими слезами.

У Николая Ивановича пробѣжали по кожѣ мурашки и какъ будто зашевелились волосы. — «Теперь уже не притворство, а истинная правда», подумалъ онъ. — «Вотъ оно какво легко собирать то рѣшиться! чуть не часть, вотъ, слово то это собиралась только сказать, а бывало безъ времени то проговаривала его частенько, и, ничего, говорилось тогда легко, потому что говорилось только для одного упора». И Николай Ивановичъ глубоко вздохнулъ.

Въ это время онъ почувствовалъ себя въ какомъ то неопредѣленномъ состояніи. Множество разнообразныхъ и противорѣчащихъ мыслей столпилось у него въ головѣ. Ему жаль стало и своей безцѣнной Кати, которая должна была переносить вмѣстѣ съ ними такую горькую участь; жаль было и своей матери, которую судьба видимо и немилосердно, такъ сказать, гнула подъ свой ноготь, и которая, подавивъ въ себѣ природную свою гордость, въ такомъ уничиженіи и смиреніи стояла теперь передъ его глазами. Въ то же время онъ чувствовалъ въ себѣ какую то злобу чуть только не на весь міръ человѣческой, а въ особенности на слобожанъ.

— Знаютъ, что обѣднѣли, потому и не одолаютъ бормотать онъ просеба съ насмѣшливо злобною улыбкою. — Вотъ она, мѣщанская то добродѣтель! заговорилъ онъ въ слухъ, — вотъ они постники то, да богомольцы каковы! Для души спасенія строятъ, вишь ограды, а человѣка, своего собрата, умпрающаго, можетъ быть, на ихъ глазахъ голодною смертію, съ презрѣніемъ отталкиваютъ, и думаютъ, что они дѣлаютъ христіанское дѣло! думаютъ, что за эти подвиги, за это безчеловѣчіе отворятся имъ райскія двери!.. Мошенники!.. Знаютъ, что мы обѣднѣли, потому и не одолаютъ. Да вѣдь бѣдному то человѣку помочь то и надобно! Онъ только въ помощи то и нуждается! а они видно привыкли одождать только тѣхъ, съ кого думаютъ въ послѣдствіи содрать втрое или вчетверо?... Хорошо одожденье! самое христіанское! А еще въ церковь ходятъ, да постятся, — да понедѣлничаютъ, думаютъ, что и Богъ знаетъ какія добродѣтели этимъ дѣлаютъ, ханжи окалнныя! Думаютъ мошенническимъ образомъ и въ рай то попасть, фарисеи проклятые! Іудино отродье!..

— Что уже, родимый, браниться то, перебила его съ негодованіемъ Пелагія Петровна, которой, видимо, не нравились такіе ожесточенные упреки сына: вѣдь уже они не виноваты, что мы обѣднѣли. Что ты ихъ церковь то, да постомъ то упрекаешь? уже какъ въ церковь то ходить не станемъ, да постовъ то не будемъ наблюдать, такъ уже какіе будемъ люди, какіе христіане: безъ этого тоже спасеніе не велико получишь!

— А если въ церковь то загнать стадо свиней, такъ вы думаете и онѣ въ рай попадутъ? думаете, и онѣ спасутся? спросилъ съ нѣкоторою горячію Николаи Ивановичъ.

Пелагія Петровна отъ такого грубаго вопроса пришла еще въ большее негодованіе. Упреки Николая Ивановича она отчасти принимала и на свой счетъ, потому что сама любила поститься и богомольничать.

— Вѣдь уже они не свиньи же, въ самомъ дѣлѣ, возразила она, — что ты свиней то въ примѣръ здѣсь поставилъ! Вѣдь мы не про свиней говоримъ, а про людей.

— А чѣмъ эти люди отъ свиней то разнятся? желалъ бы я

знать? спросилъ Николай Ивановичъ одинаковымъ тономъ:— развѣ только тѣмъ, что понедѣлничаютъ? а свинья то можетъ быть вторичаеть, прибавилъ онъ съ ироническою насмѣшкою.

— Полно уже пустое то говорить, возразила съ недовольнымъ видомъ Пелагія Петровна, уже можно ли, батько, свинью съ человѣкомъ равнять; свинья, свинья и есть... Брось этотъ пустой разговоръ; объ дѣлѣ то вотъ говорить надобно, что, вотъ, ѣсть то станемъ завтра?

— И это я говорю объ дѣлѣ, твердилъ свое Николай Ивановичъ,— я васъ спрашиваю, чѣмъ наши то богачи отъ свиней то разнятся? вы мнѣ это скажите! тогда и я вамъ скажу, что мы завтра станемъ ѣсть. Помоему, такъ иное то благочестивое купечество и свиней то еще перещеголяло. Свинья по крайней мѣрѣ посвински уже и дѣлаеть, изъ своей сферы не выходитъ; а они то, вотъ, народъ то божій, Христово то племя, на какомъ основаніи посвински то дѣлають? это вы мнѣ растолкуйте.

— Да что же, батько, они посвински то дѣлають? что уже ты больно на всѣхъ нападаешь?..

— Какъ, что посвински дѣлають? скорѣе скажите, что они по человѣчески то дѣлають? Чего уже тутъ защищать то ихъ, мошенниковъ, скоты, такъ скоты и есть, это ихъ настоящее названіе. Вѣдь уже не даромъ же священное то писаніе говорить: «человѣкъ въ чести сый не разумѣ, приложися скотомъ несмысленнымъ, уподобися имъ.» Про этихъ то вотъ скотовъ оно и говоритъ...

— Уже намъ, родимый, всѣхъ не выучить, проговорила на это довольно скромно Пелагія Петровна.

— Такъ вотъ Богъ и выучиваеть, перебилъ немножко азартно Николай Ивановичъ:— этакимъ то вотъ манеромъ. Онъ насъ и выучиваеть; гордость то, да лицемѣрие изъ головы то и выбиваеть. Какъ ѣсть то, вотъ, нечего будетъ, такъ мы и присмирѣемъ, и узнаемъ, въ чемъ состоятъ обязанности то человѣческія. А какъ Богъ несетъ подобру, да поздорову, такъ къ намъ и приступа нѣтъ, и равныхъ себѣ не находимъ; на бѣднаго то человѣка и смотрѣть не хотимъ, слово то съ нимъ скажемъ, такъ и то считаемъ за великое одолженіе. Гдѣ бы, иногда, помочь ему въ его бѣдности, а мы только судимъ его, да рядимъ, что то не такъ сдѣлалъ, да другое не сдумѣлъ, и плоховать то онъ, да и хмѣлькомъ то занимается, да и поведеніемъ то нескромнѣе, да и чертъ знаетъ чего не наговоримъ и чѣмъ только не оскорбимъ бѣднаго и беззащитнаго человѣка! а того не обсудимъ, что онъ, можетъ быть, потому только и кажется намъ плоховатымъ, что не хочетъ мошенничать, какъ мы, что прямой и честный его образъ дѣйствій не подходитъ подъ нашъ хитрый и извращенный взглядъ. Того не подумаемъ, что онъ, можетъ быть, два дня уже не ѣлъ, что семейство его такъ же, можетъ быть, терпитъ и холодъ, и голодъ! Намъ этого и на умъ не приходитъ, мы только смотримъ на его

недостатки, замѣчаемъ, что онъ не похваляетъ ли, благочестивы, вишь, больно! въ рай, вишь, собрались! такъ уже бѣдность и несчастный человекъ и на дорогѣ намъ не попадается, рыло разобьемъ, святы, вишь, больно сдѣлались! смотри какія брѣха то отпустили! — настоящіе райскіе жители! Мошенники! легко имъ теперь жить то, какъ они возраженій то никакихъ ни отъ кого не выслушиваютъ, а сами то совѣсть то свою никогда не провѣряютъ, такъ и думаютъ, что во всемъ правы да святы. Смотри какія добродѣтели... ограды, вишь, строить, да колокольни, да богомольничаютъ... Грабители!..

— Полно, другъ, браниться то, что бы не согрѣшилъ самому, перебила его съ негодованіемъ Пелагія Петровна.— Вѣдь они для Бога же жертвуютъ, Богу же молятся.

— Богъ то въ священномъ писаніи говоритъ: «милости хочу, а не жертвы,» возразилъ съ горячіюстію Николай Ивановичъ. Нѣтъ, говоритъ, милости несотворшему милости. Такъ уже если Богъ отказалъ въ своей милости тѣмъ, кто самъ немилостивъ, такъ уже какъ въ тутъ ни хитришь, какъ ни богомольничайте, а милости такимъ людямъ всетаки не будетъ; всетаки они—отверженные Богомъ люди!.. Вы думаете, что они теперь счастливы? погодите: дѣло еще не кончилось. Придетъ время, дождутся и они до своего расчета. Римляне, вотъ, или вавилоняне тоже думали о себѣ, что счастливая ихъ судьба не измѣнится, а какъ пришла къ нимъ божія то расправа, такъ все исчезли, какъ гадины. И мы вотъ тоже когда то голову то поднимали, такъ что шестомъ не достанешь, а теперь вотъ и присмирѣли, и раздражительность проната.

Николай Ивановичъ говорилъ это съ нѣкоторымъ азартомъ, и, повидному, говорилъ болѣе на счетъ самой Пелагіи Петровны, намекалъ на ея минушія дѣйствія. Защищая идею христіанства и обсуживая поступки слобожанъ, онъ не замѣчалъ, что и самъ впадалъ въ другую невозволительную крайность, т. е. злобился на людей вовсе уже не похристіански. Въ азартѣ онъ не могъ хорошенько обсудить, что очень несвоевременно и жестоко поступилъ онъ противъ своей матери: испытывавшую такъ много жизненнаго горя и убитую печалію, онъ не поберегъ ее и въ настоящія горькія минуты.

Пелагія Петровна хорошо поняла все сдѣланные ей намеки и упреки, но не возразила на это ни одного слова, а только посмотрѣла на своего сына съ улыбкою глубокаго огорченія.— «Богъ съ тобою, родимый! не пощадилъ ты меня!» подумала она просебя, «а ужъ и безъ того я убита горемъ...» И у Пелагіи Петровны навернулись слезы.

Этотъ огорченный взглядъ Пелагіи Петровны, ея слезы, прозили Николая Ивановича, какъ стрѣлою. Хотя и не могъ онъ мгновенно подавить въ себѣ сердечной досады на окружавшую его среду; но сознался, однако же, что онъ слишкомъ много на-

говорилъ здѣсь лишняго и оскорбительнаго для своей матери.

«Сколько происходитъ зла отъ этой несносной бѣдности!» подумалъ онъ съ досадою, «и какъ еще увеличивается это зло отъ общественной среды, зараженной лицемѣриемъ! и сколько вносить вреда въ общественную жизнь это подлое лицемѣрие,— эта всеобщая фальшь, ворвавшаяся въ мѣръ людскій подъ именемъ благочестія! Будетъ ли то время, когда общество пойметъ весь вредъ этой фальши, этого тайнаго недоброжелательства другъ другу, прикрываемаго личною благочестіемъ?»

Во время этихъ размышленій и долго послѣ того, Пелагія Петровна молча стояла на одномъ мѣстѣ, какъ приговоренная къ смерти. Николай Ивановичъ повременамъ покашлялся на нее исподлобья и старался угадать ея мысли.

«И вотъ вѣдь гдѣ вѣра то наша испытывается, а не въ добрую пору», подумалъ онъ, смотря на свою мать. — «Теперь вотъ какое упованіе то на Бога мы выкажемъ, какъ ступить то некуда.»

— Такъ уже не сходить ли вечеркомъ то посбирать? снова повторила Пелагія Петровна свое печальное предложеніе.

«Это еще не велико упованіе,» подумалъ Николай Ивановичъ.

— Нѣтъ, уже собирать то погодите, что будетъ, отвѣтилъ онъ въ слухъ довольно отрывисто.

— Да что же вѣсть то завтра станемъ? спросила въ недоумѣніи Пелагія Петровна.

— Что Богъ дастъ, то и станемъ, отвѣтилъ какъ бы съ сердцемъ Николай Ивановичъ.

Пелагія Петровна опять замолчала и предалась глубокому раздумію. Она хотя и сама полагалась иногда на Бога, но, въ сущности, полагалась только на словахъ, какъ и большая часть людей, повидимому вѣрующихъ, полагается на Него такимъ же точно образомъ, т. е. полагаются только въ тѣхъ дѣлахъ, исполненіе которыхъ очевидно для ихъ разума, и, смотря по обстоятельствамъ, кажется имъ весьма вѣроятнымъ; но какъ скоро обстоятельства дѣла измѣняются къ ихъ невыгодѣ, какъ скоро для разума не представляется уже благополучнаго исхода дѣлу, то у подобныхъ людей исчезаетъ всякая надежда на Бога. Какъ люди коммерческіе, они вѣруютъ до тѣхъ только поръ, покуда это вѣрованіе для нихъ выгодно, или по крайней мѣрѣ неубыточно, а также и богоугодныя пожертвованія дѣлаютъ только тамъ, гдѣ, чрезъ эти жертвы, какимъ бы то ни было образомъ, можетъ удовлетвориться ихъ честолюбіе, гдѣ, напримеръ, расчитываютъ получить медаль, благодарность, или всеобщую похвалу. Безъ этихъ расчетовъ, нѣтъ у нихъ ни малѣйшаго довѣрія къ Богу, и нѣтъ желанія сдѣлать какое бы то ни было доброе дѣло.

Что то подобное представлялось Николаю Ивановичу и относительно своей матери. Онъ и жалѣлъ ее, какъ женщину, испытавшую такъ много жизненнаго горя, и, въ то же время,

досадовалъ на нее, что она, въ настоящую бѣдственную для нихъ минуту, ни въ одномъ словѣ не высказала своего упованія на Бога, на котораго, повидимому, такъ много полагается, и которому ежедневно молится съ такою, кажется, вѣрою и надеждою. Онъ даже замѣтилъ ей объ этомъ прямо, что она мало надѣется на помощь Божію, а полагается только на свой разумъ.

— Да вѣдь надъ нами, батюшка, Богъ чуда не сдѣлаетъ, небесной манны къ намъ не сошлетъ, возразила на это замѣчаніе Пелагія Петровна.

— А почему вы думаете, что не сдѣлаетъ? спросилъ Николай Ивановичъ весьма серьезнымъ тономъ, — Богъ то вѣдь одинъ и тотъ же, не измѣнился, если прежде дѣлалъ чудеса, такъ почему не сдѣлаетъ теперъ? Вѣдь обстоятельства то наши могутъ поправиться и безъ манны, особенныхъ чудесъ для этого и не нужно!

— А какъ же они безъ чуда то могутъ поправиться? Вѣдь уже видимое дѣло то, родимый, дожили уже до нельзя—вплоть, нечего уже пустое говорить то: безъ хлѣба то не проживемъ, развѣ уже только умирать съ голода?..

— Я уже не знаю, какъ могутъ поправиться наши обстоятельства, только увѣренъ, что могутъ. Вѣдь человѣкъ располагаетъ только одними своими дѣйствіями, а обстоятельствами жизни располагаетъ Богъ, по крайней мѣрѣ такъ учить наша религія, да такъ оно и на дѣлѣ то выходитъ, что дѣйствія то человѣческія идутъ своимъ чередомъ, а обстоятельства то жизни устраиваются своимъ чередомъ. Мы дѣйствуемъ всегда согласно нашихъ желаній, съ цѣлію улучшенія своей жизни, а между тѣмъ жизнь большею частію идетъ у всѣхъ напротивъ желанія.

— Такъ этакъ то уже видно и хлопотать то ни объ чемъ не надобно; хлопотами то уже видно ничего не поможешь, возразила Пелагія Петровна.

— На этомъ то вотъ вопросъ мы все и мѣшаемся; онъ то насъ и соблазняетъ. Мы либо надѣемся на одинъ свой разумъ, либо предаемся совершенной безпечности и безразудно надѣемся на Бога. То и другое—крайности. Разумъ данъ намъ отъ Бога ненарасно: нужно употреблять его весь на общепользительный и добросовѣстный трудъ, тогда если что съ нами и случится неприятное,—то уже случится не иначе, какъ по волѣ божіей, стало быть случай этотъ хотя и покажется намъ неприятнымъ, но въ послѣдствіи времени непременно послужитъ къ нашей же пользѣ, потому что воля божія безполезнаго не производитъ. Но если мы будемъ безпечны, и будемъ злоупотреблять своимъ разумомъ, то могутъ встрѣтить насъ тѣ же неприятныя обстоятельства, но уже они послужатъ намъ ко вреду, а не къ пользѣ, потому что причиною такихъ обстоятельствъ мы сами, а не воля божія. По крайней мѣрѣ, я такъ думаю. Да, ду-

маю, что если въ бѣдственныхъ минуты, когда разумъ нашъ оказывается уже несостоятельнымъ, мы съ вѣрою и надеждою положимся на Бога, такъ уже онъ навѣрное насъ не оставитъ, а какъ нибудь да поможетъ. Иначе въ чемъ же будетъ заключаться преимущество нашей истинной религіи, противъ религіи искусственныхъ, придуманнымъ человѣческимъ разумомъ?

Николай Ивановичъ, хотя, въ сущности, и не могъ считаться въ числѣ особенно вѣрующихъ, но на этотъ разъ дѣйствительно говорилъ съ убѣжденіемъ, дѣйствительно надѣялся на перемѣну своихъ обстоятельствъ къ лучшему, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ готовъ былъ отвергнуть Промыслъ.

Согласилась ли Пелагія Петровна съ мнѣніемъ своего сына—неизвѣстно, но только она не сдѣлала ему болѣе никакого возраженія. Постоявъ немножко въ комнатѣ, она съ печалію вышла.

«Хотя и много, вотъ, наговорилъ, да насовѣтовалъ, а самого то тоже беретъ разуміе», подумалъ Николай Ивановичъ, по уходѣ своей матери.—«Крѣпкая то надежда тоже какъ то въ головѣ то не укладывается. Уже Богъ знаетъ, что съ нами будетъ?.. Впрочемъ, надобно заняться этимъ вопросомъ: вѣрить или не вѣрить? Для этого нужно только слѣдить за обстоятельствами жизни, и замѣчать, въ какой степени они согласуются съ внутреннимъ состояніемъ духа и совѣсти. Сказать: «ничему не вѣрю»—болно легко; но нужно найти къ этому твердое основаніе.»

Въ этотъ день Пелагія Петровна отъ ужина вовсе отказалась, отозвавшись головною болію и нехотѣніемъ ужинать; на самомъ же дѣлѣ она знала, что ужина на всѣхъ не достанетъ, потому что отъ обѣденнаго стола осталось только нѣсколько кусочковъ чернаго хлѣба и небольшое количество разведенныхъ суровыхъ щей.

Назавтра во всемъ домѣ не осталось ни одной крошки изъ съѣстнаго, ни одной копѣйки денегъ и никакой надежды на кредитъ.

Въ разсѣткахъ Боброва, отъ этого самаго числа, мы читаемъ, между прочимъ, слѣдующее философское и довольно оригинальное разсужденіе:

«Вотъ дожили мы, наконецъ, и до крайней бѣдности, которой, сверхъ того, предшествовали еще самыя печальныя бѣдствія, потрасающія душу. Судьба ли намъ такая назначена? испытаніе ли? простая ли это случайность въ жизни? или, можетъ быть, это награда за наши поступки?—Богъ знаетъ; только что нибудь да изъ этого! Если судьба, то, значитъ, она неотразима, значитъ всѣ труды и старанія человѣческія объ улучшеніи своей участи напрасны, потому что, въ такомъ случаѣ, воля и разумъ человѣческіи потеряютъ уже всякій смyslъ и значеніе. Тагъ помоему предполагать нельзя, потому что это противорѣчить и разуму, и фактамъ. Если это испытаніе, посланное намъ

отъ Бога, то заключеніе это будетъ слишкомъ произвольно, и нѣсколько недоказательно. Такое заключеніе одинаково примѣнимо къ каждому лицу, къ каждому случаю. Если же это случайность, ни отъ кого независящая и неизмѣющаяся ничего общаго, ни съ моею жизнію, ни съ законами природы,—то что же это за случайность такая? да и какому закону слѣдуютъ всѣ эти случайности? Если онѣ не повинуются никакому закону, то почему же не подрываютъ гармонической связи природы? Все, что носитъ у насъ наименованіе случайностей, повидимому, выходитъ изъ обыкновеннаго порядка вещей, по крайней мѣрѣ, не представляетъ никакой цѣлесообразности, но все-таки совершается силою той же природы. Какимъ же образомъ можетъ случиться, что бы эта же самая природа, въ которой на каждомъ шагѣ усматривается высшая цѣлесообразность, произвела силу, какъ бы враждебную самой себѣ, т. е., силу, которая нарушаетъ гармонию и вредитъ цѣлесообразности? Это что то не такъ, какъ намъ обыкновенно представляется. Если мы усматриваемъ въ природѣ одинъ только порядокъ, одну цѣлесообразность, то, значить, и эти видимыя случайности входятъ въ составъ того же общаго порядка, и онѣ, значить, имѣютъ свою цѣлесообразность, только мы этого не видимъ, потому что слишкомъ малъ горизонтъ нашихъ знаній. Можемъ, однако же, заключить, что тамъ, гдѣ все идетъ въ строгомъ порядкѣ, гдѣ физическая сторона природы видимо согласована не только во всѣхъ своихъ частяхъ, но даже съ свойствомъ и нравственнымъ желаніемъ человѣческаго духа, тамъ всѣ явленія, какъ бы они намъ ни представлялись, непремѣнно служатъ къ поддержанію этого порядка, а не къ разрушенію его. Да и всякое созиданіе къ лучшему не можетъ проявиться безъ разрушенія худшаго или менѣе полезнаго: разница только въ томъ, что разрушающая сила дѣйствуетъ здѣсь не самостоятельно, а единственно для цѣли силы созидающей, стало быть въ обоихъ случаяхъ господствуетъ одна и та же созидательная сила. Конечно, если мы будемъ каждое явленіе разсматривать отдѣльно, безъ всякой связи съ предъидущими причинами и послѣдующимъ затѣмъ результатомъ, то оно представится намъ случайнымъ и безцѣльнымъ, но такой взглядъ слишкомъ узокъ, и потому не вѣренъ. Мало ли въ природѣ такихъ явленій, которыя, въ моментъ ихъ событія, не представляютъ никакого смысла и значенія, но пройдутъ время—и они осмыслятся. Тоже самое мы видимъ и въ человѣческихъ дѣйствіяхъ, и вообще во всемъ, гдѣ только дѣйствуетъ разумъ. Кровавопролитная, напр., война, если ее разсматривать только какъ фактъ, безъ соображенія цѣли и причинъ, представится какимъ то варварскимъ безуміемъ обѣихъ воюющихъ сторонъ, но, узнавъ причину и цѣль, можно иногда оправдать совершенно по крайней мѣрѣ одну сторону. Главное, что, по ограниченности нашего разума и средствъ, мы не можемъ одновременно объять сочетанія всѣхъ явленій въ при-

родѣ и не можемъ видѣть высшей окончателной цѣли, къ чему все это стремится. Правда, умные люди говорятъ, что все въ природѣ стремится къ совершенству, но въ то же время увѣряютъ, что все въ природѣ есть дѣло случая, и нѣтъ никакой цѣлесообразности. Изъ этого можно убѣдиться только въ томъ, что бессознательно иногда говорятъ и умные люди, потому что двѣ эти истины, какъ противорѣчающія сами себѣ вмѣстѣ существовать не могутъ. Случайность именно тѣмъ только и характеризуется, что не имѣетъ никакихъ законовъ и, цѣли, а стремленіе къ совершенству—тѣмъ, что имѣетъ во всемъ строгіе законы и цѣль. Кромѣ того, что бы стремиться отъ несовершенства къ совершенству—нужно кому нибудь предварительно сознать это совершенство, и имѣть силу предупредить къ этому всѣ пути, устранить всѣ случайности, для того, что бы совокупность ихъ дѣйствій не повредила строгому порядку. Стремленіе впередъ, побуждаемое бессознательною силою, проявляющеюся въ однихъ только случайностяхъ, не представляетъ разуму человѣческому никакого ручательства за результатъ. Откуда же у умныхъ людей явилось такое странное убѣжденіе, что будто бы природа стремится къ разумному совершенству безъ всякаго участія разумной силы? На чемъ основано это убѣжденіе? Да и сообразно ли оно, наконецъ, съ человѣческою логикою?... По нашему простому русскому разуму—не сообразно. Умные люди говорятъ также, что будто бы потому только и усматривается въ природѣ совершенная стройность и гармонія во всѣхъ отдѣльныхъ частяхъ, нисколько другъ отъ друга не зависящихъ, какъ напримѣръ организмъ человѣческаго тѣла отъ умственныхъ его способностей, потому только и видно въ этомъ строгомъ согласіи проявленіе высшаго разума, что не участвуетъ тутъ никакая разумная сила, что потому только и выработалась въ человѣкѣ сознательная способность, что причиною этому была бессознательная сила. Это все равно, что если бы мы, рассматривая какое нибудь зданіе, сказали, что это зданіе до того хорошо и изящно, что должно быть его строить идіотъ. Подобныя мнѣнія, какъ бы они хитро и извилисто высказаны ни были, всетаки, по человѣческой логикѣ, составляютъ нелѣпость. Мы, простые русскіе люди, смотримъ только на корень мысли, а не на отростки ея, потому что корень одинъ, а отростковъ много: въ нихъ, пожалуй, простоу человѣку можно и запутаться.

Итакъ пока я русскій человѣкъ, пока христіанинъ, то мнѣ слѣдуетъ остановиться на той мысли, что все въ природѣ совершается по законамъ, все дѣлается не безъ причины и не безъ цѣли. И я останавливаюсь на этой мысли не бессознательно не какъ фанатикъ какой нибудь, а въ силу личнаго моего убѣжденія, до котораго довелъ меня мой собственный разумъ. Этотъ же разумъ говорить мнѣ ясно, что

если все въ природѣ совершается по законамъ, то, значитъ, есть законъ и для того, какъ человѣку слѣдуетъ жить и дѣйствовать на вольномъ свѣтѣ, потому что нѣтъ никакого основанія ставить его внѣ всякихъ законовъ. Законы эти опредѣлены христіанскою религіею. Также опредѣлены и всѣ послѣдствія въ случаѣ ихъ нарушенія. Нравятся человѣку эти послѣдствія или не нравятся, хотеть онъ имъ вѣрить или не хотеть—но они всетаки неотразимы. Вѣрность этого опредѣленія доказывается даже самымъ дѣломъ. Какъ скоро нарушить человѣкъ сказанные законы своею неводержною жизнію—сейчасъ же получаетъ болѣзни или другія душевныя страданія, смотря потому, что было имъ нарушено. Итакъ если человѣкъ, дѣйствуя несообразно съ предписанными ему законами, вызываетъ на себя болѣзни, то почему другимъ подобнымъ дѣйствіемъ онъ не можетъ вызвать себѣ и другихъ несчастій? Здѣсь разница только та, что причину болѣзни узнать легче, а причину несчастія—труднѣе, а иногда даже и вовсе невозможно; поэтому остальные несчастія и кажутся намъ случайностію. Несчастія напримѣръ отъ поджоговъ, воровства, разбоевъ и т. п. тоже кажутся случайностію; но если вникнуть хорошенько въ сущность дѣла, то окажется, что подобныя несчастія происходятъ не случайно, а отъ нерадѣнія объ общественномъ воспитаніи. Подобныя несчастія какъ бы напоминаютъ обществу о его нравственной обязанности. Точно также и болѣзни: онѣ, въ сущности, ничто иное, какъ самое убѣдительнѣйшее вразумленіе не дѣлать того, отъ чего онѣ развиваются и что воспрещается нравственнымъ закономъ. Такъ, вникая постепенно во всѣ явленія, мы убѣдимся, что и самыя несчастія, которыя мы испытываемъ, имѣютъ добрую цѣль и служатъ къ нашему же счастью, только мы не создаемъ этого по недостатку нашего соображенія, по упорству и по невѣрію. Разумный докторъ, повидимому, моритъ иногда больного человѣка голодомъ, держать его въ утомительно-жаркой комнатѣ, даетъ ему отвратительныя на вкусъ лекарства, иногда даже отпиливаетъ у него члены—и все это дѣлаетъ не безразсудно и не для мученія, а единственно для блага того же человѣка, котораго подвергаетъ такому страшному истязанію. Хорошо, что мы доктора видимъ здѣсь лицомъ къ лицу, и потому успокоиваемся, что онъ поступаетъ съ нами разумно; но если бы мы его не видѣли, а только подвергались бы тѣмъ же самымъ испытаніямъ, какія онъ намъ предписываетъ, дѣйствіемъ какой нибудь невидимой силы—что бы мы тогда сказали? Не то ли же бы самое, что мы страдаемъ невинно, отъ какой то враждебной случайности, томимся голодомъ, находимся въ невыносимой жарѣ, вмѣсто пищи глотаемъ какую то отвратительную горечь, совершенно даже не питательную и пр. и пр. Однимъ словомъ, мы сказали бы то же самое, что говоримъ теперь о другихъ несчастіяхъ, которыя инто-

да мы испытываемъ. Итакъ если извѣстныя человѣческія преступленія противъ предписаннаго закона видимо наказываются болѣзнями и душевными страданіями, то на какомъ основаніи мы можемъ думать, что другаго рода нравственныя преступленія непременно должны оставаться безъ всякихъ послѣдствій? Болѣзнь физическая и докторскіе совѣты дѣйствительно вразумляютъ иногда человѣка, указывая ему на самое преступленіе, вызвавшее эту болѣзнь; но чѣмъ вразумить человѣка гордаго, недоброжелательнаго, съ тайными замыслами во вредъ ближнему? А вѣдь это тоже преступленіе, тоже нарушеніе нравственнаго порядка! Чѣмъ же пріостановить это преступленіе кромѣ несчастія, которое бы отняло къ этому у человѣка всѣ средства? Физическая болѣзнь тутъ неподѣйствуетъ. Если человѣкъ богатъ, то онъ и въ болѣзни останется такимъ же гордецомъ и недоброжелателемъ, и въ болѣзни можетъ сдѣлать самое гибельное распоряженіе. Иродъ, умирая уже, приказалъ, что бы въ моментъ его смерти было перебито на гишподромѣ нѣсколько тысячъ человѣкъ, для того, что бы послѣ его смерти былъ всеобщій и непритворный плачь. Но если бы онъ находился не въ болѣзненномъ, но въ какомъ нибудь другомъ бѣдственномъ положеніи, напримѣръ въ нищетѣ и въ оковахъ, то, конечно бы не сдѣлалъ такого варварскаго распоряженія, да его бы тогда никто и не послушалъ. Поэтому и выходитъ, что для пресѣченія всякаго нравственнаго недуга, что бы онъ не развивался, требуется своего рода лекарство, своего рода остановка. Впрочемъ, больной человѣкъ можетъ отвергнуть всѣ совѣты доктора, не принять ни одного лекарства и умереть; то же самое можетъ сдѣлать всякій другой человѣкъ: и тотъ можетъ пренебречь лекарствами, посылаемыми невидимымъ докторомъ въ видѣ различныхъ бѣдствій—и погибнуть. Хотя и не нравится намъ этотъ результатъ, хотя и замазываемъ мы эту истину различными философіями, стараясь приписывать все одной случайности, но ходъ событій всетаки идетъ своимъ чередомъ и всѣ эти случайности слѣдуютъ строгому нравственному порядку. Государства напримѣръ падаютъ, повидимому, отъ случайностей войны; однако ни одно государство не пало безъ того, что бы не предшествовалъ этому паденію нравственный упадокъ. Во всякомъ случаѣ, если бы человѣка не обуздывали бѣдствія, не зависяція отъ его воли, то онъ могъ бы, кажется, дойти до страшнаго безобразія. Но неожиданныя бѣдствія, хотя и не всегда, можетъ быть, вразумляютъ человѣка и заставляютъ его опомниться, однако по крайней мѣрѣ пресѣкаютъ это безобразіе при самомъ иногда началѣ и не даютъ ему развиться ко вреду всего человѣчества. Конечно, по началу мы не въ состояніи судить о послѣдствіяхъ; но Тотъ, Кто ведетъ природу къ совершенству, безъ сомнѣнія, знаетъ уже и о послѣдствіяхъ. Правда, есть много злыхъ людей, которые, повидимому, не ис-

пытываютъ никакихъ несчастій, но если бы мы имѣли такіе вѣсы, которыми бы могли взвѣшивать зло и добро со всѣми ихъ послѣдствіями, то навѣрно бы оказалось, что сумма зла, какое этотъ человѣкъ сдѣлалъ въ продолженіе своей жизни, менѣе того добра,—разматривая его, конечно, со всѣми послѣдствіями,—какое онъ, можетъ быть, сдѣлалъ въ одинъ только день. Кромѣ того, для злаго человѣка, если уже онъ несправимъ, бѣдствія будутъ бесполезны, потому что они послужатъ только къ истязанію его, къ большому его ожесточенію, а не къ исправленію. Но въ общемъ порядкѣ вещей можетъ быть полезенъ и такой человѣкъ, потому что онъ можетъ исполнять злыя обязанности, т. е. можетъ служить бичемъ для менѣе злыхъ, которыхъ могутъ еще исправить тѣ бѣдствія, какія онъ нанесетъ. Въ такомъ случаѣ, злыя его дѣйствія тоже не пропадаютъ даромъ: они служатъ вмѣсто физическаго зла, которое, какъ оказывается, для поддержанія нравственности необходимо. Такъ это бываетъ или не такъ—конечно не могу сказать утвердительно, но въ отношеніи къ намъ—такъ, потому что мы не правы предъ Богомъ и совѣстію. Только Катенька, вотъ, какъ будто терпѣть съ нами напрасно; но она, слава Богу, какъ то меньше это и чувствуетъ, не какъ вонъ маменька, та, вонъ, ночи не спитъ и мучится какъ въ аду, даромъ что бѣдствіе то для всѣхъ насъ одно и то же, но дѣйствуетъ видно не одинаково. Какъ однако же ни разсуждай, а во всякомъ случаѣ разумнѣе будетъ покориться тѣмъ обстоятельствамъ, которыя насъ встрѣтили и, вмѣсто бесполезнаго ропота на какую то судьбу, произносить только съ вѣрою и надеждою: *«да будетъ воля Твоя!»* Это будетъ вѣрнѣе всего.

Мы выписали эту длинную діалектику изъ подлинной записки Боброва собственно для того, что бы ознакомить читателей съ доморощеною философіею русскаго самоучки. Не наше дѣло судить о вѣрности или недостаткахъ его взгляда, а наше дѣло изобразить только, сколь возможно вѣрнѣе, типическую личность русскаго самоучки со всѣми его достоинствами и недостатками; ознакомить читателей съ его образомъ мыслей, съ его логикою, которая конечно вѣрнѣе всего можетъ быть усмотрѣна изъ его собственныхъ записокъ.

Въ слѣдующій за тѣмъ день, можно сказать роковой въ отношеніи къ Бобровымъ, обстоятельства ихъ измѣнились совершенно неожиданно. Въ этотъ день получился въ Гавриловой слободѣ указъ о дозволеніи поступать на службу по межевой части людямъ податнаго состоянія. Бобровъ давно мечталъ о поступленіи на государственную службу, но не имѣлъ къ этому никакой возможности; но теперь мечта эта видимо могла осуществиться. Не думая ни мало, онъ продалъ обручальное Катино кольцо, купилъ листъ гербовой бумаги, а на остальныя деньги—сѣбѣстныхъ припасовъ, и послалъ прошеніе на имя начальника

губерніи. Недѣли черезъ три полученъ былъ отъ губернатора отвѣтъ, по которому Бобровъ долженъ былъ ѣхать въ губернской городъ для испытанія.

Обстоятельство это измѣнило положеніе Боброва въ томъ отношеніи, что слобожане сдѣлались какъ къ нему лично, такъ и къ Педагогѣ Петровнѣ несравненно внимательнѣе, такъ что нѣкоторые не отказались даже и одолжить ихъ деньгами.

— Невѣрь вотъ промыслу то Божію, рассуждалъ при этомъ Николай Ивановичъ, а вотъ онъ на виду... Случай, скажутъ; да въ томъ то и вся штука, что случай то эти какъ то всё подходить къ дѣлу.

Черезъ недѣлю по полученіи извѣстія отъ губернатора Николай Ивановичъ прибылъ въ губернской городъ, съ цѣлію поступить тамъ въ уѣздные землемѣры.

Съ девяти часовъ утра въ приемной комнатѣ Н...скаго губернатора начали уже появляться просители разныхъ половъ и званія и должностныя лица съ докладами. Послѣдніе отправлялись прямо въ кабинетъ къ губернатору но только не иначе, какъ по одиночкѣ; а первые, т. е. частныя просители, оставались въ приемной комнатѣ, объясняя свою надобность дежурному чиновнику. У губернатора было двѣ приемныхъ: одна — такъ называемая приемная комната, гдѣ находился дежурный чиновникъ, а другая — приемная зала, въ которой принимались болѣе важныя лица. Дежурный чиновникъ записывалъ чинъ, званіе, имя и фамилію каждаго просителя на особые, нарѣзанные, въ извѣстную величину, лоскутки бумаги, которые отъ времени до времени относилъ онъ въ кабинетъ къ губернатору, и клалъ на столъ на извѣстное уже мѣсто. Губернаторъ въ промежуткѣ времени, просматривалъ эти лоскутки, и, судя по чинамъ и званіямъ или по числу просителей, выходилъ въ приемную комнату и принималъ или выслушивалъ отъ нихъ просьбы.

Нѣкоторые лица входили въ кабинетъ губернатору просто безъ доклада, но всетаки по одиночкѣ. Такимъ правомъ пользовались: управляющіе отдѣльными частями, въ томъ числѣ, конечно, и управляющій откупомъ (тогда еще процвѣтали откупа), жандармскій полковникъ, вице-губернаторъ, правитель канцеляріи и другія лица хотя и не слишкомъ чиновныя, но пользующіея особымъ благоволеніемъ губернатора. Имена и фамиліи этихъ лицъ записаны были въ особую книжку, находящуюся всегда у дежурнаго чиновника, съ надписью: «могутъ входить безъ доклада.»

Всѣ, которые имѣли право на бездокладный входъ въ кабинетъ, не оставались въ приемной комнатѣ съ прочими просителями, а проходили прямо въ слѣдующую приемную залу, отдѣляя себя какъ овецъ отъ козлицъ. Это, впрочемъ, дѣлалось въ вѣдома губернатора который во всѣхъ своихъ дѣлахъ и поступкахъ придерживался строгой внѣшней формальстики и дисциплины.

Съ различными душевными ощущеніями входили просители въ приемную комнату. Нѣкоторые изъ нихъ отворяли дверь съ какимъ то замираніемъ духа, на цыпочкахъ подходили къ дежурному чиновнику и почти шепотомъ докладывали ему о себѣ. Другіе были немножко поразвязнѣе и, хотя не громко, но всетаки въ полголоса разговаривали съ дежурнымъ чиновникомъ. Барыни большею частію являлись со слезами на глазахъ и съ необыкновеннымъ вздохами и всхлипываніемъ докладывали о себѣ дежурному чиновнику. Напротивъ того, отставные капитаны или маіоры, прослужившіе нѣсколько десятковъ лѣтъ вѣрою правдою Богу и великому государю, обыкновенно рекомендовались довольно шумно и крикливо. На этотъ разъ находились въ приемной комнатѣ одна только плаксивая барыня и одинъ краснощечій маіоръ съ бургристымъ, багровымъ носомъ, прочіе же просители принадлежали къ мужскому полу и гражданскому званію.

Дежурный чиновникъ, записавши просителя на извѣстный лоскутокъ бумаги, съ важностію киваль головою и говорилъ: или «пожди» или «пождите», смотря по званію просителя. «Незначные» просители становились въ рядъ у задней стѣны и смиренно дожидались выхода губернатора. Плаксивая барыня помѣстилась въ кресла, а отставный маіоръ съ достоинствомъ прохаживался по комнатѣ вмѣстѣ съ присущею ему атмосферою. При малѣйшемъ движеніи въ слѣдующей приемной залѣ у барыни мгновенно появлялись на глазахъ слезы, а маіоръ становился во фронтъ.

Минуть черезъ пять, послышалось въ прихожей громкое стуканіе колошами и крикливый разговоръ съ ландармомъ, послѣ чего съ шумомъ и откашливаніемъ влетѣлъ въ приемную комнату молодой человѣкъ весьма небольшого роста и съ довольно ядовитою фізіономіею. Во всѣхъ его манерахъ и движеніяхъ выражалась какая то особенная развязность, доходящая до нахальства. Окнувъ нѣсколько прищуреннымъ и презрительнымъ взглядомъ всѣхъ присутствующихъ, онъ произнесъ какъ то разсѣянно, не обращаясь особенно ни къ кому:

— Что? Принимаетъ?

— Меня спрашиваете? спросилъ дежурный чиновникъ.

— Извѣстное дѣло тебя, отвѣтилъ дерзко молодой человѣкъ, считая эти слова за ловкую острогу, и, не дождавшись отъ дежурнаго никакого отвѣта, прямо, безъ доклада, отпра-

вился къ губернатору, откуда сейчасъ же опять возвратился въ пріемную комнату, вѣроятно потому, что въ пріемной залѣ на этотъ разъ не было никого изъ просителей, а молодой человѣкъ, какъ видно, любилъ всегда находиться въ обществѣ.

Тутъ онъ небрежно развалился въ креслахъ, громко зѣвнулъ и потянулся самымъ неприличнѣйшимъ образомъ. Можно было сейчасъ же догадаться, что этими своими манерами молодой человѣкъ старался показать предъ публикою настоящее свое значеніе и близость къ губернатору.

Крутицкій (это была его фамилія) дѣйствительно былъ близокъ къ губернатору и пользовался неограниченнымъ его довѣріемъ. Въ настоящее время онъ былъ въ должности чиновника особыхъ порученій, и командировался всегда для исполненія болѣе важныхъ дѣлъ. Здѣсь не лишнее будетъ познакомиться нѣсколько читателя съ личностію г. Крутицкаго.

По происхожденію своему онъ былъ изъ бѣдныхъ дворянъ и хотя не съ большимъ успѣхомъ, но всетаки почти кончилъ курсъ наукъ въ уѣздномъ училищѣ. Еще въ малолѣтствѣ замѣчали въ немъ особеннаго рода бойкость и смѣшленность, которая большею частію выражалась, впрочемъ, въ тиранствѣ надъ беззащитными домашними животными. Онъ, напримѣръ, безбоязненно, даже съ удовольствіемъ, ощипывалъ перья у живыхъ голубей, выкалывалъ у кошекъ глаза, отрубалъ у нихъ хвосты и т. п. Впрочемъ, Крутицкій отличался и другими артистическими способностями. Въ 12 лѣтъ онъ уже игралъ на балалайкѣ, и отлично отхватывалъ русскую и цыганскую пляски. Этими своими способностями онъ обратилъ на себя вниманіе одного богатаго господина, Кузьмы Ивановича Лепешкина, славившагося по всей губерніи своимъ хлѣбосольствомъ и привѣтливостію. Такъ какъ Крутицкій имѣлъ весьма бѣдныхъ родителей, то богатый господинъ взялъ его къ себѣ на воспитаніе. Сначала онъ держалъ его при себѣ въ видѣ казачка, а потомъ сталъ употреблять на переписку кое какихъ бумагъ. Въ послѣдствіи по рекомендаціи Лепешкина, стали принимать Крутицкаго и въ другіе дома, такъ что, наконецъ, безъ Крутицкаго не обходилась въ городѣ почти ни одна порядочная вечеринка, тѣмъ болѣе, что Лепешкинъ былъ особа довольно вліятельная, и слѣдовательно никакая его рекомендація въ туи уже не оставалась. Крутицкій сначала какъ будто немножко стѣснялся въ чужихъ домахъ; но Лепешкинъ ободрялъ его, и всячески старался пріучить къ порядочному обществу.—«Ты, братецъ, смѣлѣе будь...развязнѣе», часто онъ говаривалъ Крутицкому, пріучая его къ развязности, и Крутицкій въ скоромъ времени сдѣлался до того развязенъ, что не только не стѣснялся уже нигдѣ выкидывать свои штуки, но даже многимъ началъ говорить дерзости.—«Это мой воспитанничекъ, мой воспитанничекъ!» часто говаривалъ Лепешкинъ, съ

самодовольствіемъ указывая на Крутицкаго, когда тотъ чѣмъ нибудь отличался. Подъ веселый часъ дозволялось Крутицкому декламировать особаго рода стихи, до которыхъ Лепешкинъ былъ большой охотникъ. Для декламации этихъ стиховъ Крутицкаго обыкновенно уводили въ другую комнату, подальше отъ женщинъ. Лепешкинъ, бывало, просто помиралъ со смѣху отъ удовольствія, когда Крутицкій декламировалъ стихи. Въ жлкости ради и приличія неумолкно хотели и тѣ, которыхъ Лепешкинъ приглашалъ къ себѣ на вечера или на обѣды.—«Какіе, право, способности! произносили они въ похвалу Крутицкому. «Это мой воспитанничекъ! мой воспитанничекъ!» говорилъ при этомъ Лепешкинъ, любясь на Крутицкаго, а иногда подставляя ему свою щеку для облобызая.

Такимъ образомъ Крутицкій, по милости своего воспитателя, былъ вхожъ запросто во многие порядочные дома, такъ что успѣлъ, наконецъ, втереться и въ домъ начальника губерніи. Послѣ этого, онъ уже могъ смѣло входить во всѣ гостиныя. Впрочемъ, губернаторъ пригласилъ къ себѣ Крутицкаго не зря, а по особенной рекомендаціи самого воспитателя. Онъ даже справился у Лепешкина и насчетъ нравственности Крутицкаго и почтительности его къ высшимъ властямъ.

— Прескромный мальчикъ, отвѣтилъ на это Лепешкинъ, а что предъ начальственными властями,—такъ просто благоговѣть.

Удостоверившись, такимъ образомъ, въ достоинствахъ Крутицкаго, губернаторъ пожелалъ его имѣть при себѣ. Лепешкинъ, какъ заботливый воспитатель Крутицкаго, пекущійся о его благѣ, конечно, съ удовольствіемъ на это согласился, даже къ тому велъ дѣло, что бы его превосходительство обратилъ на Крутицкаго свое вниманіе, и приютилъ его къ себѣ. Такъ точно и сдѣлалось. Послѣ этого обстоятельства какъ Лепешкинъ, такъ и губернаторъ прослыли по всей губерніи добрѣйшими и челоуколюбивѣйшими людьми въ мірѣ. Слово «гуманность» тогда не было еще въ употребленіи.

Сначала Крутицкій былъ при губернаторѣ въ качествѣ придворнаго шута, а отчасти и лакея. Какъ бы то ни было, но съ вступленіемъ его въ губернаторскій домъ, много прибавилось у него и спеси, и такъ называемой благородной гордости; въ слѣдствіе которой онъ не только началъ стыдиться своихъ родителей, но даже сталъ презирать ихъ, потому что они, на облагоороженный взглядъ Крутицкаго, казались слишкомъ грубы и неприличны. Съ этимъ взглядомъ, впрочемъ, исполнѣ согласался и его воспитатель. Онъ даже при разговорѣ передалъ это и губернатору, сказавъ, что Крутицкій своими родителями весьма несчастливъ.

— Что же они... этакъ?... спросилъ съ любопытствомъ губернаторъ.

— Просто гнусны и неприличны, отвѣтилъ неопредѣлительно Лешкинъ.

— Не ходятъ ли они къ нему? спросилъ заботливо губернаторъ.

— Насчетъ этого, ваше превосходительство, не безпокойтесь. Крутицкій въ этомъ случаѣ никогда себя не компрометируетъ. Онъ хотя и молодъ, но удивительно умѣетъ различать людей. Замятьте какъ онъ смотритъ на всѣхъ этихъ лохмотниковъ! Уже повѣрьте знакомства съ ними не сведетъ! Это не такой человѣкъ.

— Право? провозгласилъ губернаторъ.

— Могу ли васъ завѣрить, ваше превосходительство... Крутицкій слишкомъ гордъ, что бы имѣть съ подобными людьми какія либо сношенія. Въ немъ, право, кроются весьма хорошіе задатки, добавилъ Лешкинъ довольно значительнымъ тономъ.

— Ну, очень радъ... очень радъ! заключилъ успокоительно губернаторъ.

Крутицкій хотя вообще мало имѣлъ свободнаго времени у губернатора, но главныя его занятія, по преимуществу, были около вечерняго чая. Въ это время, онъ обязанъ былъ выкидывать предъ губернаторомъ какія нибудь штуки, или декламировать стихи. Крутицкій исполнялъ эту должность отличнымъ манеромъ, смѣшилъ не только губернатора, но и все его семейство, такъ что сама губернаторша не могла иногда отъ смѣху промолвить слова, а только, бывало, машетъ уже на Крутицкаго своимъ платочкомъ, что бы тотъ хотя на минуточку приостановился и далъ ей перевести духъ.

Оцѣнивая услуги Крутицкаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ, желая ему открыть ходъ на государственную службу, губернаторъ помѣстилъ его въ свою канцелярію, тѣмъ болѣе, что и правитель канцеляріи замѣтилъ въ Крутицкомъ большія способности къ службѣ, потому что тотъ дѣйствительно имѣлъ порядочный почеркъ и хотя не всегда вѣрно, но довольно чисто могъ переписывать бумаги. Дѣйствуя всегда осторожно, губернаторъ однако же не вдругъ далъ ходъ Крутицкому, а сначала помѣстилъ его въ канцелярію, въ видѣ испытанія, сверхъ штата; но Крутицкій тотчасъ оправдалъ довѣріе его превосходительства, и выказалъ необыкновенныя свои способности къ службѣ, такъ что губернаторъ счелъ справедливымъ сейчасъ же замѣстить его на штатное мѣсто. — «Полезнымъ людямъ надо открывать дорогу», разсуждалъ при этомъ губернаторъ. И дѣйствительно, иной неспособный человѣкъ въ годъ не узнаетъ съ кѣмъ служить, а Крутицкій, какихъ нибудь въ два три дня, узналъ всѣхъ чиновниковъ канцеляріи, а черезъ недѣлю могъ уже со всюю аккуратностію доносить его превосходительству секретно о поведеніи каждаго чиновника. При помощи Крутицкаго, губернаторъ зналъ навѣрняка не только что дѣлалось и говорилось въ его канцеляріи, но даже какъ относились чиновники объ

его особѣ и въ своемъ домашнемъ быту. Въ слѣдствіе чего началась въ канцеляріи страшная гассировка чиновниковъ: много, неизвѣстно за что, смѣщали на низшія должности, другаго повышали, а много просто выгоняли вонъ изъ службъ. Слѣдуя во всемъ строгому служебному порядку, губернаторъ на этотъ разъ не любилъ съ своими подчиненными входить въ какія либо объясненія, даже считалъ это для себя унижительнымъ и несообразнымъ съ служебною дисциплиною, а потому перемѣщаль или исключалъ своихъ чиновниковъ безъ всякихъ съ ними объясненій: только и говорилъ, что «мнѣ все извѣстно! мнѣ извѣсны всѣ ваши поступки!»—и больше ничего. Этими словами онъ старался доказать предъ чиновниками необыкновенную свою прозорливость и мудрость, свойственную сановному лицу.

Такою своею многостороннею услужливостію Крутицкій вошелъ почти въ полное довѣріе губернатора, и пользовался всегдашнимъ его благоволеніемъ. Въ продолженіе весьма небольшого времени формулярный его списокъ испещренъ былъ различными наградами и повышеніями за какія то отличія, чему, впрочемъ, много содѣйствовала и губернаторша, которая, въ свою очередь, смотрѣла на Крутицкаго съ самой возвышенной точки зрѣнія. Чувствуя свое достоинство и превосходство надъ товарищами, Крутицкій держалъ себя чрезвычайно надмѣнно и гордо: надъ всѣми открыто издѣвался, всѣмъ и каждому говорилъ ты, даже правителя канцеляріи часто называлъ только по фамиліи, что же касается до чиновной мелкоты, то онъ называлъ ихъ какимъ нибудь оскорбительнымъ мѣстоимѣніемъ. Хотя, въ послѣдствіи всѣ чиновники возненавидѣли Крутицкаго страшнымъ образомъ, но обнаружить этого не смѣли, потому что Крутицкій былъ слишкомъ уже близокъ къ губернатору и пользовался неограниченнымъ его довѣріемъ. Впрочемъ, были и такіе чиновники, которые видимо благоговѣли предъ личностію Крутицкаго, превозносили его достоинства и, съ какою то любовію, переносили всѣ его дерзости, называя ихъ остроумною шуткою. Зато и Крутицкій относился объ этихъ чиновникахъ къ губернатору съ особенною похвалою. По этой или по другой причинѣ, но только эти чиновники крѣпко сидѣли на своихъ мѣстахъ. Въ числѣ особенныхъ почитателей Крутицкаго были: губерскій землемѣръ Мардохей Петровичъ Рогоулькинъ и совѣтникъ губернскаго правленія Іереевъ. Первый изъ нихъ не разъ даже говаривалъ, въ присутствіи самого губернатора: «что Александръ Ивановичъ (имя Крутицкаго) съ честію можетъ проходить самыя высокія должности.» Съ этимъ мнѣніемъ соглашался и совѣтникъ Іереевъ и правитель канцеляріи. Такимъ образомъ у его превосходительства составлялось самое вѣрное понятіе о всѣхъ губерскихъ чиновникахъ. Постороннихъ навѣтовъ онъ уже не слушалъ, потому что терпѣть не могъ ябедничества.

Когда Крутицкій занялъ мѣсто секретаря, то правитель кан-

целярїи сдѣлался съ нимъ еще ласковѣе, такъ что началъ, наконецъ, совѣтовать ему отправиться въ Петербургъ: «что вы здѣсь въ провинціи то выслужите? ровно ничего,» говорилъ правитель канцелярїи съ какою то двусмысленною ужимкою «вамъ нужно, сударь, должность, то искать немножко повиднѣе....»

Сознавая свое достоинство, Крутицкій дѣйствительно взялъ мѣсячный отпускъ, и отправился въ Петербургъ съ непремѣннымъ намѣреніемъ занять тамъ должность повиднѣе. Впрочемъ, объ этомъ своемъ намѣреніи онъ не объяснилъ никому, потому что хотѣлъ написать объ этомъ изъ Петербурга, когда уже получить видную должность, хотѣлъ, такъ сказать, поразить своихъ знакомыхъ такою неожиданностію.

— «То то будутъ жалѣть меня подлецы!» разсуждалъ Крутицкій на счетъ тѣхъ своихъ знакомыхъ, у которыхъ былъ хорошо принять. — «А губернаторъ-отъ... губернаторъ-отъ... то то, я думаю, озлится на меня!»... И Крутицкій, закинувъ голову залился хохотомъ. — «Ну, да чортъ его побери!» прибавилъ онъ съ каимъ то озлобленіемъ «изъ за него мнѣ не задохнуться же въ провинціи то, въ самомъ дѣлѣ!»

Крутицкій полагалъ навѣрняка, что какъ скоро онъ прїѣдетъ въ Петербургъ, то на первыхъ же дняхъ и получить самую видную должность, но вышло напротивъ. Въ Петербургѣ онъ прожилъ слишкомъ два мѣсяца, и возвратился оттуда безъ должности. Хотя, нашли его тамъ довольно подходящимъ человекомъ, но онъ самъ уже повредилъ себѣ, потому что слишкомъ скоро сталъ со многими обращаться на «ты.» Впрочемъ Крутицкій увѣрялъ всѣхъ, что онъ вовсе и не думалъ искать тамъ себѣ должности, даже хотелъ надъ тѣми, кто выдумалъ про него такую нелѣпость. Онъ говорилъ, что ѣздилъ въ Петербургъ только отъ скуки, и что все время провелъ тамъ на балахъ, да на вечерахъ, отъ которыхъ подъ конецъ на силу уже могъ отбиться, и отъ которыхъ и теперь еще у него кружится голова.

Какъ бы то ни было, но поѣздка въ Петербургъ для Крутицкаго всегата не осталась бесполезною. Этою поѣздкою онъ не мало сдѣлалъ себѣ нравственныхъ и матеріальныхъ прїобрѣтеній. Во первыхъ, онъ началъ довольно прїятно картавить; карету, напримѣръ сталъ называть «кагета». Казалось бы, это дѣло ничтожное, но по замѣчанію губернаторши, чрезъ это самое «у милаго Крутицкаго чрезвычайно смягчился и облагородился языкъ» — пренебрегайте вотъ лустьями то! Вотворыхъ, онъ выучилъ нѣсколько превосходнѣйшихъ французскихъ романсовъ, которые и пѣлъ на многихъ вечерахъ, даже, при прогулкѣ на бульварѣ. Нѣкоторыя барышни просто приходили въ восторгъ, когда Крутицкій, скрестивши на груди руки и поднявши вверхъ глаза, начиналъ пѣть французскіе романсы. На что уже учитель французскаго языка, г. Мишле, и тотъ, бывало, чрезвычайно удивлялся пѣнію Крутицкаго. Только одного онъ не могъ

уяснить себѣ: «на какой языкъ поетъ молѣтой шелѣвѣкъ? никакъ не можно снать!...» И увѣряли было его, что Крутицкій поетъ французскіе романсы—на французскомъ, значить, языкѣ; но г. Мишле только мотала головою. «Эта шортъ языкъ!» возражалъ онъ съ видимою досадою, «ми такой языкъ не снаеть».

Сверхъ вышеупомянутыхъ нравственныхъ приобрѣтеній, Крутицкій привезъ съ собою изъ Петербурга многое множество интереснѣйшихъ анекдотовъ, которые по нѣскольку разъ рассказывалъ онъ въ присутствіи его и ея превосходительствъ, какъ на примѣръ: «познакомился онъ на одномъ балѣ съ какою то княжною, которая влюбилась въ него по уши, и завела съ нимъ секретную переписку... Какъ министръ юстиціи съелъ его, однажды, за иностранца и пр. и пр. «Преуморительная штука!» провозглашала онъ обыкновенно въ срединѣ своихъ анекдотовъ.

Что бы придать болѣе важности и значенія своимъ рассказамъ, Крутицкій передавалъ ихъ со всѣми нужными подробностями. «Вотъ я закугиваю гаванскую *cigaru*, сажусь въ креслету» и пр. говорилъ онъ обыкновенно при началѣ каждого разсказа. Этотъ приступъ чрезвычайно нравился губернаторшѣ. Но главное нравственное приобрѣтеніе Крутицова состояло въ томъ, что онъ началъ явно издѣваться надъ всѣми священными обрядами и нравственными установленіями общества,

Въ матеріальномъ отношеніи Крутицкій обогатилъ себя многими замѣчательными рѣдкостями, которыхъ въ провинціи невозможно было достать никакимъ образомъ. Онъ купилъ на примѣръ для себя золотые очки, которые носилъ уже постоянно, и снималъ только развѣ тогда, когда понадобится ему что нибудь хорошенько разглядѣть. Сверхъ того, купилъ великолѣпнѣйшій хлыстикъ, не менѣе великолѣпную щетку для ногтей, нѣсколько флаконовъ лучшихъ англійскихъ духовъ и многое множество другихъ рѣдкостей, почти столь же интересныхъ и полезныхъ какъ и великолѣпный хлыстикъ.—«Вѣдь этихъ, братецъ, вещей въ здѣшнемъ адскомъ городишкѣ ни за что не найдешь», говорилъ съ увлеченіемъ Крутицкій, показывая пріятелямъ свои рѣдкости. Половину духовъ онъ подарилъ губернаторшѣ, отъ чего та пришла въ неописанный восторгъ, а губернатору подарилъ отличное пресспапье.

Какъ обладатель такихъ замѣчательныхъ рѣдкостей и притомъ хорошо знакомый съ высшимъ аристократическимъ обществомъ, Крутицкій самъ сталъ представлять изъ себя какаго то аристократа, испытывающаго всѣ удовольствія свѣтской жизни. По этому случаю онъ въ жаркое лѣтнее время безъ того уже не выходилъ и на улицу, что бы не завернуться въ нѣсколько шарфовъ, сталъ также постоянно чувствовать простуду отъ сквознаго вѣтру, и почти каждый день совѣтовался съ докторомъ, который слѣдилъ за здоровьемъ губернаторши.

Считая себя въ числѣ важныхъ особъ, Крутицкій никому уже не уступалъ дороги, и часто дрался съ будочниками и жандар-

мами за ихъ невѣжливость. Последнее обстоятельство, однако же, не слишкомъ правилось начальнику губерніи, такъ что онъ сдѣлалъ ему за это нѣсколько легкихъ замѣчаній! Когда Крутицкій бывалъ въ театрѣ, то постоянно уже помѣщался въ первомъ ряду креселъ, въ которыхъ, однако же, сидѣть мало, а большею частью стоялъ, облокотясь на барьеръ, къ сценѣ спиною, и во время дѣйствія всегда съ кѣмъ нибудь разговаривалъ. Въ кресла онъ садился только для того, что бы помѣяться надъ игрою артистовъ. Для этого онъ небрежно разваливался, закидывалъ голову назадъ, и хохоталъ во все горло. Въ театрѣ онъ обыкновенно пріѣзжалъ послѣ первого уже дѣйствія, а изъ театра уѣзжалъ въ половинѣ спектакля.

Всѣ эти факты и обстоятельства, въ совокупности разсматриваемые, не исключая, конечно, изъ того числа и великолѣпнѣйшаго хлыстика, еще болѣе возвысили Крутицкаго въ глазахъ его превосходительства, такъ что онъ счелъ за должное и полезное замѣстить его на вакансію чиновника особыхъ порученій, не снимая, впрочемъ, съ него прежнихъ обязанностей, которыя онъ исполнялъ около вечерняго чаю.

Какъ благородный человѣкъ, Крутицкій терпѣть не могъ всѣхъ пьющихъ людей, и считалъ ихъ за совершенныхъ негодяевъ, потому что самъ пьянствовать не любилъ, кромѣ, конечно, благородныхъ кутежей, въ которыхъ всегда былъ уже первымъ участникомъ.

— Прекрасный молодой человѣкъ! отзывался о Крутицкомъ начальникъ губерніи.

— Благороднѣйшій человѣкъ! присовокупляла въ свою очередь губернаторша; въ немъ много кроется благородныхъ зачатковъ... и какое у него умнѣйшее лицо!... честнѣйшее лицо!... А какъ онъ интересенъ въ очкахъ!... добавила губернаторша съ особеннымъ чувствомъ, зажмуривъ уже отъ удовольствія глаза. Да! продолжала губернаторша, послѣ минутнаго молчанія: Крутицкій съѣздили въ Петербургъ не даромъ... не напрасно. Посмотри сколько онъ тамъ усвоилъ себѣ прекрасныхъ и благородныхъ манеръ! Ты замѣтилъ, Матѣе, какой у Крутицкаго сдѣлался пріятный акцентъ?

— Замѣтилъ, душа моя, отвѣтилъ губернаторъ.

— И все это сдѣлалъ Петербургъ!.. мой милый очаровательный Петербургъ! произнесла губернаторша восторженно:—это истинно святилище просвѣщенія!..

Губнаторша хотя далеко была не первой молодости, но во всѣхъ ея словахъ и движеніяхъ выражалась какая то поэтическая юность. Говорила она чрезвычайно восторженно и всегда отборными и высокопарными фразами, съ примѣсію иногда ученыхъ взглядовъ. По привычкѣ ли къ петербургской жизни, или по какому нибудь особенному воспоминанію, но только губернаторша отъ Петербурга всегда приходила въ восторгъ, и часто называла его благороднымъ членомъ европейскаго гѣ-

ла. Крутицкій совершенно сходилъся съ мнѣніями губернаторши. онъ тоже отъ Петербурга приходилъ въ восторгъ, даже превозносилъ его еще тогда, когда не имѣлъ объ немъ никакого понятія. Потому то губернаторша и замѣтила въ Крутицкомъ много благородныхъ зачатковъ.

— Только горяченегъ немножко, замѣтилъ однажды губернаторъ на счетъ Крутицаго.

— Боже мой!.. Матгѣ!.. воскликнула губернаторша—какъ же ты не хочешь понять, что горячка Крутицаго не болѣе ни мнѣе, какъ только одно невинное, минутное увлеченіе пылкаго юноши! это свойственно, другъ мой, каждому благородному человѣку. Правда, натура Крутицаго для неопытнаго взгляда покажется нѣскольکو раздражительною; но повѣрь, другъ мой, Матгѣ, что эта видимая раздражительность Крутицаго происходитъ отъ того, что онъ лучше другихъ понимаетъ свое достоинство, у него слишкомъ развито чувство самосознанія. Онъ благородно гордъ, но не болѣе!.. И губернаторша граціозно провела въ воздухъ рукою, плавно помотала головою и немножко зажмурила глаза.

— Я съ этимъ, душа моя, вполне согласенъ, что Крутицкій человѣкъ благородный и весьма для меня полезный...

— Чего же болѣе, Матгѣ? перебила его губернаторша.

— Но только бываетъ иногда не въ мѣру горячъ. Это замѣчаніе, душа моя, я дѣлаю для его же пользы, потому что онъ можетъ себя этимъ компрометировать предъ публикою.

— Чѣмъ же онъ можетъ себя компрометировать? Мнѣ кажется Крутицкій держитъ себя въ обществѣ слишкомъ благородно. Онъ никогда не забудется предъ тѣми, предъ кѣмъ не слѣдуетъ забываться; ну, а предъ остальною массою какихъ нибудь здѣшнихъ провинціаловъ.... что же это такое?... Нѣтъ, Матгѣ, я, право, не понимаю чего ты отъ Крутицаго требуешь.

— Я вотъ про что говорю, душа моя, что Крутицкій въ горячкѣ своей бываетъ иногда неостороженъ. Шутка ли, онъ прибилъ будочника, да жандарма....

— Матгѣ! перебила его губернаторша самымъ трагичнымъ тономъ, я тебя не узнаю! Ты ли это тотъ благородный Матгѣ, съ которымъ я нѣкогда встрѣтилась въ тѣнистыхъ рощахъ Елагина острова?! Нѣтъ, это не ты!.. Ты тогда хорошо зналъ себѣ цѣну, а теперь, кажется, совершенно забываешь свое здѣсь значеніе. Вспомни, другъ мой Матгѣ, что ты тайный совѣтникъ!.. начальникъ губерніи... а Крутицкій близкій тебѣ чиновникъ! Какая же можетъ быть параллель между Крутицкимъ и какимъ нибудь будочникомъ или жандармомъ? Неужели ты Крутицаго, твоего чиновника и притомъ дворянина, хочешь поставить съ этими людьми на одну доску? Стыдись, другъ мой, Матгѣ ты себя этимъ унижаешь.

При этихъ словахъ губернаторша приняла такую позу, кото-

рую ни описать, ни повторить уже невозможно, потому что подобныя позы принимаются только въ минуты вдохновенія.

Губернаторъ немножко растерялся, и повидимому не зналъ что сказать.

— Это правда, душа моя, что ты говоришь, началъ онъ, немного подумавши, но позволю же мнѣ сказать тебѣ одно слово. Если бы Крутицкій сдѣлалъ это одинъ на одинъ, или въ четырехъ стѣнахъ, я бы самъ посмотрѣлъ на это съвозъ пальцы, но вѣдь онъ дерется публично на улицѣ, вотъ что нехорошо! Вѣдь это, пожалуй, можетъ дойти до Петербурга, изъ за этого можетъ быть и мнѣ непріятность. Вотъ вѣдь я про что говорю, душа моя!

— Но я надѣюсь, Маттѣ, что ты сумѣешь защитить честь своего чиновника, произнесла губернаторша нѣсколько проницательнымъ тономъ. Ты говоришь, что Крутицкій приблилъ тамъ какого то твоего будочника.....

— Не моего, душа моя, перебилъ губернаторъ съ нѣкоторою горячностію, а городского. Будочники принадлежатъ къ городской стражѣ.

— Ну, извини меня, милый Маттѣ, я вѣдь этого не знаю; я думала, что будочникъ этотъ твой знакомый, что ты такъ его горячо защищаешь, проговорила губернаторша съ самою ядовитою ироніею. Я хотѣла сказать тебѣ только то, что если Крутицкій, по врожденной пылкости своего благороднаго характера, когонибудь ударить, допустимъ даже—побѣтъ какогонибудь мужика или будочника, такъ отъ этого, мнѣ кажется, нисколько не пострадаетъ твое самолюбіе. Другое дѣло если бы Крутицкій осмѣлился предъ публикою дѣлать тебѣ или мнѣ какіянибудь возраженія или противорѣчія—это совсѣмъ другое дѣло, тутъ онъ могъ бы тебя компрометировать; но Крутицкій, кажется, этого не дѣлаетъ, по крайней мѣрѣ я не замѣчала.

— Этого я и не позволю, произнесъ губернаторъ самымъ положительнымъ тономъ.

— Этого, другъ мой, не надо и позволять. Ты самъ говоришь, что подчиненный предъ начальникомъ долженъ быть рыбою.

— Да это моя мысль, подхватила губернаторъ съ видимымъ удовольствіемъ.

— Нѣтъ это общая мысль, возразила скромно губернаторша; эта мысль извѣстна всѣмъ и каждому, что подчиненный не долженъ дѣлать своему начальнику никакихъ возраженій, но это не мѣшаетъ, однако же, быть ему самостоятельнымъ и свободнымъ въ отношеніи къ остальной массѣ. Но ты, другъ мой, Маттѣ, вмѣсто того, что бы оправдать Крутицкаго въ его невинныхъ увлеченіяхъ самъ же его третирнешь заставляешь его унижаться предъ какимънибудь будочникомъ или жандармомъ... Мнѣ кажется достаточно уже и того, что ты самъ иногда унижаешься предъ нѣкоторыми просителями.

— Въ чемъ же, другъ мой, въ чемъ я унижаюсь? спросилъ заботливо губернаторъ.

— Я уже сколько разъ говорила тебѣ объ этомъ, милый Матѣе, что ты иногда какому нибудь коллежскому регистратору, какому нибудь ничтожному просителю дозволяешь дѣлать себѣ возраженія, дозволяешь предъ собою оправдываться! Тайный совѣтникъ!.. подчиняется мнѣнію какого нибудь ничтожества!.. Впрочемъ, можетъ быть, это униженіе тебѣ нравится, милый Матѣе, такъ я не спорю, прибавила губернаторша самымъ уступчивымъ тономъ. Я, какъ другъ твоей жизни, исполнила только свой долгъ, высказала тебѣ свое мнѣніе— и больше ничего. Ты можешь дѣйствовать по своему, но я обязана была высказать тебѣ свои убѣжденія, иначе бы я погрѣшила противъ совѣсти и противъ Бога... И губернаторша красиво взметнула вверхъ глазами и съ благоговѣніемъ вздохнула.

— Благодарю, другъ мой, благодарю! произнесъ машинально губернаторъ, совершенно растерявшись. Въ этомъ я дѣйствительно виноватъ, но постараюсь исправиться.

Разговоръ этотъ былъ передъ обѣдомъ, но вечеромъ опять онъ возобновился, и почти на эту же тему, съ маленькими только исключеніями, потому что при этомъ разговорѣ присутствовали и Крутицкій. Хотя губернаторша придерживалась своего прежняго мнѣнія, однако подъ конецъ сдѣлала нѣкоторую уступку, согласилась, что благородному человѣку съ мужиками дѣйствительно драться не всегда прилично, а особенно на улицѣ, при публикѣ, потому, вопервыхъ, что невѣжественная публика можетъ принять это за обоюдную драгу, а это благороднаго человѣка можетъ сильно компрометировать, а вторыхъ, потому, что, по закону, принимается въ резонъ постороннее свидѣтельство, которое не всегда удобно придавать губернаторскою властію, а тѣмъ болѣе когда слѣдствіе будетъ производить лицо враждебное губернатору.

— Хотя мало этому вѣроятія, но всетаки можетъ случиться, проговорилъ губернаторъ.

— Какіе, однако же, у насъ варварскіе законы! произнесла съ чувствомъ губернаторша.

Съ этимъ мнѣніемъ отчасти согласился и губернаторъ, но только выразился гораздо мягче, потому что признавалъ недостаточность законовъ только въ этомъ именно пунктѣ, во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ онъ не сознавалъ въ законахъ никакого недостатка.

Старикъ губернаторъ хотя и часто спорилъ съ своею женою, но во взглядахъ на вещи и въ главныхъ мнѣніяхъ разнился съ нею мало. Если губернаторша любила говорить высокопарно, то и его превосходительство любило объясняться съ просителями и подчиненными какимъ то дидактическимъ тономъ, любило

также при каждом удобномъ случаѣ произносить вступительныя рѣчи, или, такъ сказать, спичи и не столько иногда вникалъ въ сущность просьбы просителя, сколько старался слѣдить за красотою и ходомъ своей рѣчи. Какъ губернаторъ, такъ и губернаторша, во всѣхъ случаяхъ, имѣли въ виду только себя, а на остальныхъ людей обращали вниманіе на столько, на сколько они были для нихъ полезны и необходимы.

Дослужившись съ мелкихъ чиновъ до тайнаго совѣтника, губернаторъ чрезвычайно привыкъ къ виѣшной формалистикѣ, и старался выполнять ее до мелочности, словомъ и дѣломъ. При постороннихъ лицахъ онъ, повидимому, не подчинялся ни чьему влиянію, но глазъ на глазъ съ своими присными, а въ особенности съ другомъ жизни, не обнуживалъ никакого самостоятельнаго характера. Какъ бы то ни было, но онъ былъ вполне увѣренъ, что дѣйствуетъ самостоятельно, строго, справедливо и сообразно съ дѣлами высшаго правительства. Въ видахъ этихъ дѣлей, онъ пріютилъ къ себѣ и Крутицкаго, какъ прекраснѣйшаго и благороднѣйшаго человѣка.

Этотъ то самый прекраснѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ сидѣлъ теперь развалившись въ креслахъ, въ пріемной комнатѣ губернатора. Прищуривъ глаза и закинувъ не много голову назадъ, онъ съ какою то наглостію осматривалъ съ ногъ до головы приходящихъ просителей, такъ что нѣкоторые изъ нихъ чрезвычайно конфузились отъ его взглядовъ, а другіе торопливо одергивались, и принимали болѣе почтительныя позы. Одинъ только проситель, одѣтый не въ слишкомъ фасонистую сибирку, пріютившись въ уголокъ, какъ то неопредѣленно посматривалъ на Крутицкаго изъ подлобья. Крутицкій нѣсколько разъ бросалъ на него величавые и испытующіе взгляды, но проситель только хмурился, показывая видъ какаго то недовольства.

— Ты кто? спросилъ, наконецъ, Крутицкій просителя не въ слишкомъ фасонистой сибиркѣ.

— Гавриловскій мѣщанинъ Бобровъ, отвѣтилъ тотъ, придявши на Крутицкаго нахмуренные и недовольные глаза.

— Зачѣмъ?

— По требованію его превосходительства.

— На какой чортъ его требуютъ? спросилъ Крутицкій, обращаясь небрежно къ дежурному чиновнику.

— Подаль прошеніе въ землемѣры, отвѣтилъ дежурный чиновникъ, потому что Бобровъ успѣлъ уже съ нимъ на этотъ случай объясниться, да онъ и самъ подробно зналъ о перепискѣ на счетъ Боброва.

Это былъ бѣдный мѣщанинъ-самоучка, проживавшій въ одномъ маленькомъ мѣстечкѣ той губерніи. Узнавъ, что людямъ податнаго состоянія дозволено поступать на государственную службу по межевой части, онъ подалъ объ этомъ прошеніе на-

чальнику губерніи, въ слѣдствіе чего и былъ вызванъ въ губернскій городъ для личнаго объясненія, съ губернаторомъ. Для этой то цѣли онъ теперь и явился.

— Этакой-отъ вахлакъ?! этакая то рожа въ землемѣры? Ха! ха! ха!... И Крутицкій, закинувъ голову, залился хохотомъ.

Стоявшіе тутъ въ числѣ просителей какіе то два купчика, нѣсколько знакомые Крутицкому, отвернулись немножко къ стѣнѣ и тоже разсмѣялись, но только для приличія закрыли рты свои ладонями и съ какимъ то подобострастіемъ косились на Крутицкаго. Этимъ старались они доказать почтительное свое вниманіе къ особѣ Крутицкаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что при его остротахъ нѣтъ никакой возможности удержаться отъ смѣху.

Прочіе просители не только удержались отъ смѣху но даже нѣкоторые изъ нихъ посмотрѣли на Крутицкаго съ негодованіемъ.

— За что вы меня такъ оскорбляете? заговорилъ, обращаясь къ Крутицкому, въ защиту свою Бобровъ весьма непочтительнымъ тономъ.

— Ка-акъ?!.. что ты говоришь, я не дослышалъ?!.. произнесъ Крутицкій проницески, принявъ на себя самый угрожающій видъ.

— Я говорю: за что вы меня оскорбляете? повторилъ Бобровъ нѣсколько дрожащимъ уже голосомъ.

— Кому ты это говоришь, равадія этакая?! продолжалъ Крутицкій, грозно привставъ съ своего мѣста: — знаешь ли ты съ кѣмъ говоришь, а?!

— Я не знаю съ кѣмъ говорю, только знаю, что напрасно вы меня оскорбляете.

— А! ты не знаешь?... такъ я же тебѣ докажу кто я! произнесъ Крутицкій, измѣнившись въ лицѣ.

Послѣ этого онъ какъ то засуетился: хотѣлъ, какъ видно, ударить Боброва или по крайней мѣрѣ выгнать его изъ пріемной, покушался даже позвать для этого жандарма, но въ торопяхъ не сдѣлать ни того, ни другаго, потому что мѣры эти для Боброва онъ считалъ слишкомъ снисходительными и несоотвѣтствующими его ужасному проступку.

— Такъ я же тебѣ докажу, кто я! повторилъ Крутицкій угрозивши на Боброва пальцемъ и едва выговаривая отъ злости слова.

Съ этою послѣднею фразою, онъ весьма порывисто отдернулъ дверь въ пріемную залу и быстро отправился во внутренніе покои губернатора.

Оставшіеся просители переглянулись между собою, и нѣкоторые изъ нихъ посмотрѣли на Боброва съ участіемъ, а нѣкоторые съ насмѣшкою.

Отставной капитанъ, взявши себя за усь, стоялъ на одномъ

мѣстѣ въ какомъ то глубокомъ размышленіи. «Да» произнесъ онъ наконецъ, какъ бы очнувшись, и, не сказавъ болѣе ни одного слова, сталъ по прежнему прохаживаться по комнатѣ. Что обозначало это «да» — узнать было невозможно.

Николай Ивановичъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ. Онъ хорошо не понималъ, что съ нимъ дѣлается и что будетъ дальше. Ему въ первый еще разъ случилось быть въ приемной губернатора, и потому онъ чрезвычайно робѣлъ, но при видѣ Крутицаго на него напалъ какой то ужасъ.

— Что же я ему сдѣлать? За что онъ на меня разсердился? вѣдь онъ же меня оскорбилъ! произнесъ въ недоумѣніи Николай Ивановичъ какимъ то полушачевнымъ тономъ, обращаясь къ присутствующимъ и какъ бы желая вызвать ихъ на участие къ себѣ, но никто изъ присутствующихъ не промолвилъ на это ни одного слова, изъ опасенія, что бы не обнаружить себя участникомъ въ столь важномъ дѣлѣ; даже тѣ изъ присутствующихъ, которые стояли рядомъ съ Бобровымъ, отдвинулись отъ него, и встали какъ можно дальше.

Николай Ивановичъ посмотрѣлъ на всѣхъ съ величайшею грустію и замолчалъ. «Здѣсь видно защитника себѣ не найдешь», подумалъ онъ про себя.

Минуть черезъ пять въ слѣдующей приемной залѣ опять послышался голосъ Крутицаго.

— «Я какъ бга-аодный чега-экъ, конечно не сталъ съ нимъ связываться... кричалъ въ азартѣ Крутицаій.

— Я надѣюсь, милый Маттѣе, что ты съумѣешь защитить его!.. доносился изъ дальнихъ комнатъ женскій голосъ. Не забудь, Маттѣе... въ твоемъ домѣ!.. это говорю я тебѣ какъ другъ жизни!..

Въ это время, дверь отворилась, и губернаторъ въ сопровожденіи Крутицаго величаво вошелъ въ приемную комнату.

Это былъ старичокъ лѣтъ семидесяти, среднего роста, съ довольно добродушнымъ, но нѣсколько приказническимъ выраженіемъ лица. Всѣ манеры и движенія его были довольно картинны, и казались плодомъ весьма долгаго изученія. Онъ былъ одѣтъ въ щегольской фракный вицъ-мундиръ, на которомъ свѣтилась аннинская звѣзда.

Просители, каждый по своему, приняли самыя почтительныя позы и встрѣтили губернатора низкими поклонами, кромѣ отставнаго капитана, который ограничился одною только вытяжкою во фронтъ. У плаксивой барыни, какъ слѣдуетъ, потекли ручьями слезы во всей исправности.

Въ отвѣтъ на все это, губернаторъ ограничился однимъ серьезнымъ и осанистымъ взглядомъ, которымъ и соблаговолилъ обвинить всѣхъ присутствующихъ, не останавливаясь особенно ни на комъ.

— Вотъ онъ! прокричалъ Крутицаій, подскочивъ къ Боброву. * 1 84

ву:—я, какъ бга-агодный чега-экъ, не захотѣлъ только съ нимъ связываться...

— Позвольте, позвольте! перебилъ его губернаторъ, который въ присутствіи постороннихъ всегда уже дѣйствовалъ строго и самостоятельно; вы мнѣ не даете выговорить.. И губернаторъ посмотрѣлъ на Крутицкаго съ недовольнымъ видомъ.

Крутицкій какъ то засемнилъ и покраснѣлъ какъ ракъ. Строгаго губернаторскаго взгляда онъ никогда не выдерживалъ, и мгновенно превращался въ какого то робкаго вьюна или червяка, когда на него посыпаютъ солью.

— Кто ты такой? началъ губернаторъ, обращаясь къ Боброву.

Тотъ объяснилъ ему кто онъ такой, и хотѣлъ было также объяснить зачѣмъ именно пріѣхалъ, но губернаторъ остановилъ его.

— Ты долженъ отвѣчать мнѣ только на то, объ чемъ тебя спрашиваютъ—замѣтилъ онъ довольно строгимъ тономъ — а впередъ съ своими рѣчами забѣгать не долженъ, слышишь?

— Слушаю, отвѣтилъ Бобровъ.

— Онъ, ваше превосходительство, подалъ прошеніе въ землемѣры, вступился было дежурный чиновникъ, но губернаторъ тотчасъ остановилъ его своимъ взглядомъ.

— Когда не съ вами говорятъ, когда не васъ спрашиваютъ вы, милостивый государь, не должны лѣзть съ своимъ разговоромъ и перебивать рѣчи своего начальника. Понимаете вы меня?... Когда не съ вами говорятъ, когда не васъ спрашиваютъ.. И губернаторъ вновь повторилъ изъ слова въ слово только что произнесенную имъ фразу.

Дежурный чиновникъ замолчалъ, и губернаторъ повосилъ на него съ недовольнымъ видомъ.

Послѣ этого, онъ снова обратился къ Боброву съ вопросомъ, о томъ зачѣмъ онъ сюда явился и что ему нужно. Бобровъ объяснилъ въ двухъ словахъ, что онъ подавалъ прошеніе о пріятіи его въ землемѣры, и явился по предписанію его превосходительства.

— Я всего этого не понимаю, отозвался губернаторъ съ достоинствомъ. Извольте сейчасъ же отправиться къ правителю канцеляріи—прибавилъ онъ, обращаясь къ дежурному чиновнику,—скажите ему, что я приглашаю его доложить мнѣ о мѣщанинѣ Бобровѣ: кто онъ такой, по какому именно предписанію сюда явился и зачѣмъ явился.

Чиновникъ снова покусился было объяснить губернатору насчетъ Боброва, но его превосходительство не далъ ему и выговорить.

— Извольте, милостивый государь, дѣлать то, что вамъ приказываютъ, проговорилъ онъ довольно гнѣвнымъ уже тономъ. Докладывать въ мнѣ не можете, а извольте отправляться туда, куда васъ посылаютъ... Поняли вы меня или нѣтъ?... Поня-

ли меня, я васъ спрашиваю? повторилъ губернаторъ, смотря пристально на дежурнаго чиновника.

— Понялъ, отвѣтилъ чиновникъ.

— Что же вы будете говорить господину правителю канцеляріи? полюбопытствовалъ губернаторъ.

— Попрошу его къ вашему превосходительству.. доложить вамъ о Бобровѣ.

— Какими же словами вы ему будете говорить? вотъ я о чемъ васъ спрашиваю.

Чиновникъ немножко поморщился.

— Его превосходительство приказалъ попросить васъ.. началъ онъ съ видимымъ неудовольствіемъ.

— Приглашаетъ васъ! поправилъ губернаторъ, дѣлая сильное удареніе на словѣ.

— Приглашаетъ васъ пожаловать къ нему..

— Доложитъ ему! перебилъ губернаторъ.

— Приглашаетъ васъ доложить ему о мѣщанинѣ Бобровѣ..

— Такъ!

— Кто онъ такой и по какому предписанію..

— «И»—ненужно, перебилъ губернаторъ.

— По какому предписанію явился..

— По какому *именно* предписанію, поправилъ губернаторъ, дѣлая сильное удареніе на словѣ «именно».

— По какому именно предписанію явился..

— Сюда явился, добавилъ губернаторъ.

— Сюда явился.

— Ну?

Чиновникъ молчалъ и, вытянувшись, смотрѣлъ губернатору въ глаза.

— И зачѣмъ явился, пополнилъ губернаторъ, посмотрѣвши на чиновника съ недовольнымъ видомъ.

— И зачѣмъ явился, повторилъ чиновникъ.

— Поняли теперь что я сказалъ? спросилъ губернаторъ.

— Понялъ, ваше превосходительство, отвѣтилъ чиновникъ.

— Ну, проговорите же мнѣ все съ самаго начала.. Его превосходительство..

— Его превосходительство.

— Такъ!

— Приглашаетъ васъ доложить ему и проч. Тутъ дежурный чиновникъ проговорилъ, не торопясь, всю рацею. Губернаторъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ чиновникъ говорилъ вѣрно, слегка кливалъ головою, а тамъ, гдѣ, по его расчетамъ, слѣдовала быть запятая или точка, дѣлалъ соотвѣтственный и приличныи тактъ рукою. Какъ бы то ни было, но чиновникъ всетаки не могъ проговорить безошибочно всей рацы и при концѣ опять немножко сбился. По этому случаю губернаторъ снова заставилъ чиновника повторить всѣ слова. Чиновникъ повторилъ уже безъ всякой ошибки.

— Ну, такъ произнесъ, наконецъ, губернаторъ; извольте же сейчасъ отправляться.. А докладывать вы мнѣ не можете! добавилъ онъ вслѣдъ чиновнику, посмотрѣвши самодовольно на просителя.

Чиновникъ поспѣшно вышелъ вонъ, и за дверью обтеръ потъ съ лица.

По уходѣ чиновника, губернаторъ глубоко вздохнулъ, показывая этимъ всю тяжесть служебнаго труда.

Улучивъ благоприятную минуту, всѣ стояшіе въ приемной просители зашевелились, и каждый изъ нихъ сдѣлалъ движеніе впередъ. Иные съѣхили подать губернатору на бумагѣ, а иные намѣревались высказать на словахъ свои покоряѣйшія просьбы, но его превосходительство строгимъ взглядомъ остановилъ ихъ.

— Позвольте же, господа, дайте же мнѣ время—проговорилъ онъ нѣсколько раздражительнымъ тономъ—вы я думаю, видите, что я не докончилъ?.. Можете это понять?..

Впрочемъ, замѣтивъ одного чиновника съ рапортомъ, онъ рѣшился, въ видѣ исключенія, принять у него этотъ рапортъ; но сейчасъ же возвратилъ его не читавши, съ строгимъ замѣчаніемъ, что буквы въ титулѣ не имѣютъ достаточной величины, и почти равняются съ буквами въ текстѣ.

— На что это похоже! выразился губернаторъ, возвращая чиновнику его рапортъ; вы службы вовсе не знаете!.. И губернаторъ посмотрѣлъ на чиновника весьма строго и значительно.

— Такъ вы говорите онъ вамъ нагрубилъ? проговорилъ губернаторъ, обращаясь къ Крутицкому и указывая на Боброва.

— Онъ самый, ваше превосходительство, онъ самый, отвѣтилъ торопливо Крутицкій, подскочивъ къ губернатору.

— Я какъ бга-агодный чега-эть!..

— Позвольте, позвольте! перебилъ его губернаторъ; дайте же мнѣ сказать одно слово.

Крутицкій отсочилъ прочь, а губернаторъ подошелъ къ Боброву, устремилъ на него свой испытующій взглядъ и въ такомъ положеніи пробылъ минуты двѣ.

— Какъ ты смѣлъ грубить здѣсь моему чиновнику? началъ онъ строгимъ, но сдержаннымъ тономъ.

— Я вовсе не грубилъ, ваше превосходительство, отвѣтилъ Бобровъ; напротивъ того..

— Дай же мнѣ сказать слово, перебилъ его губернаторъ довольно гнѣвно; ты наконецъ и мнѣ начинаешь грубить?!

Николай Ивановичъ замолчалъ, а губернаторъ, смотря по его грозному взгляду, какъ видно, хотѣлъ было разразиться гнѣвомъ и, въ примѣръ другимъ, поступить съ Бобровымъ по всей строгости законовъ; но заблагоразсудилъ предварительно

произнести нѣсколько сильныхъ словъ, которыми намѣренъ былъ доказать въ самыхъ яркихъ чертахъ всю незаконность поступка Николая Ивановича и необходимость строгаго за нихъ наказанія. Для этого, онъ отошелъ отъ Боброва на средину комнаты, принялъ самую осанистую позу, и на минуту углубился въ размышленіе.

— Я прибылъ сюда не самъ собою, не по своему произволу, началъ губернаторъ дидактическимъ тономъ, съ величайшею разстановкою, и дѣлая удареніе на болѣе сильныхъ выраженіяхъ. Съ рѣчию этою обращался онъ не къ одному уже Боброву, но ко всемъ присутствующимъ. И вотъ почти десять лѣтъ управляю дѣлѣмъ губерніею, продолжалъ губернаторъ. Хотя многотрудна и не по силамъ мнѣ эта высокая должность, но при помощи Всемогущаго Бога и при милостивомъ ко мнѣ вниманіи высшаго начальства, я безъ ропота несу ее на своихъ раменахъ. Полезны или бесполезны мои посильные труды, которыми я жертвую для блага ввѣреннаго мнѣ края (губернаторъ губернію называлъ краемъ). Какъ бы то ни было, но пока я буду находиться въ этомъ домѣ (губернаторъ окинулъ глазами комнату), пока буду имѣть счастье носить на дряхлыхъ своихъ плечахъ мундиръ, присвоенный начальнику губерніи, пока не буду вызванъ изъ дѣлшняго, по истинѣ любезнаго моему сердцу, края, на другое поприще государственной службы и, наконецъ, пока не буду лишенъ званія начальника губерніи, до тѣхъ поръ никому не позволю наносить моимъ чиновникамъ какія либо обиды или грубости. Это говорю я, господа, всемъ, но въ особенности тебѣ, молодой человѣкъ, прибавилъ губернаторъ, обращаясь къ Боброву. Ты, несмотря на ничтожность своего званія, несмотря на то разстояніе, на которое удаленъ ты своимъ происхожденіемъ отъ благороднаго класса людей, осмѣлился въ домъ начальника губерніи, не въ моемъ домѣ—прибавилъ много значительно губернаторъ,—но въ домъ начальника губерніи, нанести оскорбленіе его чиновнику! Я, конечно, по ввѣренной мнѣ власти могъ бы и долженъ былъ поступить съ тобою по всей строгости законовъ: арестовать тебя, предать тюремному заключенію... но принимая во вниманіе твои лѣта, твою видимую неопытность, твою необразованность, наконецъ—грубость твоего воспитанія, я не хочу тебя сдѣлать несчастнымъ, и на первый разъ тебя извиняю, хотя и сознаю, что нарушаю этимъ законную справедливость; но съ тѣмъ однако же условіемъ, что бы ты сейчасъ же попросилъ у *нижъ* прощенія!.. И губернаторъ указалъ на Крутицкаго.

Приступая къ этой рѣчи, губернаторъ вовсе не думалъ было извинять Боброва въ его поступкѣ, напротивъ того, хотѣлъ дойти кресчедо до самыхъ строгихъ выраженій и потомъ произнести свой приговоръ; но уже такъ закончилась у него рѣчь. Ему вдругъ пришло на мысль сдѣлать переходный мотивъ отъ

гнѣва къ милости, потому что этимъ мотивомъ онъ надѣялся усилить значеніе удачно произнесенной рѣчи. При томъ же губернаторъ любилъ слышать о себѣ отзывы строгаго и милостиваго начальника. И вообще онъ рѣчами своими старался производить эффектъ и поражать слушателей какою нибудь неожиданностію. Этой методы онъ также придерживался во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ, которыя, дѣйствительно, и выходили у него иногда довольно эффектны.

Въ продолженіе этой рѣчи, Николай Ивановичъ и краснѣлъ, и блѣднѣлъ, и просто не зналъ куда дѣваться. Рѣчь эта окончателью сбита его съ толку.—«Что это такое?» подумалъ онъ почти непомня себя; «къ чему онъ рѣчь то эту сказалъ? да и въ чемъ я буду прощенія то просить, когда меня же оскорбили?»

— Я не знаю, ваше превосходительство, чѣмъ я ихъ оскорбилъ, рѣшился онъ проговорить въ слухъ.

— Грубашъ! произнесъ отрывисто губернаторъ, устремивъ на Боброва самый гнѣвный взглядъ.

— Я какъ бга-а-родный чега-экъ... снова ввязался было Крутицкій съ своими поясненіями, но губернаторъ опять остановилъ его, потому что при постороннихъ любилъ дѣйствовать самостоятельно.

Въ это время вошелъ въ приемную правитель канцеляріи. Это былъ худощавый и довольно высокой человѣкъ съ вкрадчивою чиновничіею физиономіею и съ постоянною проницескою улыбкою на тонкихъ губахъ. Учился ли онъ въ гимнастическомъ заведеніи, или уже такъ устроился самою природою, но только чрезвычайно легко и удобно изгибался по всѣмъ возможнымъ направленіямъ. Губернаторъ, оставя Боброва, тотчасъ обратился къ правителю канцеляріи и первымъ дѣломъ спросилъ его: «въ какихъ словахъ дежурный чиновникъ передалъ ему приглашеніе?» Правитель канцеляріи объяснилъ, но въ словахъ его оказалась значительная разниця противъ того, какъ диктовалъ губернаторъ дежурному чиновнику. По этому случаю потребовалось дежурному чиновнику дать съ правителемъ канцеляріи очную ставку. На очной ставкѣ дежурный хотя и очень, но всетаки сбился въ словахъ, отчего губернаторъ пришелъ въ сильное негодованіе.

— Я васъ имѣю на дурномъ счету, вы худо исполняете службу, произнесъ губернаторъ, обращаясь къ дежурному чиновнику; все это происходитъ отъ вашего нерадѣнія!..

Что бы не изгладилось это замѣчательное событіе изъ памяти его превосходительства, онъ торопливо вынулъ изъ боковаго кармана памятную книжку и записалъ въ ней имя и фамилію дежурнаго чиновника, противъ котораго сдѣлалъ отмѣтку: «нерадивъ.» А что бы не представилась эта отмѣтка голословною и какъ будто неимѣющею никакого основанія, онъ включилъ туда въ бѣгломъ очеркѣ и самое событіе,

даже внесъ нѣкоторыя, достойныя памяти фразы изъ произнесенной рѣчи. Послѣ этого, губернаторъ дозволилъ правителю канцеляріи, тутъ же въ приемной комнатѣ, доложить ему о Бобровѣ.

Что бы выслушать докладъ, губернаторъ привялъ особенную служебную осанку, оперся объ столъ рукою и, сосредоточивъ свой глубокомысленный и вмѣстѣ съ тѣмъ величаво-серіозный взоръ въ какомъ то фокусѣ, весь превратился въ вниманіе. Смотри, въ этотъ торжественный и, такъ сказать, трогательный моментъ, на особу его превосходительства можно было сейчасъ же убѣдиться, что это стоитъ великій государственный человѣкъ, и размышляеть о судьбѣ цѣлаго народа.

Правитель канцеляріи, въ свою очередь, всталъ въ самую почетительную позу, прилично откашлянулся, и принялся надлежащимъ образомъ докладывать.

Губернаторъ выслушалъ весь докладъ съ величайшимъ вниманіемъ, даже постоянно держалъ одно ухо по направленію къ докладчику.

Выслушавъ докладъ, губернаторъ, въ свою очередь, сообщилъ правителю канцеляріи въ краткихъ словахъ о необыкновенной грубости и дерзости Боброва, которую онъ нанесъ Крутичному.

Правитель канцеляріи какъ то хитро и двусмысленно улыбался и конечно не одобрилъ дѣйствій Боброва, напротивъ того подивился терпѣливой снисходительности губернатора, основанной на христіанскомъ великодушіи.

— Вы, ваше превосходительство, привыкли всегда дѣйствовать милостиво, по христіански... выразился правитель канцеляріи съ необходимою уязвкою. Но на вашемъ постѣ необходима и строгость.

Николай Ивановичъ только уже слушалъ и морщился, потому что не могъ высказать ни одного слова въ свое оправданіе.

«Какая клевета на христіанскую-то религію!» подумалъ онъ про себя. «Наши бездушные купцы и мѣщане мошенничаютъ и обманываютъ, высасываютъ у бѣднаго человѣка послѣднія крошки, а здѣсь вотъ притѣсняють его на другой манеръ, и все это дѣлають какъ будто во имя христіанской религіи!»

«Отъ заблужденія ли это они такъ дѣлають, или отъ іезуитской хитрости? Богъ знаетъ, а должно быть то и другое... Теперь понимаю я почему нѣкоторые образованные и, по природѣ, довольно честные люди порицають иногда христіанскую религію. Они не знаютъ настоящихъ ея правилъ, не читали ихъ. Они видятъ только фальшивыхъ и вредныхъ людей, именующихъ себя христіанами, видятъ только наружные признаки ихъ фальшиваго благочестія и изъ этого, должно быть, выводятъ заключеніе, что подобныя вредныя люди сдѣлались такими въ

сѣдствіе христіанскаго ученія. Если это такъ, то они крѣпко въ этомъ ошибаются! Какъ бы то ни было, но надобно согласиться съ тѣмъ, что всякій иновѣрецъ, всякій язычникъ, дѣйствительно, лучше фальшиваго христіанина, точно такъ же какъ мѣдная монета лучше фальшивой ассигнаціи, хотя бы послѣдняя казалась самаго высокаго достоинства...»

Всѣ эти разсужденія въ головѣ Николая Ивановича конечно пробѣжали мелькомъ, и онъ уже послѣ привелъ ихъ въ ту систему, въ какой они здѣсь изложены.

Между тѣмъ, губернаторъ опять обратился къ Боброву и, подстрекаемый правителемъ канцеляріи, въ самыхъ уже строгихъ выраженіяхъ сталъ доказывать ему всю важность его поступка, влекущаго за собою страшную отвѣтственность. За губернаторомъ сталъ говорить правитель канцеляріи, который подрѣшилъ справедливость губернаторскихъ словъ нѣкоторыми статьями изъ законовъ, и всетаки пришелъ, наконецъ, къ тому заключенію, что его превосходительство безгранично милосивъ, что изволилъ согласиться закончить это важное дѣло однимъ только испрошеніемъ у Крутицкаго христіанскаго прощенія.

Николай Ивановичъ молчалъ, и стоялъ какъ истуканъ, но внутри его происходила страшная борьба между разсудкомъ и рѣшимостію.

«Изобличу ихъ,» думалъ онъ, «хотя, можетъ быть, погублю себя, но двумя словами публично докажу всю ихъ гнусную фальшь...» Но тутъ же вспомнилъ онъ о своемъ семействѣ, оставленномъ въ самомъ бѣдственномъ положеніи.

«Нѣтъ нужно поберечь себя для ихъ счастья, разсуждалъ онъ далѣе. Для блага ихъ я долженъ подавить въ себѣ всѣ бушующія во мнѣ страсти. Да и что я сдѣлаю пользы этимъ своимъ ничтожнымъ подвигомъ? Кто здѣсь пойметъ его значеніе? Изчезнетъ онъ вмѣстѣ сомною, и не оставитъ по себѣ никакого слѣда и памяти въ исторіи человѣчества! Нужно беречь свои силы на болѣе достойные подвиги. Не для того данъ намъ отъ Бога разумъ, что бы съ помощію его дѣйствовать по внушенію своей страсти, а для того, что бы обуздывать эти страсти и направлять ихъ на общепользное дѣло. Если эти люди любятъ, на уничтоженіе человѣческое, если это уничтоженіе имъ правится, и быть можетъ составляетъ для нихъ нравственную потребность, то уничтожусь предъ ними до послѣдней крайности! Этимъ я ничего не потеряю. Уничтоженіе это будетъ жертвою для любимыхъ моему сердцу...» И Николай Ивановичъ, не говоря ни слова, бухнулся въ ноги сначала губернатору, а потомъ Крутицкому. Какъ бы то ни было, но это нравственное усиліе, доказывающее, такъ сказать, господство духа и воли надъ матеріею, не побѣдило однако же, внутренней его борьбы: онъ заплакалъ.

Губернаторъ посмотрѣлъ на Боброва довольно умирительно. Поступокъ этотъ ему чрезвычайно понравился, а тѣмъ болѣе когда онъ замѣтилъ у Боброва слезы.

— Мнѣ пріятно видѣть твое искреннее раскаяніе. Повинную голову мечъ не сѣчетъ, по этому случаю, я съ своей стороны тебя прощаю, то же совѣтую сдѣлать и вамъ, добавилъ онъ, обращаясь къ Крутицкому.

«Хороши вы сердцевѣдцы», подумалъ про себя Николай Ивановичъ, посмотрѣвши на стоящихъ передъ нимъ съ внутреннимъ презрѣніемъ. «Если бы не было у меня за двѣсти верстъ, двухъ, а можетъ быть теперь уже и трехъ человѣкъ, узнали бы вы тогда это мое искреннее раскаяніе!»

Крутицкій сначала было заупрямился, сказалъ, что онъ, какъ благородный человѣкъ, никогда не проститъ нанесенной ему дерзости, но губернаторъ настоялъ на томъ, что бы онъ простилъ.

— Ну, уже извините его, произнесъ губернаторъ отрывисто и какъ будто нѣсколько повелительнымъ тономъ, взглянувши на Крутицкаго довольно много значительно.

Крутицкій опять засеменялъ ногами, и конечно уже не могъ противорѣчить губернатору.

— Я во всѣхъ моихъ дѣлахъ, во всѣхъ моихъ поступкахъ придерживаюсь по возможности христіанскихъ правилъ, произнесъ губернаторъ съ особенною солидностію. Быть можетъ нѣкоторые меня за это порицаютъ; но что дѣлать, таковъ всегда мой образъ дѣйствій!

— Вы слишкомъ уже добры и снисходительны, ваше превосходительство, замѣтилъ правитель канцеляріи, прилично изгибаясь предъ губернаторомъ.

— Это уже моя слабость, моя слабость! сознался губернаторъ, посмотрѣвши, впрочемъ, самодовольно на всѣхъ присутствующихъ взоромъ, какъ бы говорившимъ, что «и слабости-то мои лучше вашихъ добродѣтелей».

Послѣ этого, губернаторъ опять обратился къ Боброву.

— Такъ ты изъявлялъ желаніе поступить на государственную службу по межевой части? спросилъ онъ его, нѣсколько смягченнымъ уже тономъ.

— Точно такъ, отвѣтилъ Бобровъ.

— Стало бытъ ты учился этому въ какомъ нибудь учебномъ заведеніи?

— Я дома учился, отвѣтилъ уклончиво Бобровъ, которому почему то чрезвычайно не нравилось объясняться насчетъ своего ученія.

— Стало бытъ, отецъ твой, или мать тамъ, я не знаю, имѣютъ хорошее состояніе, что могли нанимать для тебя домашнихъ учителей?

Николай Ивановичъ о домашнихъ учителяхъ не имѣлъ даже и понятія.

— Я самъ учился безъ учителей, отвѣтилъ онъ съ нѣкоторою робостію.

— Да вѣдь кто же нибудь тебя да училъ?

— Никто не училъ, я самъ учился, твердилъ свое Николай Ивановичъ.

— Если никто не училъ, такъ, стало быть, ты ничего и не знаешь, порѣшилъ наконецъ губернаторъ, входя въ азартъ.

— Межевую часть я знаю хорошо, проговорилъ Бобровъ съ нѣкоторою самонадѣянностію.

— Кто же тебя училъ межевой части?

— Да я самъ учился, отвѣтилъ Бобровъ съ внутреннею досадою. Изъ книгъ учился, добавилъ онъ для большаго поясненія.

— Что ты мнѣ все говоришь: «я самъ, я самъ», произнесъ губернаторъ довольно раздражительнымъ тономъ; я и безъ тебя знаю, что ты самъ учился, тебя не объ этомъ спрашиваютъ, а спрашиваютъ кто тебя училъ? а то: «я самъ, я самъ», великое дѣло ты самъ!

Во время этихъ допросовъ, Крутицкій, величаво скрестивши руки, стоялъ за губернаторомъ и смотрѣлъ на Боброва съ самою презрительною насмѣшкою, даже, по видимому, хохоталъ надъ нимъ, но только безъ всякаго звука, а обходился однѣми гримасами. Этому же, какъ видно, сочувствовали и два купчика, потому что и они часто отворачивались къ стѣнѣ и закрывали рты свои ладонями.

— Его превосходительство изволятъ спрашивать гдѣ ты учился? или у кого учился? пояснилъ правитель канцеляріи, выражая крайнее удивленіе на тупую непонятливость Боброва.

— Ну, да! подтвердилъ губернаторъ съ сердцемъ.

Николая Ивановича обхватывало то холодомъ, то жаромъ. «Должно быть они помѣшанные, либо уже больно безтолковы, что и этого то не могутъ понять», подумалъ онъ и, не зная какъ болѣе объяснять, сталъ внутренно молиться Николаю чудотворцу, что бы тотъ помогъ ему избавиться какъ нибудь отъ такой пытки. Эти молитвенныя размышленія заняли его довольно долго, такъ что губернаторъ вышелъ, наконецъ изъ терпѣнія.

— Что же ты молчишь? ничего не отвѣчаешь? спросилъ онъ его довольно грозно.

— Я уже не знаю что и отвѣчать, ваше превосходительство, произнесъ Николай Ивановичъ какимъ то плачевнымъ голосомъ; что же мнѣ дѣлать то, когда дѣйствительно я самъ учился. Винавать уже въ этомъ... простите!

— Ты, я вижу, грубиянъ! произнесъ губернаторъ самымъ рѣшительнымъ тономъ, бросивъ на Боброва пылающій взглядъ; дерзкій человѣкъ!.. вольнодумецъ!.. непочитающій властей!.. все

равно—не признающій властей! бунтовщикъ, значитъ! заключилъ губернаторъ, разгорячившись до нельзя.

Тутъ правитель канцеляріи, такъ сказать, подкрался къ губернатору и, съ величайшимъ участіемъ и въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ, посовѣтовалъ ему немножко успокоиться и поберечь свое здоровье.

— Если не для насъ, такъ для счастія здѣшняго края поберегите, ваше превосходительство, свое драгоценнѣйшее здоровье, выразился правитель канцеляріи, изогнувшись предъ губернаторомъ въ видѣ вопросительнаго знака. Стоитъ ли тревожить себя изъ за такой ничтожности!.. И правитель канцеляріи презрительно показалъ на Боброва рукою.

— Благодарю васъ!.. благодарю!.. любезнѣйшій мой Фавстъ Ивановичъ, проговорилъ губернаторъ болѣзненнымъ уже голосомъ. Далъ дѣйствительно я разстроился, чувствую сильный приливъ къ головѣ.. И его превосходительство немножко нагнулся и приложилъ руку ко лбу. Ваша правда, продолжалъ онъ, съ такими грубыми и неразвитыми людьми не стоить много говорить. Ступай вонъ! прибавилъ онъ обращаясь къ Боброву.

— Домой ѣхать прикажете, или остаться здѣсь? спросилъ робко Бобровъ.

— Я распоряжусь что съ тобою дѣлать, отвѣтилъ губернаторъ съ досадою.

— Его превосходительство изволятъ распорядиться, что же ты еще ихъ беспокоишь! присовокупилъ правитель канцеляріи.

Бобровъ поспѣшно вышелъ вонъ.

— Остановите! остановите его! снова произнесъ губернаторъ, обращаясь къ дежурному чиновнику. Узнайте его адресъ и запишите у себя. Дежурный чиновникъ опрометью бросился за Бобровымъ.

— Пойдите, пойдите! закричалъ вслѣдъ ему губернаторъ; велите ему самому написать, своею рукою. Тамъ, въ прихожей, пусть запишетъ.

Дежурный чиновникъ догналъ Боброва уже на улицѣ, воротилъ его и попросилъ написать свой адресъ.

— Что? записалъ? спросилъ губернаторъ дежурнаго чиновника, когда тотъ воротился въ пріемную.

— Записалъ, ваше превосходительство, отвѣтилъ чиновникъ.

— Своею рукою записалъ?

— Своею рукою-съ.

— Покажите мнѣ.

Дежурный чиновникъ почтительно подалъ губернатору адресъ Боброва.

Губернаторъ прочиталъ его внимательно и тутъ же замѣтилъ, что онъ написалъ не по формѣ.

— Еще говоритъ: «я знаю, я знаю», произнесъ съ насмѣшкою губернаторъ; а хорошенько не умѣетъ написать адреса. Что это такое?! И его превосходительство съ презрѣніемъ бросилъ адресъ на столъ.

— Гдѣ же онъ? спросилъ губернаторъ о Бобровѣ.

— Ушелъ на квартиру, ваше превосходительство, отвѣтилъ чиновникъ.

— Воротите его, воротите! почти закричалъ губернаторъ самымъ разстроеннымъ голосомъ. Какъ смѣли отпустить безъ моего приказанія!

Дежурный чиновникъ оиая бросился за Бобровымъ. Крутицкій пустился за нимъ же, но только не такимъ скорымъ шагомъ; а правитель канцеляріи, пріятно изогнувшись, обнаружилъ къ этому только одну свою готовность. Такъ какъ Бобровъ ушелъ уже довольно далеко, то явилась необходимость послать за нимъ жандарма.

Пока жандармъ отыскивалъ Боброва, прочіе просители, утомившіеся ожиданіемъ конца этой нескончаемой исторіи, чуть не всѣ вдругъ готовы были броситься къ губернатору съ просьбами; покрайней мѣрѣ каждый изъ нихъ старался хотя чѣмъ нибудь обратить на себя его вниманіе. Тѣ, которые были посмѣльче, начали даже подвигаться впередъ и, по мѣрѣ того, на комъ губернаторъ останавливалъ случайно свой взглядъ, стали ему рекомендоваться.

— Потомственный почетный гражданинъ!.. произнесъ купецъ, прилично наклонившись и положивъ руку на грудь.

— Честь имѣю явиться, къ вашему превосходительству... почти прошепталъ какой то чиновникъ изъ уѣзднаго суда.

— Генералъ! произнесъ хриплымъ басомъ краснощокій майоръ; тридцать лѣтъ служилъ я вѣрою и правдою Богу и великому государю...

— Помилуйте, батюшка, ваше превосходительство! провозгласила обиженная дворянка, заливаясь горькими слезами и, воспользовавшись благополучнымъ случаемъ, бухнулась губернатору въ ноги.

— Позвольте, позвольте! произнесъ съ негодованіемъ губернаторъ. Что это такое?! вы, я думаю, видите, что я еще занятъ— не кончилъ, а не кончивши одного дѣла, я не могу заниматься другимъ. Можете, я думаю, понять?

— Между тѣмъ, жандармъ догналъ Боброва на улицѣ, схватилъ его, и безъ всякихъ объясненій повелъ къ губернатору.

Только что Бобровъ появился въ дверяхъ пріемной комнаты, какъ губернаторъ встрѣтилъ его самымъ строгимъ взглядомъ.

— Я имѣю о тебѣ самое дурное мнѣніе! произнесъ онъ довольно взволнованнымъ голосомъ. Больше ничего— ступай!

Озадаченный этимъ, Бобровъ остановился и, въ недоумѣніи, смотрѣлъ на губернатора, ожидая отъ него какихъ нибудь при-

казаній. «Неужели же только за этимъ меня воротили?» подумалъ онъ.

— Что же ты еще стоишь?! чего дожидаетсяъ? крикнулъ на него губернаторъ самымъ разгнѣваннымъ голосомъ; я, наконецъ, прикажу тебя выгнать, или взять подъ арестъ!

Крутицкій сейчасъ же было бросился исполнить желаніе губернатора, но Бобровъ успѣшилъ выбѣжать вонъ изъ пріемной комнаты и, подобравши полы, далъ стрелка на искосокъ улицы, по направленію къ какому то глухому оврагу, оглядываясь, между тѣмъ, не бѣжить ли опять за нимъ жандармъ.

— Вотъ такъ пытка! принялся разсуждать Николай Ивановичъ, расположившись для отдохновенія въ глухомъ оврагѣ. Вотъ тебѣ и государственная служба!. Впрочемъ, трусить не надобно: коли уже задумалъ, такъ надобно идти впередъ — ломить всѣ препятствія, пока достанетъ силъ. Это, въ сущности, мелочь. Стыдно на ней пріостанавливаться и давать ей какое либо значеніе. Пожалуй, еще хорошо что такъ на первый разъ со мною случилось. Это мой пробный оселокъ... Только вотъ бѣда, и золото отъ частой пробы истирается, какъ бы не истереться и мнѣ прежде времени? Впрочемъ, подумаю объ этомъ послѣ, съ свѣжею головою.

По выходѣ Боброва изъ пріемной комнаты, губернаторъ остался чрезвычайной взволнованъ и гнѣвенъ.

— Ваше превосходительство сильно разстроились, замѣтилъ правитель канцеляріи самымъ вкрадчивымъ голосомъ. Замѣтно даже на лицѣ вашемъ душевное страданіе.

— Да! ваша правда, я опять чувствую сильный приливъ къ головѣ. И губернаторъ приложилъ къ головѣ обѣ уже руки, и повернулся къ дверямъ пріемной залы. Просьбы ваши отберетъ г. Крутицкій и доложитъ мнѣ, проговорилъ онъ, обращаясь къ просителямъ.

Это значило, что его превосходительство желалъ на время успокоиться отъ служебнаго труда. Замѣтивъ это, дежурный чиновникъ торопливо отдернулъ двери въ пріемную залу; Крутицкій между тѣмъ подскочилъ къ губернатору для его сопровожденія. Чувствуя себя въ сильномъ изнеможеніи, губернаторъ положилъ свою правую руку на плечо Крутицкаго. Что бы не остаться нечувствительнымъ зрителемъ этой трогательной сцены, правитель канцеляріи, извиваясь какъ пиявка и желая выразить самую почтительную вѣжливость, точно на лыжахъ подвѣхалъ къ губернатору съ другой стороны, и раблѣнно подхватилъ его подъ лѣвую руку.

— Благодарю васъ, благодарю васъ! проговорилъ губернаторъ нѣсколько болѣзненнымъ голосомъ, удаляясь торжественно во внутренніе покои. Я счастливъ вами, счастливъ вами! твердилъ онъ потомъ нѣсколько разъ съ особеннымъ чувствомъ, обращаясь то къ Крутицкому, то къ правителю канцеляріи.

Послѣ столь замѣчательнаго и довольно тревожнаго для губернатора событія, онъ до того разстроился въ своемъ здоровьѣ, что три дня не принималъ къ себѣ просителей, и, въ продолженіе этихъ дней, утромъ и вечеромъ посѣщалъ его докторъ. Надобно замѣтить, что губернаторъ съ тѣхъ поръ какъ получилъ генеральскій чинъ сталъ держать себя съ важностію и старался выполнять всѣ тонкости, которыя, по его убѣжденію, были приличны аристократическимъ особамъ. По этому случаю онъ приглашалъ къ себѣ доктора иногда вовсе не по причинѣ болѣзни, а единственно потому, что въ извѣстныя минуты находилъ весьма приличнымъ разстроиться въ своемъ здоровьѣ, и, при нѣкоторомъ усиліи, дѣйствительно иногда разстраивался. Спалъ онъ не тогда, когда, по естественнымъ законамъ природы, нужно для человѣка отдохновеніе, когда дѣйствительно его клонило ко сну, а въ извѣстныя часы, прописанные докторомъ. Есть ли у него въ эти часы желаніе спать или нѣтъ это все равно: онъ старался спать. Впрочемъ, днемъ онъ никогда не ложился въ постель, а всегда дремалъ на диванѣ въ сидячемъ положеніи. Это дѣлалъ онъ по примѣру одной какой то знаменитой особы. Однимъ словомъ, губернаторъ и въ домашней своей жизни дѣйствовалъ по формѣ, и жилъ большею частію на перекоръ естественнымъ побужденіямъ, находя, что такая жизнь для аристократа несравненно приличнѣе, а при генеральскомъ чинѣ онъ считалъ себя совершеннымъ аристократомъ. Онъ какъ будто старался разстроить свое здоровье, и дѣйствительно до этого добился, такъ что, въ послѣднее время, докторъ ходилъ къ нему уже не для одного виду, а для существенной надобности.

Губернаторша, въ свою очередь, дѣйствовала точно такимъ же образомъ: различіе было только въ нѣкоторыхъ мотивахъ, свойственныхъ женщинамъ. Послѣ напримѣръ какого нибудь откровеннаго между ними супружескаго разговора, обыкновенно на ту и на другую половину отправлялись доктора.

Въ настоящее время, губернаторъ разстроился въ своемъ здоровьѣ единственно изъ одного приличія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и потому, что слишкомъ много убѣждалъ его въ этомъ правитель канцеляріи.

Во время болѣзни губернатора, словесныя просьбы не слишкомъ важныхъ просителей выслушивалъ Крутицкій, и дѣлалъ по нимъ распоряженія отъ имени его превосходительства; письменныя же просьбы обыкновенно передавались правителю канцеляріи, который при докладѣ о нихъ обязанъ былъ дѣлать, на особыхъ лоскуткахъ бумаги, предуготовительныя резолюціи. Губернаторъ какъ дѣйствующій всегда самостоятельно, писалъ эти самыя резолюціи на подлинной просьбѣ, своею уже рукою, и кромѣ его никто не имѣлъ права дѣлать на просьбахъ какія либо отмѣтки. Хотя губернаторъ, изъ уваженія къ правителю канцеляріи, никогда не измѣнялъ его резо-

люцій, потому что слишкомъ былъ вѣжливъ и деликатенъ съ своими близкими чиновниками, но, за всѣмъ тѣмъ, не позволялъ и ему дѣлать на самыхъ просьбахъ резолюціонныя отмѣтки, а всегда писалъ ихъ самъ своею рукою. «Дружба дружбой, а служба службой, любезнѣйшій Фавстъ Ивановичъ», говорилъ при этомъ его превосходительство, принимаясь списывать заготовленную резолюцію. «Потрудитесь уже исполнить такъ, какъ я написалъ», добавлялъ онъ тономъ самостоятельнаго начальника. — «Смѣю ли, ваше превосходительство, дозволить себѣ не только сдѣлать, но даже подумать объ измѣненіи вашихъ начальническихъ распоряженій, отвѣчалъ на это правитель канцеляріи; распоряженія ваши для меня священны».... — «Я надѣюсь, надѣюсь», заключалъ обыкновенно его превосходительство.

Въ самомъ скоромъ времени прошелъ въ городѣ слухъ о разстроившемся здоровьи губернатора. «Боленъ, не принимаетъ», пронеслось сначала по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, а оттуда уже слухи распространились и по всему городу. Даже узнали объ этомъ дворники; только они догадались о болѣзни губернатора по примѣтамъ.

— Должно быть *мытые* то наше захворало — не ѣдетъ, перекинулись черезъ улицу два дворника, которые около двухъ часовъ по полудни вышли на улицу поглядѣть какъ поѣдетъ мимо ихъ губернаторъ.

— Надо быть захворало подтвердилъ другой дворникъ, почесывая у себя брюхо, безъ всякаго естественнаго къ тому позова. Уже время бы кажись, вона гдѣ солнышко-то? и дворникъ мотнулъ головою на солнышко.

— Кажись бы время, заключилъ первый дворникъ, смотря разсѣянно въ воздухъ.

По простотѣ ли своей или въ насмѣшку, но только дворники всегда именовали губернатора *мытые*. Они слышали отъ губернаторскаго кучера, что будто бы такъ называетъ его сама губернаторша. Должно быть ослышались.

Разговоръ этотъ завязался между дворниками по тому поводу, что губернаторъ каждый день, и регулярно въ два часа, проѣзжалъ мимо ихъ по этой улицѣ. И дворники всегда уже къ этому времени выходили на улицу, что бы полюбоваться, какъ мимо ихъ проѣдетъ губернаторъ. Это какъ будто бы считали они въ числѣ своихъ обязанностей.

Губернаторъ ѣздилъ тутъ въ одинъ домъ, въ которомъ квартировала какая то Лолотта. Кто она была такая? объ этомъ хорошенько никто почти не зналъ; только и знали, что губернаторъ во всѣхъ ея дѣлахъ принимаетъ живѣйшее участіе, и больше ничего. Впрочемъ, въ городѣ она жила подъ именемъ несчастной вдовы, которую мужъ оставилъ въ Россіи, а самъ уѣхалъ за границу. Какъ бы то ни было, но подробности ея жизни едва ли были кому извѣстны, потому и говорили объ ней

различно. Иные говорили, что она дѣйствительно была вдова, другіе увѣряли, что дѣвица. Полиціймейстеръ, въ свою очередь, говорилъ только, и то подъ веселый часъ, что Лолотта Павловна «того-съ» ... и больше ничего объ ней не разговаривалъ.

Лолотта пріѣхала въ городъ N... около того же времени, когда прибылъ туда губернаторъ. Ей было тогда лѣтъ около двадцати, но теперь, она уже имѣла слишкомъ тридцать лѣтъ, и за всѣмъ тѣмъ въ красотѣ своей и граціозности могла еще поспорить съ лучшими мѣстными красавицами. Жила она довольно скромно и почти никуда не выѣзжала. Барыни помѣщицы сначала пренебрегали было ею, и приходили въ какое то смущеніе отъ одного ея имени, а потомъ обошлись. Даже тѣ изъ барынь, которыхъ мужья занимали въ городѣ или въ уѣздѣ какія нибудь значительныя должности, дѣлали Лолоттѣ изрѣдка почетные визиты, на которые, однако же, Лолотта никому не отвѣчала. Въ послѣдствіи времени, Лолотта сдѣлалась почти лицомъ популярнымъ. Хотя не всѣ знали, ея личность, но всѣ знали о ея существованіи и считали ее за какую то магическую силу, отъ которой, такъ сказать, зависѣла жизнь и смерть многихъ административныхъ личностей, подвластныхъ губернатору. Впрочемъ доступъ къ Лолоттѣ былъ довольно затруднителенъ, познакомиться съ нею было не легко. Это дѣлалось не иначе какъ чрезъ посредство досужихъ барынь или чрезъ богатыхъ купцовъ, которые почему то имѣли къ ней болѣе свободный входъ. Сначала простые провинціалы смущались было такимъ положеніемъ дѣлъ, говорили, что это изъ рукъ вонъ... а потомъ, ничего, привыкли, тѣмъ болѣе, что люди цивилизованные, съ высокими взглядами на жизнь, доказали ясно и положительно, что все это идетъ въ обыкновенномъ порядкѣ вещей, что современному человѣку странно находить въ этомъ какую нибудь дурную сторону, что, наконецъ, будто бы такъ дѣлается въ Петербургѣ и въ другихъ европейскихъ столицахъ и проч. и пр. Ну, а Петербургъ съ европейскими столицами кого не озадачить? кого не приведетъ въ чувство? И дѣйствительно, когда общественные дѣятели разужнали хорошенько всю суть, то не могли и нахвалиться, что существуетъ у нихъ въ губерніи Лолотта. Добившись какъ нибудь ея покровительства, они дѣйствовали уже совершенно свободно. Для дѣловыхъ людей, служащихъ или отсыскивающихъ должностей, Лолотта была просто кладъ. Иного, напримѣръ, за его служебныя дѣла, общественное мнѣніе обречетъ чуть не къ вислицѣ, а онъ, посмотришь, черезъ годъ получить какое нибудь повышеніе, потому что нашель случай черезъ жену, либо племянницу познакомиться съ Лолоттою. Само собою разумѣется, что эти дѣловые люди не могли уже быть во враждебныхъ отношеніяхъ ни съ Крутицкимъ, ни съ правителемъ канцеляріи, потому что Лолотта ручалась только за нравственное достоинство знакома-

го ей лица, но оцѣнщиками служебныхъ способностей всетаки были Крутицкій и правитель канцеляріи. Они, не отрицая нравственныхъ достоинствъ человѣка, тѣмъ не менѣе могли подвести подъ него такую механику, что онъ или вдругъ окажется прикосновеннымъ къ уголовному дѣлу или неспособнымъ къ исполненію служебныхъ обязанностей, а особенно когда къ общему содѣйствію пригласятъ они еще совѣтника губернскаго правленія Гереева. Тутъ уже нечего и говорить: предъ этими тремя особами молчала «всяка плоть человѣча». Какъ бы то ни было, но остальная масса людей, которыхъ, какъ видно, не коснулась еще современная провинціальная цивилизация, и которые не имѣли доступа къ Долоттѣ и не были знакомы ни съ Крутицкимъ, ни съ правителемъ канцеляріи, да и не искали такого знакомства,—никакъ не могла помириться съ этими порядками и смотрѣла на нихъ съ какимъ то ропотомъ. Инне даже дозволяли себѣ выражать этотъ ропотъ въ довольно рѣзкихъ словахъ, оскорбительныхъ для мѣстной правосудной власти, за что и попадали иногда подъ присмотръ полиціи. Но тѣ, которые были по опыту и по воздержанію на языкъ, только вздыхали, а ропотъ свой таили въ глубинѣ души, и никогда его не обнаруживали, даже казались, и очень даже не рѣдко, довольными мудрыми распоряженіями начальника губерніи. Такимъ образомъ все было тихо и смирно, нигдѣ не возмущалось общественное спокойствіе. Носились, правда, слухи, что будто бы чиновники не только въ отдаленныхъ уѣздахъ губерніи, но даже въ самомъ губернскомъ городѣ дѣлаютъ страшные безпорядки и притѣсненія, что безъ милосердія обдираютъ правого и виноватаго, что нельзя найти нигдѣ никакого правосудія и пр. и проч., но слухамъ этимъ нельзя было дать никакого значенія, потому что изъ официальныхъ свѣдѣній, имѣющихся у начальника губерніи, значилось, что все въ губерніи обстоитъ благополучно. Стало быть, слухи эти такъ слухами и оставались. При томъ же, губернаторъ регулярно каждый годъ объѣзжалъ ревизовать всю губернію и самъ своимъ лицомъ зорко смотрѣлъ за всѣми безпорядками. Отъ вниманія его не ускользали ни входящія, ни исходящія регистры, ни отмѣтки по дѣламъ неисполненнымъ, ни аккуратность или неаккуратность самой записи дѣлъ во входящія регистры. Все это разсматривалъ онъ самъ и съ величайшимъ вниманіемъ. Этого мало. Въ одномъ напримѣръ уѣздномъ судѣ онъ сейчасъ же усмотрѣлъ, что неисправно сдѣланы надписи текущимъ дѣламъ, хранящимся въ шкафахъ, что причинѣ сдѣлать эти надписи на картонной оберткѣ, выкрашенной зеленою краскою. Въ примѣръ этому губернаторъ указалъ даже на другой уѣздный судъ, въ которомъ нашелъ онъ чрезвычайный во всемъ порядокъ; а потому и приказалъ этому уѣздному суду завести у себя точно такой же порядокъ дѣламъ и точно такія же обертки, для сооруженія кото-

*

рыхъ хозяйственнымъ образомъ онъ тутъ же разрѣшилъ приличную сумму изъ земскихъ сборовъ. А что бы не встрѣтилось въ послѣдствіи времени въ сооруженіи этомъ какого либо недоумѣнія, то губернаторъ приказалъ командировать въ примѣрный уѣздный судъ опытнаго чиновника, съ тѣмъ, что бы тотъ внимательно выслушалъ во всѣ подробности заведеннаго тамъ порядка и съ чего слѣдуетъ снять бы надлежащія мѣрки. Прогонныя деньги туда и обратно командированному чиновнику губернаторъ распорядился выдать не изъ земскихъ уже сборовъ, а изъ экстраординарныхъ суммъ. Стало быть, все это дѣлалось не зря, а съ глубокимъ соображеніемъ.

Опытный чиновникъ съ любовью занялся даннымъ ему порученіемъ и вполне оправдалъ довѣріе своего начальства, такъ что получилъ отъ губернатора, при обратномъ его пути, личную благодарность и удостоился представленія къ чину за отличіе. Впрочемъ и было за что. Опытный чиновникъ не только снялъ съ чего слѣдуетъ надлежащія мѣрки, но даже нарисовалъ самыя шкафы, со всѣми находящимися въ нихъ дѣлами и съ надписями на дѣлахъ (чиновникъ былъ отчасти каллиграфъ). Въ этихъ надписяхъ между прочимъ оказались слѣдующія: «Дѣло объ отысканіи дѣла. Началось въ 183го. Кончилось 184го. Примѣчаніе: дѣла не отыскано.»

Сверхъ этого, губернаторъ во многихъ земскихъ судахъ и магистратахъ, а въ особенности въ думахъ, усмотрѣлъ, что начальственные побужденія, замѣчанія и выговоры подшиваются къ дѣламъ не въ послѣдовательномъ порядкѣ; замѣтилъ также, что при сшивкѣ дѣлъ оставляются несоразмѣрно длинные концы нитокъ.

— На что это похоже?! крикнулъ однажды онъ на думскихъ членовъ, вытянувши для нихъ улики въ сшитыхъ дѣлахъ самыя длинные концы нитокъ.

Члены струсили, оторопѣли, бросились въ писарскую за ножницами, и тутъ же въ двѣ руки принялись поспѣшно обстригать неблаговидную длину нитокъ, чѣмъ нѣсколько и успокоили губернатора.

Послѣ такой аккуратности чего бы, казалось, еще требовать отъ начальника губерніи?... А недовольные люди чего то требовали говорили, что онъ невнимателенъ, занимается пустяками, а не дѣломъ, что губерніею правятъ другіе и проч. и проч. А чего, кажется, внимательнѣе то?... Если онъ не разсматривалъ, можетъ быть, ни одной жалобы и не вникалъ въ сущность ни одного дѣла, не соображалъ съ законами ни одного дѣйствія, такъ на мѣсто его разсматривалъ просьбы Крутицкій, котораго онъ бралъ съ собою на ревизію. А сущность дѣлъ, до него все и не относится. Да онъ не за тѣмъ и ѣздилъ по губерніи, что бы вникать въ сущность дѣлъ, а за тѣмъ, что бы полюбо-

ваться на вѣшнюю ихъ обстановку, себя показать и людей посмотрѣть, а главное—побудить чиновниковъ къ дѣятельности, что бы они дѣлали какъ можно больше, хотя что нибудь, только бы дѣлали, потому что достоинство чиновника оцѣнивалось въ то время не по качеству исполненныхъ имъ дѣлъ, а по количеству.

Нельзя было также упрекнуть губернатора и въ потворствѣ служащимъ чиновникамъ. Необходилась ни одна ревизія безъ того, что бы онъ сколько нибудь чиновниковъ не выгналъ вонъ изъ службы, за какіе нибудь противозаконные поступки. Не сошелся какой нибудь чиновникъ съ Крутицкимъ — вонъ! Рѣшился кто нибудь противорѣчить его превосходительству, а тѣмъ болѣе напомнить ему о законѣ — вонъ! Осмѣлился кто нибудь изъ мелкихъ служащихъ подать жалобу на противозаконныя притѣсненія начальствующаго лица — вонъ! Подобныя поступки чрезвычайно раздражали губернатора онъ смотрѣлъ на нихъ какъ на нѣчто возмутительное, нарушающее общественное спокойствіе, а о спокойствіи ввѣреннаго ему края онъ заботился болѣе всего. По этому случаю, всякую свободную мысль, всякое сужденіе, даже сужденіе о развитіи какой нибудь науки, свѣше тѣхъ предѣловъ, въ какихъ существовала она въ то давно прошедшее время, губернаторъ принималъ за либеральныя идеи, вредныя для общественного спокойствія. Такой же точно взглядъ на вещи, конечно, имѣла и вся окружающая его среда, такъ какъ съ инымъ взглядомъ невозможно было держаться на службѣ, да при томъ же безъ едиனுшія не было бы такого и порядка.

Что бы удобнѣе и совокупными силами дѣйствовать для блага народнаго, губернаторъ жилъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ со всѣми предводителями дворянства, а въ особенности съ тѣми, кто явно былъ одинаковыхъ съ нимъ мнѣній и имѣлъ одинаковый взглядъ на вещи. Изъ этихъ людей, единомысленныхъ съ нимъ, составлялись весьма порядочныя партіи, которыя имѣли самое благотворное вліяніе, при избраніи достойныхъ служебныхъ лицъ на дворянскихъ выборахъ. А что избираемые лица дѣйствительно были достойны своего назначенія — въ томъ удостовѣряли собственныя слова и рѣчи губернатора торжественно произносимыя въ дворянскомъ собраніи. Изъ этихъ рѣчей ясно было видно, что на государственную службу избирались всегда изъ достойныхъ достойнѣйшіе. Въ совокупности съ такими лицами, губернаторъ дѣйствовалъ еще энергичнѣе. Чего недоразумѣвалъ онъ, яко человѣкъ, то довершали достойные его сотрудники, какъ избранные на служеніе обществу и государству. Хотя можетъ быть и встрѣчались между ними какія нибудь противорѣчія, но если дѣло касалось общественнаго блага и его спокойствія тамъ они дѣйствовали единодушно. Въ

видахъ этихъ благъ, жалобы отъ мелкихъ сословій на притѣсненія мѣстныхъ властей, нигдѣ уже не принимались; а если и принимались, то дѣлу давался такой оборотъ, что бы непременно виновать былъ проситель. Даже такъ было настроено общественное мнѣніе, что человѣкомъ вреднымъ для общества считался не тотъ, который дѣлаетъ злоупотребленія, а тотъ который ихъ обнаруживаетъ. Если же, паче всякаго чаянія, рѣшался нѣсколько человѣкъ подать одну общую жалобу, на какое нибудь невыносимое зло, то челобитчиковъ обыкновенно забирали подъ арестъ, и предавали строгому суду, потому что общихъ жалобъ подавать было не вѣльно; такія жалобы почему то считались за бунтъ. Отъ мужиковъ выбирались иногда въ Петербургъ ходоки; но ихъ обыкновенно задерживали и усмиряли приличными мѣрами.

Такимъ образомъ, всѣ въ губерніи пользовались благодѣтельными и мирнымъ житіемъ, тишиною и спокойствіемъ, а судя по officialнымъ свѣдѣніямъ, и изобиліемъ плодовъ земныхъ. Хотя народъ въ губерніи сильно пыхтѣлъ и мурлыкалъ себѣ подъ носъ какія то недовольныя рѣчи, но всетаки блаженствовали, а потому, во всѣ нарочитыя дни, равно какъ и въ оба сочельника, которые бывають предъ Рождествомъ и передъ Крещеніемъ, съ особеннымъ усердіемъ, даже немножко азартно, отхватывалъ «многая лѣта!»

Таково было приблизительное положеніе общественныхъ дѣлъ въ то время, когда Николай Ивановичъ рѣшился поступить на государственную службу.

Мы оставили его отдыхающимъ въ оврагѣ, послѣ тѣхъ тревожныхъ ощущеній, которыя испыталъ онъ въ пріемной губернатора.

Взволнованныя мысли его рисовали въ его воображеніи самыя мрачныя картины для будущаго. Губернаторъ произвелъ на него какое то неопредѣленное впечатлѣніе. То представлялся онъ ему говорящимъ автоматомъ, котораго заводятъ въ разныхъ мѣстахъ и различными ключами, и который говоритъ и дѣйствуетъ сообразно тому, какимъ ключемъ его заводятъ; то стѣннитнымъ орудіемъ, имѣющимъ силу дѣйствовать разрушительно на всѣ предметы, на которые его наведутъ. И въ сердцѣ Николая Ивановича опять залегло сомнѣніе въ успѣхахъ будущаго его счастья. «Подъ начальствомъ такихъ людей едва ли можно будетъ сдѣлать что нибудь полезное», разсуждалъ, между прочимъ, Николай Ивановичъ. «Каковъ воть еще губернской землемѣръ: на него только теперь вся моя надежда. Впрочемъ, и то сказать, не все то плохо, что кажется намъ плохимъ въ настоящія минуты; да не испытавши плохаго едва ли можно достигнуть и хорошаго. Такъ уже видно устроилась наша жизнь, что на долю каждаго выпадаетъ и дурное, и хорошее. Правда, иные люди мало испытываютъ жизненныхъ не-

счастій; но кто знаетъ способна ли ихъ натура въ тѣмъ высокимъ наслажденіямъ, какія ощущаетъ иногда несчастный человѣкъ, хотя въ нѣкоторыя минуты своей жизни? Вѣдь постоянному человѣку нельзя судить о степени счастія и несчастія другого человѣка. Всякій смотритъ на это по своему. Иной находитъ свое счастье въ одномъ, а другой въ другомъ. Всякій измѣряетъ жизненное счастье своею собственною мѣркою. То же можно сказать и о несчастіи. Христіанскіе мученики были счастливы только тогда, когда ихъ мучили. Точно также и ученые люди, и они бываютъ счастливы только тогда, когда достигается цѣль ихъ ученыхъ изысканій, несмотря на то, что эти ученныя изысканія, быть можетъ, сопряжены съ ужаснѣйшими жизненными лишеніями. Хотя я и не ученый человѣкъ, но и у меня есть цѣль, и цѣль не маловажная. Я рѣшился наблюдать за всѣми явленіями жизни, выискать въ причины и послѣдствія этнхъ явленій и постѣ связать ихъ одною общою идеею, что бы осмыслить вопросъ всей жизни. Стало быть, я не долженъ ни передъ чѣмъ останавливаться и малодушествовать.

Настроивши себя такимъ образомъ, Николай Ивановичъ немало успокоился и принялся отъ бездѣлія обскуживать поступки губернатора и его приближенныхъ, по тому впечатлѣнію, какое они на него произвели; но изъ этихъ разсужденій ничего не вышло дѣльнаго, потому что онъ бросался отъ одной мысли къ другой, и нѣсколько пугался въ логической послѣдовательности. При томъ же, въ пустомъ оврагѣ сидѣть ему уже наскучило, тѣмъ болѣе, что время было холодное, и онъ порядочно продрогъ. По этому случаю онъ осторожно вышелъ изъ оврага, оглядѣлся кругомъ, не ищутъ ли его жандармы, и отправился потихоньку на свою квартиру, которую онъ нанялъ у дьячка, на самомъ краю города.

Проходя мимо гостиницы, онъ совсѣмъ было соблазнился зайти въ нее, потому что отъ скуки и отъ холода ему чрезвычайно хотѣлось напиться чаю; но тутъ же вспомнилъ, что ему нужны деньги на другіе, болѣе важные предметы. Въ особенности онъ хотѣлъ, тотчасъ по пріѣздѣ въ городъ, купить тетрадь, въ которую бы можно было записывать все, что придетъ въ голову. Какъ бы то ни было, но въ настоящую минуту его тянуло въ трактиръ напиться чаю, точно такъ же, какъ и въ лавку запастись тетрадію. Во всякомъ случаѣ, онъ рѣшился поступить такъ: что если пойдетъ въ трактиръ, то покупку тетради отложить до другаго болѣе удобнаго времени, а если купить тетрадь, то уже въ трактиръ не ходить.

Долго стоялъ Николай Ивановичъ передъ трактиромъ, и не зналъ на что рѣшиться. Наконецъ, рѣшился отправиться въ лавку покупать тетрадь.

Купивъ тетрадь величиною десяти въ двѣ, онъ прямо отпра-

вился на квартиру. Дорогою онъ вспомнилъ о своихъ домашнихъ, о ихъ крайней нуждѣ и о безвыходномъ положеніи, и ему опять сдѣлалось чрезвычайно грустно, опять стало заградываться въ его душу какое то отчаяніе. — «Хотя бы уже поскорѣе въ землемѣры то попасть», думалъ Николай Ивановичъ, «жалованія то бы какъ нибудь добиться, хотя не множо бы ихъ бѣдныхъ обезпечить, а самъ-оть бы какъ нибудь здѣсь пробылся.»

Съ этими мыслями онъ пришелъ на свою квартиру и для развлеченія побесѣдовалъ съ дьячкомъ-хозяиномъ, которому сообщилъ даже о своемъ намѣреніи поступить въ землемѣры. Дьячекъ сначала не повѣрилъ было этому, сказалъ, что для этого нужно знать не только синтаксисъ, но даже какія то «выспреннія» науки.

Вобровъ захотѣлъ похвастаться передъ дьячкомъ, увѣрилъ его, что онъ всѣ эти выспреннія науки знаетъ. Дьячекъ чрезвычайно этому удивился, глубокомысленно пожалъ плечами и сталъ осматривать Николая Ивановича весьма внимательно, но все какъ будто бы съ какою то недовѣрчивостію.

— Что вы на меня такъ пристально смотрите? спросилъ его съ усмѣшкою Николай Ивановичъ; не вѣрите видю мнѣ?

— Ничего, довѣряю-сь, отвѣтилъ дьячекъ немного сконфузясь и какъ то неловко пожимая плечами.

— Но вы смотрите на меня такъ недовѣрчиво, какъ будто въ чемъ то сомнѣваетесь?

— Я ничего, такъ, сомнѣнія никакого не имѣю, но только отчасти размышляю насчетъ вашихъ вѣсовъ, пояснилъ наконецъ дьячекъ; урѣзать бы, мнѣ кажется, ихъ подобаеть.

— Вѣсы? урѣжу, непременно урѣжу, произнесъ, смѣясь, Николай Ивановичъ; на одну видно колодку то съ нашимъ почтмейстеромъ вы построены, подумалъ онъ про себя.

— А съ длинными то волосами развѣ на службу поступить нельзя? спросилъ онъ вслухъ.

— Не долѣтегъ, отвѣтилъ дьячекъ самымъ утвердительнымъ тономъ.

— Да вѣдь вы вотъ служите же и съ длинными волосами?

— Мы служимъ Царю вѣковъ! произнесъ дьячекъ съ нѣкоторою торжественностію, и бросилъ на Николая Ивановича какой то мрачно-серіозный взглядъ.

Николай Ивановичъ не сталъ ему въ этомъ противорѣчить, но для развлеченія рѣшился поговорить съ нимъ лучше о другомъ предметѣ.

— Отчего вы, Матвѣй Иванычъ (такъ звали дьячка) все какъ то по книжному говорите—по славянски? спросилъ онъ дьячка.

— Духовнымъ лицамъ простонароднымъ языкомъ говорить неприлично, отвѣтилъ дьячекъ; мы не гнушаемся говорить

согласно съ книжнымъ духовнымъ краснорѣчіемъ; чему отчасти учился и я въ семинаріи, добавилъ онъ самодовольно. Высокообразованнымъ лицамъ нашего сословія прилично говорить высоковитійственнымъ слогомъ; ибо наше сословіе не простое.

— Да вѣдь, проще то говорить лучше возразилъ Бобровъ; мнѣ кажется, и краснорѣчіе то въ томъ состоитъ, что бы говорить какъ можно проще и яснѣе.

— Сомнѣваюсь! отвѣтилъ дьячекъ положительно; ожидаю отъ васъ на это логическихъ доказательствъ.

— А вы логику знаете? спросилъ его Николай Ивановичъ, желая какъ нибудь отдѣлаться отъ логическихъ доказательствъ.

— Учился въ философіи, только не кончилъ курса отвѣтилъ дьячекъ.

— Отчего же вы не кончили курса наукъ? полюбопытствовалъ Бобровъ.

Дьячекъ поднялъ какъ то плеча и, повидимому, стѣснялся отвѣтить на этотъ щекотливый для него вопросъ.

— По присущей мнѣ слабости, яко человеку, не могъ продолжать курса высшихъ наукъ, и потому добровольно пожелалъ въ причетники, произнесъ онъ наконецъ, съ какою то робостію.

Николай Ивановичъ не спрашивалъ болѣе насчетъ его слабости, а склонилъ рѣчь на другой предметъ. Поговорилъ съ нимъ на счетъ семинарскаго воспитанія.

Дьячекъ разсказалъ ему, какъ ихъ тамъ заставляли твердить наизусть уроки, какъ ставили голыми колѣнами на горюхъ и на дресву, и какіе задавали имъ уроки. Впрочемъ, разсказывалъ онъ про это весьма хладнокровно, потому что считалъ это присущимъ всякому учебному заведенію. Чуть ли не одного же съ нимъ мнѣнія былъ и Николай Ивановичъ. И онъ думалъ тогда, что высшія науки безъ побоевъ, должно быть, выучить никакъ уже невозможно?—«А почему бы, кажется, не выучиться? только бы хорошо учили», размышлялъ онъ въ недоумѣніи.

Николай Ивановичъ долго разговаривалъ еще съ дьячкомъ и о другихъ житейскихъ предметахъ, тѣмъ болѣе, что дьячекъ оказался весьма словоохотливъ и любознателенъ, даже довольно не глупъ, но только разсуждалъ всегда какъ то темновато, несмотря на то, что старался, повидимому, выражаться какъ можно точнѣе и опредѣлительнѣе. Въ этомъ отношеніи, кажется, обязанъ онъ былъ тѣмъ высшренимъ наукамъ, которыя онъ изучалъ въ семинаріи.

Дьячекъ, повидимому, чрезвычайно дивился необыкновенной глубинѣ знаній Боброва, тѣмъ болѣе, что тотъ старался нѣсколько выказаться предъ дьячкомъ, похвастать не; едь нимъ

своими знаніями и для этого коснулся даже астрономіи, объяснилъ причину годовичныхъ перемѣнъ, солнечныхъ и лунныхъ затмѣній и т. п.

— Нельзя не отдать вамъ достоюлжное, произнесъ наконецъ дьячекъ самымъ величавымъ тономъ; скажу вамъ, не обинуясь, что съ вашими знаніями вамъ и быть только въ землемѣрахъ.

— А что, это по вашему мнѣнію хорошая должность? спросилъ Бобровъ.

— Изрядная должность, и вельми прибыточна! произнесъ дьячекъ. Въ доказательство чего, тутъ же сообщилъ онъ въ краткихъ словахъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ одномъ знакомомъ ему землемѣрѣ, который пріѣхалъ изъ Москвы и «въ немногія лѣта обогатился до зѣла.»

— А каковъ здѣсь губернской землемѣръ? полюбопытствовалъ Николай Ивановичъ.

— Противъ прежнихъ лѣтъ невозможно и узнать, отвѣтили дьячекъ; утнй, уютстѣ и разширѣ, добавилъ онъ нѣсколько шутивымъ тономъ.

— Я не объ этомъ васъ спрашиваю, сказалъ, усмѣхнувшись, Николай Ивановичъ; а каковъ онъ въ нравственномъ то отношеніи, характеромъ то каковъ, т. е., каковы въ немъ душевныя то свойства? пояснилъ Николай Ивановичъ, стараясь то же выразиться съ дьячкомъ какъ можно опредѣлительнѣе.

— Психологическихъ свойствъ его не знаю, выразился дьячекъ; но касательно его характеристики, то о протоіерей Крестовоздвиженской церкви, Витійскій, отзывался о ней съ весьма изрядной стороны. Онъ съ нимъ знакомъ съ юношескихъ еще лѣтъ. Впрочемъ, съ большею достовѣрностію можетъ сообщить вамъ объ этомъ его благородіе Семень Петровичъ Звѣревъ, добавилъ дьячекъ, ибо онъ извѣстенъ ему по службѣ.

Семень Петровичъ Звѣревъ былъ его давнишній квартирантъ, и служилъ въ губернскомъ правленіи писцомъ по железовому столу; по этому случаю имѣлъ весьма частыя столеновенія съ губернскимъ землемѣромъ.

Николай Ивановичъ чрезвычайно былъ радъ такому случаю и потому попросилъ дьячка познакомить его съ своимъ квартирантомъ. Но такъ какъ было уже довольно поздно, то знакомство свое отложилъ онъ до слѣдующаго утра, а самъ отправился въ назначенную ему каморку, заперся въ ней и сталъ соображать впечатлѣнія минувшаго дня, для того, что бы записать ихъ въ свою тетрадь. Главнымъ образомъ старался онъ уяснить себѣ дѣйствія губернатора, его образъ мыслей и взглядъ на предметы. Вотъ что записалъ онъ на первый разъ въ свою тетрадь.

«Говорятъ, что всѣ эти высокіе начальники слишкомъ самолюбивы и честолюбивы; мнѣ кажется, напротивъ. Человѣкъ мало-мальски съ самолюбіемъ сталъ ли бы, кажется, подбирать къ себѣ такихъ людей, какъ напримѣръ этотъ Крутицкій или правитель канцеляріи?»

«Вѣдь по приближеннымъ то людямъ мы и о начальникѣ самомъ судимъ. Одинъ древній философъ сказалъ: «уважи, говоритъ, мнѣ своихъ друзей, и я скажу кто ты.» Хотя мы этого теперь и не говоримъ, но дѣйствуемъ точно также. Вѣдь эти, люди только унижаютъ своего начальника. Надобно быть уже до пошлости не самолюбивымъ, что бы подчинить себя вліянію подобныхъ личностей. Неужели же губернаторъ не понимаетъ этой наглой и оскорбительной лести, которую выказывалъ ему правитель канцеляріи? Или неужели этотъ Крутицкій съ такими выходами, съ такою пошлою раздражительностію кажется ему достойнымъ человѣкомъ? Этого не можетъ быть. Вѣдь уже со стороны совѣстно было глядѣть на всѣ эти пошлости: какъ же ему то этого не замѣтить? Богъ знаетъ что это такое? необъяснить... Развѣ, можетъ быть, эти господа слишкомъ полезны на службѣ?.. такъ и съ этимъ нельзя согласиться. Люди, способные срамить передъ публикою своего начальника такою наглою лестію, такою лакейскою услужливостію, способные къ такой глупой раздражительности, къ такимъ выходамъ, какія дозволялъ себѣ дѣлать Крутицкій, способные, наконецъ, фальшиво настроить своего начальника и выставить его предъ публикою какъ дурака, безсознательно защищающаго несправедливую сторону, такіе люди, по моему мнѣнію, не могутъ быть полезными для государственной службы... Но что же послѣ этого самъ губернаторъ? какаѣ для него польза играть такую жалкую и смѣшную роль, т. е., въ виду всѣхъ и безъ всякаго разсужденія, а только въ угодность какому нибудь Крутицкому, раздражаться и защищать явную несправедливость? Вѣдь онъ не можетъ же того думать, что поступилъ со мною весьма разсудительно и справедливо? Вѣдь онъ видитъ, что не далъ мнѣ выговорить въ свое оправданіе ни одного слова: какъ же тутъ о справедливости думать? Немного надобно смысла понять, что человѣкъ, которому не позволяютъ говорить и оправдываться, всегда можетъ показаться виноватымъ. Здѣсь уже несправедливость явная, сознательная, а не ошпбочная. Что же ему за выгода поступать такимъ образомъ? что онъ черезъ это себѣ выигрываетъ? или что, по крайней мѣрѣ, думаетъ о себѣ въ то время, когда дѣлаетъ какую нибудь несправедливость, въ чью бы то ни было пользу? вотъ что желательно бы было узнать! Неужели же онъ расчитываетъ приобрести себѣ за это искреннее отъ всѣхъ уваженіе?.. Этого, кажется, не можетъ быть. Извѣстно всѣмъ и каждому, что несправедливаго человѣка всѣ презираютъ, даже и тотъ, въ

чью пользу онъ дѣлаетъ эту несправедливость. Подлецъ съ подлецомъ хотя и могутъ, повидимому, быть дружны, но никогда не пытаются къ себѣ взаимнаго уваженія. Это уже я въ жизни замѣтилъ. Если губернаторъ дѣлаетъ это потому, что не дорожитъ своею честію, не ищетъ себѣ уваженія, такъ гдѣ же тутъ благородное то самолюбіе, которое ему навязываютъ?

«Тутъ просто ничего не поймешь, не добьешься никакого смысла... Развѣ, можетъ быть, эти высокіе люди считаютъ насъ за ничто, думаютъ, что мы чрезвычайно глупы и безтолковы?.. такъ на какомъ же основаніи они безтолковость тавою намъ навязываютъ? Вѣдь они съ нами никогда не говорятъ, никогда насъ не выслушиваютъ, о собственныхъ нашихъ сужденіяхъ, о нашемъ взглядѣ на вещи и на людей, кажется, не имѣютъ и понятія; такъ какъ же они объ умѣ нашемъ могутъ судить? Развѣ, можетъ быть, они судятъ о насъ по нашей наружной неуклюжести, по нашей неслаженной и шероховатой рѣчи? такъ это несправедливо! Слоны тоже не больно уклюжь и красногласень, а умнѣе, говорятъ, всѣхъ животныхъ. По наружной неуклюжести судить нельзя, а особенно о русскомъ человѣкѣ. Простые деревенскіе мужики нерѣдко притворяются дураками нарочно; да и вообще они мало высказываются безъ особенной надобности. Это дѣлаютъ они въ томъ соображеніи, что дуракомъ легче жить на свѣтѣ, что «знайка бѣжитъ, а незнайка лежитъ», и что подъ фирмою дурака можно иногда и поозарничать. По этому самому поводу и сказки такія сложились въ народѣ, что если у крестьянина два сына умныхъ, а третій дуракъ, такъ сыну дураку непременно дается умная роль...»

Много еще Николай Ивановичъ въ этотъ вечеръ написалъ въ своей тетради, конечно, съ поправками; но отъ непривычки писать удалился уже отъ своего предмета въ сторону. Мы написали это изъ подлинной тетради Боброва для того, что бы познакомить читателей въ какомъ родѣ простые русскіе люди записываютъ иногда свои впечатлѣнія. Мы въ свое время заглянемъ еще въ эту тетрадь, потому что въ ней много есть любопытнаго и прямо относящагося до настоящаго разсказа.

Николай Ивановичъ, какъ видно, добивался найти смыслъ въ губернаторскихъ дѣйствіяхъ, но въ результатѣ его философскихъ сужденій не вышло ничего положительнаго. Главное, что онъ въ первый разъ былъ въ пріемной начальника губерніи, въ первый разъ удостоился видѣть генерала съ своими приближенными, исполняющаго нѣкоторымъ образомъ свое служебное дѣло, и потому предъ нимъ, какъ совершенно незнакомымъ съ образомъ дѣйствій подобныхъ служебныхъ личностей, съ ихъ взглядами на вещи, чрезвычайно рельефно вы-

разлились всё особенности служебной сферы. Онъ полагалъ, что лица, занимающія такія высокія мѣста дѣйствуютъ всегда съ глубокимъ соображеніемъ, напрасно не скажутъ слова, и насквозь видятъ человѣка; но въ губернаторѣ онъ этого какъ то не замѣтилъ. Воспитавшись въ углу между мужиками и не имѣя понятія ни о служебной жизни, ни о жизни людей, принадлежащихъ къ высшему классу, онъ не зналъ еще какъ можетъ изуродовать человѣка бездушная формалистичная дисциплина; не зналъ, что не малая часть людей, принадлежащихъ въ то время къ высшему сословію, и не выдавшихъ въ жизни своей ничего, кромѣ лести и тагъ называемыхъ виѣшнихъ приличій, которыми они опутали себя какъ тенетами, лишены уже способности оцѣнивать внутреннія достоинства человѣка, не зналъ, что такіе люди до того уже привыкли къ этимъ виѣшнимъ приличіямъ, къ этой лести, что на нихъ только и сосредоточиваютъ все свое вниманіе, по нимъ однимъ и оцѣниваютъ человѣческія достоинства. По этому случаю, человѣкъ не фальшивый и не льстивый представляется имъ грубіаномъ, дуракомъ; незнакомый съ тонкими мотивами свѣтскихъ приличій—необразованнымъ невѣждою. Сверхъ всего этого, Николай Ивановичъ не имѣлъ еще надлежащаго понятія о деспотизмѣ, который въ то время господствовалъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. Ему и въ голову не приходило, что человѣкъ-деспотъ часто бываетъ въ какомъ то самозабвеніи, и въ это время не считаетъ уже себя обязаннымъ дѣйствовать разсуждая, напротивъ того, какъ будто гордится тѣмъ, что изъ среды многихъ, его окружающихъ, онъ одинъ только можетъ неподчиняться тѣмъ правиламъ, какія установились въ общественномъ пониманіи, что онъ одинъ считаетъ себя выше этихъ правилъ и потому нарушаетъ ихъ когда ему вздумается, и нарушаетъ даже съ нѣкоторымъ достоинствомъ. А губернаторъ былъ отчасти деспотъ.

Всего этого, какъ непринявшаго къ сферѣ жизни простаго человѣка, Николай Ивановичъ въ соображеніе не принималъ, и потому въ губернаторскихъ дѣйствіяхъ не нашелъ никакого смысла.

«Дѣлать нечего, подумалъ онъ, запишу это какъ фактъ, который, можетъ быть, осмыслится въ послѣдствіи времени.»

На другой день утромъ, дьячекъ познакомилъ Николая Ивановича съ своимъ квартирантомъ Звѣревымъ, которому сообщилъ предварительно на счетъ Боброва, что онъ весьма сладкословесенъ.

По словамъ Звѣрева, губернской землемѣръ оказался добрейшимъ и чрезвычайно простымъ человѣкомъ. Звѣревъ прибавилъ, что тагъ отзываются объ немъ всѣ помѣщики и землемѣры кромѣ только одного Петрова, который, несмотря на всѣ благодѣянія, какія губернской землемѣръ ему дѣлаетъ, отзы-

ваеть иногда его безчинными словами, а за что? этого никогда не высказываетъ.

— Голословность! произнесъ при этомъ дьячекъ.

— Впрочемъ, Петровъ этотъ пьющій человекъ, добавилъ Звѣревъ; на него никто не обращаетъ вниманія.

— Пий вино не умудрится, замѣтилъ дьячекъ.

Въ заключеніе всего, Звѣревъ посоветовалъ Боброву сейчасъ же отправиться къ губернскому землемѣру и попросить его ходатайства.

— Онъ васъ научить, что вамъ дѣлать, да и самъ еще похлопочетъ за васъ. Вы увидите, что это за человекъ, добавилъ Звѣревъ.

Николай Ивановичъ сейчасъ же отправился въ церковь, отстоялъ тамъ обѣдню, а послѣ отиѣлъ молебенъ. Николаю чудотворцу, и прямо изъ церкви отправился къ губернскому землемѣру.

На Большой Трактовой улицѣ губернскаго города N.... стоитъ деревянный домикъ довольно приличной наружности, выкрашенный темною охрою. На улицѣ онъ всего на всего имѣеть только пять оконъ, но зато порядочно протянулся во дворъ, даже загнулся тамъ глаголемъ. При домикѣ имѣются всѣ домашнія службы какъ то: конюшни, сарай, погреба и пр. Какъ домъ, такъ и службы, выстроены самымъ хозяйственнымъ образомъ, такъ что сейчасъ же можно замѣтить, что за постройкою его наблюдалъ не подрядчикъ какой нибудь, или не чиновникъ, командированный изъ стропельной комиссіи, а самъ хозяинъ. И дѣйствительно, домикъ этотъ принадлежалъ губернскому землемѣру Мардохею Петровичу Рогоулькину, который выстроилъ его подъ личнымъ своимъ наблюденіемъ, на свои трудовыя деньги, сбереженные въ продолженіи многолѣтней своей службы.

Утромъ того самаго дня, когда Бобровъ собирался къ нему на аудіенцію, Мардохей Петровичъ ворочался на дворѣ, и самъ своими руками укладывалъ въ сажени только что привезенныя къ нему дрова.

Это былъ пузатенькій старичекъ небольшого роста съ проткою и простодушною физиономіею. Одѣтъ онъ былъ обыкновенно въ халатъ на бѣльчьемъ мѣху. На свѣжемъ, румяномъ и кушидообразномъ его лицѣ выражалось какое то невозмутимое душевное спокойствіе. Не горюясь, даже съ нѣкоторою изящностію, елалъ онъ полѣно къ полѣну и по временамъ приглядывалъ полѣнницу сажению. Въ губахъ у него была коротенькая сигарочка не слишкомъ высокой цѣны, по которую онъ докуривалъ съ видимымъ наслажденіемъ. Для развлеченія въ

этомъ мирномъ занятіи, Мардохей Петровичъ мурлыкалъ себѣ подъ носъ тоненькимъ голоскомъ старинную канту

Горе мнѣ грѣшнику сузу,

Горе благихъ дѣлъ неимущу.

Бобровъ засталъ его при этомъ самомъ занятіи.

По описанію дьячка онъ сейчасъ же узналъ, что это и есть самъ Мардохей Петровичъ. Не полагая, однако же, встрѣтить его на дворѣ, Бобровъ немного растерялся и оторопѣлъ, но уже думать и охорашиваться было некогда. Робко и несмѣло подошелъ онъ къ Мардохею Петровичу, снялъ шапку и хотѣлъ было рекомендоваться.

— Что тебѣ, любезный, надобно? спросилъ его Мардохей Петровичъ, не прекращая своихъ занятій и тихонько покуривая сигарку.

— Гавриловскій мѣщанинъ Бобровъ, проговорилъ кое какъ Николай Ивановичъ.

— Я подалъ прошеніе въ землемѣры....

— А!.. знаю, знаю! перебилъ его Рогульбинъ и отвѣтилъ ему легонькимъ поклономъ, который, впрочемъ, скорѣе относился къ полѣнницѣ, чѣмъ къ Боброву; но уже Бобровъ за этимъ не погнался.

— Слава Богу, что вы пріѣхали! произнесъ онъ съ видимымъ участіемъ; запомнотвалъ ваше имя и отчество...

«Вотъ тебѣ разъ», подумалъ про себя Николай Ивановичъ, изумленный такимъ неожиданнымъ приступомъ, «когда же ты меня зналъ то?»

— Запомнотвалъ ваше имя и отчество, снова повторилъ Мардохей Петровичъ, смотря на Боброва.

Николай Ивановичъ сказалъ свое имя.

— Слава Богу, Николай Ивановичъ, что вы пріѣхали, заговорилъ Рогульбинъ; то ли дѣло какъ самъ-то на лицо: и попросить можно, и навѣдаться, и все другое; ну, а заглазное дѣло, сами знаете, со стороны поддерживать не стануть. А просителей то, вонъ, ровно собакъ, на одну вагансію чуть не пять кандидатовъ. Здѣсь уже и то губернаторъ хотѣлъ было отказать вамъ, за неимѣніемъ вакансіи, да я упротсилъ: «намъ, моль, хорошіе люди нужны, ваше превосходительство, отказать, моль, успѣемъ недостойному человѣку, а это, моль, такой человѣкъ...» уже я тамъ сказалъ что надо; ну, губернаторъ и ничего согласился, а то бы отказать, ей Богу право, отказать бы! Вѣдь ему что? сытый голоднаго не разумѣетъ.

— Благодарю васъ покорно, произнесъ Николай Ивановичъ съ чувствомъ и съ нѣкоторымъ изумленіемъ. Вѣдь вы меня тоже не знаете; но я постараюсь заслужить и оправдать такое ваше ко мнѣ вниманіе.

— Слухомъ земля полнится, государь мой Николай Ивано-

вичъ, слухомъ земля полнится, произнесъ Рогулькинь шутливо-добродушнымъ тономъ, похлопавъ Николая Ивановича по плечу. Зря тоже не стану хлопотать за неизвѣстнаго человѣка; а какъ поузналъ, да поразвѣдалъ, такъ и хлопочу. «Другъ по дружбѣ, а Богъ у всѣхъ.»

Рогулькинь любилъ влючать въ свой разговоръ простонародныя пословицы.

Николай Ивановичъ чрезвычайно удивился какъ и отъ кого могъ узнать объ немъ губернской землемѣрь; а между тѣмъ, тайное самолюбіе нашептывало ему, что объ немъ, должно быть, далеко уже носятся слухи.

— Родитель-отъ вапъ Иванъ... запамятовалъ его отчество, снова заговорилъ Рогулькинь.

— Порфирычъ, подсказалъ Николай Ивановичъ.

— Да! да! Иванъ Порфирычъ, подхватилъ Рогулькинь, смотря внимательно на Николая Ивановича и не высказываясь насчетъ его родителя.

— Да вѣдь уже родитель мой давно померъ, счелъ за лучшее пояснить Николай Ивановичъ.

— Знаю, знаю, что померъ, проговорилъ Рогулькинь утвердительномъ тономъ.

— А сколько уже будетъ лѣтъ, какъ онъ померъ? полюбопытствовалъ Рогулькинь.

— Да больше десяти лѣтъ.

— Вотъ какъ время то летитъ! а? давно ли, кажется, мы съ нимъ хлѣбъ то соль вели, а? И Мардохей Петровичъ глубоко вздохнулъ.

— Развѣ вы были съ нимъ знакомы? полюбопытствовалъ Николай Ивановичъ.

— Да этакого съ пріятеля теперь у меня кажется и не осталось, произнесъ съ чувствомъ Рогулькинь; бывало мимо меня ни пройдетъ, ни пройдетъ: хотя на минуточку да завернеть. Уже нечего сказать, хотя и не часто съ нимъ встрѣчались, а вели пріятную хлѣбъ соль. Шутникъ былъ такой, право! Придетъ, бывало, ко мнѣ... «выкушай, говоритъ, Мардохей Петровичъ! просто, говоритъ, петля! денегъ говоритъ, нужно до зарѣзу!»—«Сколько, моль, тебѣ нужно, Иванъ Порфирычъ, большого, моль, не найду, а немного добуду.»—«Давай, говоритъ больше!...» такой, право, шутникъ, былъ, покойный, не тѣмъ его Богъ помани; дай ему, Господи, царство небесное!.. Ну, бывало, хотя перехватить у кого нибудь рубликовъ сотягу, а уже удовлетворить добраго человѣка. Еще и теперь немного осталось за покойнымъ... да уже Богъ съ нимъ! мертваго лихомъ не поминать, къ слову только пришлось... И Мардохей Петровичъ добродушно махнулъ рукою.

Бобровъ почувствовалъ себя какъ то неловко.

— Если долженъ, такъ я постараюсь заплатить вамъ, Мар-

дохей Петровичъ, проговорилъ онъ; родителя своего въ долгу не оставлю...

— Вѣдь я не къ этому говорю, Николай Ивановичъ, вотъ ей Богу не къ этому! а такъ къ слову только пришлось. Богъ дастъ сочтемся у попа на бревнахъ, добавилъ Рогулькинъ шумливо, похлонавъ Боброва по плечу.

Послѣ этого Мардохей Петровичъ поговорилъ съ Николаемъ Ивановичемъ о другихъ постороннихъ предметахъ; сообщилъ даже по секрету съ дружескою довѣрчивостію нѣкоторыя свѣдѣнія о губернаторѣ и о губернскихъ властяхъ, о которыхъ отнесся не слишкомъ съ похвальной стороны; высказалъ нѣсколько добрыхъ предостерегательныхъ совѣтовъ и проч.

Бобровъ чрезвычайно удивился такому неожиданному къ себѣ довѣрью со стороны губернскаго землемѣра и искреннему его доброжелательству. Онъ видѣлъ ясно, что Мардохей Петровичъ нисколько его не обманываетъ, ни сколько не хитритъ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, онъ не сталъ бы говорить противъ своихъ властей, и не высказалъ бы такихъ предостереженій, съ которыми вполне соглашался и Николай Ивановичъ. «Хитрый человекъ всей правды не выскажетъ и предостерегать не станетъ» подумалъ онъ про себя, а Мардохей Петровичъ насчетъ губернатора сказалъ совершенную правду.

Николай Ивановичъ, въ свою очередь, сообщилъ Рогулькину, что онъ вчерашняго числа являлся къ губернатору и что не добился отъ него никакого толку.

Оказалось, что Рогулькинъ отъ кого то уже объ этомъ слышалъ, и чрезвычайно соболѣзнуеть, что губернаторъ поступилъ съ нимъ несправедливо.

— Слабый человекъ, просто слабый человекъ! замѣтилъ онъ между прочимъ; вѣдь правитель канцеляріи вотъ что съ нимъ дѣлаетъ... и Мардохей Петровичъ взялъ себя за носъ и повелъ немножко въ сторону. Этимъ доказалъ онъ наглядно, что правитель канцеляріи водить губернатора за носъ.

Мардохей Петровичъ любилъ объясняться самымъ опредѣлительнѣйшимъ образомъ и какъ то умѣлъ олицетворять идеи.

Увѣрившись въ искренности Рогулькина, Николай Ивановичъ полюбопытствовалъ узнать его мнѣніе насчетъ нравственныхъ достоинствъ правителя канцеляріи и Крутицкаго. Мардохей Петровичъ махнулъ только рукою.

— Мошенники! какъ есть мошенники! произнесъ онъ утвердительно. Другому бы человекъу я этого не сказать, а съ вами можно говорить, знаю, что вы сору изъ избы не вынесете. Впрочемъ, для меня все равно, не больно я ихъ боюсь.

— Я, признаться, и самъ такъ же объ нихъ подумалъ, открылся въ свою очередь Николай Ивановичъ.

— Что уже тутъ думать то Николай Ивановичъ? сразу видно

какіе это люди, самой низкой совѣсти: деруть съ живаго и съ мертваго; вотъ чего даромъ то не сдѣлаютъ!... и Мардохей Петровичъ снялъ съ полѣна незамѣтную порошинку и переложилъ ее на другое полѣно. Я вѣдь вотъ тоже служу тридцать пять лѣтъ Богу и великому государю, да не покорыстовался ни отъ кого вотъ чѣмъ!... Тутъ Мардохей Петровичъ для разнообразія показалъ Боброву самую маленькую частичку ноготка. Да и въ губернскомъ правленіи тоже безъ денегъ то носу не показывай. Вотъ хотя бы теперь и ваше дѣло, того и гледи, что придерутся къ чемунибудь да откажутъ. Это уже такіе люди: добра человѣку дѣлать не любить.

Николай Ивановичъ вполнѣ соглашался съ Рогоулькинѣмъ. Хотя не замѣчалъ онъ въ немъ особенныхъ, высокихъ дарований, но ему понравился чрезвычайная его простота и откровенность. Что же касается до губернскихъ властей, то они сильно его озадачили; но и тутъ Мардохей Петровичъ успокоилъ его. Онъ вызвался самъ похлопотать за него у тѣхъ лицъ, отъ которыхъ будетъ зависѣть представленіе его въ землемѣры, пояснивъ, однако же, со всею откровенностію, что главнымъ образомъ это будетъ зависѣть отъ его Рогоулькина, что онъ долженъ будетъ сдѣлать ему надлежащее испытаніе, въ присутствіи всѣхъ землемѣровъ. При этомъ Рогоулькинъ прибавилъ съ видимою грустію, что по программѣ, недавно присланной отъ начальства, землемѣру требуется знать всего шестьдесятъ наукъ и пр. Это неожиданное извѣстіе о шестидесяти наукахъ такъ и ошеломило Николая Ивановича.

— Неужели шестьдесятъ наукъ? произнесъ онъ съ какимъ то отчаяніемъ.

— Шестьдесятъ, ровно шестьдесятъ, подтвердилъ Мардохей Петровичъ.

Николай Ивановичъ видимо упалъ духомъ. Мгновенно исчезли у него въ головѣ всѣ планы. Онъ почувствовалъ себя какимъ то ничтожнымъ и бесполезнымъ человѣкомъ въ мірѣ, проклиналъ свою самонадѣянность и необдуманную рѣшимость поступить въ землемѣры.

— Да какія же тутъ науки то? спросилъ онъ съ нѣкоторою уже робостію.

— Всякія, отвѣтилъ Мардохей Петровичъ лаконически.

Николай Ивановичъ посмотрѣлъ на него съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, и незамѣтно пожалъ плечами. «Если это правда, такъ нечего мнѣ тутъ и соваться съ моимъ ничтожнымъ знаніемъ. Пропашій я человѣкъ!» подумалъ онъ про себя. Какъ бы то ни было, но неопредѣленный и лаконическій отвѣтъ Рогоулькина насчетъ шестидесяти наукъ возбудилъ въ немъ страшное любопытство посмотреть на программу. Мардохей Петровичъ вызвался не только показать эту программу, но даже подарить ему одинъ экземпляръ, потому что программа была

прислана въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Для этого пригласилъ онъ Боброва въ комнаты.

— Что это за науки такія? разсуждалъ въ слухъ Николай Ивановичъ, ожидая съ нетерпѣніемъ программу.

— Всякія, просто всякія, снова повторилъ Мардохей Петровичъ, отсккивая въ своихъ бумагахъ печатную программу.

«Затвердилъ одно: всякія да всякія», подумалъ про себя Николай Ивановичъ съ нѣкоторою уже досадою.

— Вотъ она, на силу нашель, сказалъ Рогулькинъ, подавая Боброву программу.

Бобровъ бѣгло пробѣжалъ первый листъ, поворачалъ другіе листы—и на сердцѣ у него сдѣлалось легче.

— Здѣсь вся программа? спросилъ онъ Мардохея Петровича, или еще, можетъ быть, есть прибавленіе?

— Вся, отвѣтилъ добродушно Мардохей Петровичъ; вотъ оно! прибавилъ онъ для поясненія, указывая Николаю Ивановичу на число 60.

Николай Ивановичъ внутренно усмѣхнулся, но изъ вѣжливости не сдѣлалъ никакого возраженія, и даже не подалъ никакого вида—подумалъ только, что Мардохей Петровичъ простоватъ уже черезъ чуръ.

Число 60 означало полныя баллы изъ всѣхъ наукъ, какія необходимы для землемѣра; но Мардохей Петровичъ, по крайней своей простотѣ, счелъ это за самыя науки.

— Кажется шестьдесятъ? переспросилъ Мардохей Петровичъ, какъ бы для провѣрки самого себя.

— Точно шестьдесятъ, подтвердилъ Николай Ивановичъ, почему то не желая разубѣждать Рогулькина въ его нелѣпомъ мнѣніи. Впрочемъ, на эту программу отвѣтить еще можно, прибавилъ онъ съ увѣренностію; только немножко приготовитья.

— Какъ не можно—можно, подтвердилъ въ свою очередь Мардохей Петровичъ. Хорошій человекъ на все отвѣтитъ, прибавилъ онъ въ видахъ большаго поясненія.

Бобровъ однако же не понялъ того онъ подразумѣваетъ тутъ подъ именемъ хорошаго человека.

Закончивъ свои сужденія о программѣ, Мардохей Петровичъ пожелалъ показать Боброву расположеніе своего дома. Онъ провелъ его не только по комнатамъ но сводилъ его во всѣ чуланы, въ кухню, даже на чердакъ и показалъ какимъ образомъ развѣшивается тамъ бѣлье. Потомъ познакомилъ Боброва съ своими пѣвчими птицами, до которыхъ онъ былъ страстный охотникъ, и которыя развѣшаны были въ клѣткахъ по всѣмъ комнатамъ.

Мардохей Петровичъ разсказалъ даже какъ которая птичка называется, напр. чижикъ—пѣтушокъ, канареечка—лисица, соловей—куличикъ, дроздикъ—монашекъ и пр. О дроздикѣ-

монашкѣ отнесся онъ съ особенною похвалою: отрекомендовалъ его какъ птицу нравственную, умѣющую пѣть духовныя пѣсни. Дроздъ сидѣлъ въ огромнѣйшей клѣткѣ, оклеенной бумагою и почему то поставленной на шкафъ въ темное мѣсто. Мардохей Петровичъ пригласилъ Боброва подождать немного и послушать дрозда, когда тотъ примется пѣть духовныя пѣсни. Для этого посоветовалъ онъ Боброву встать въ уголокъ и не шевелиться. Хотя Николай Ивановичъ неслишкомъ былъ расположенъ слушать у дрозда духовныя пѣсни, но, не желая оскорбить Рогулькина своимъ отказомъ, какъ бы съ удовольствіемъ на это согласился, и всталъ въ назначенный ему уголокъ. Самъ Мардохей Петровичъ всталъ въ другой уголокъ, и тоже притаился. Устремивъ какой то влюбленный взглядъ на клѣтку, въ которой сидѣлъ дроздъ, Мардохей Петровичъ принялся немножечко посвистывать, т. е. вызывать дрозда къ пѣнію духовныхъ пѣсень. Дроздъ упорно молчалъ и не давалъ никакого отвѣта. Хорошихъ полчаса бился Мардохей Петровичъ со своимъ упрямымъ дроздомъ, разнообразилъ свой свистъ на всѣ манеры, но дроздъ, какъ было слышно, только пошевеливался въ своей клѣткѣ и изрѣдка чистилъ нозь, вѣроятно приготавлиаясь къ пѣнію духовныхъ пѣсень, но голоса не издавалъ никакого. Мардохей Петровичъ видимо досадовалъ на непослушнаго дрозда, что можно было замѣтить по румянцу, выступившему на его лицѣ. По этому случаю, на мѣсто свиста, который, кажется, утомилъ его, онъ принялся довольно пріятно тилилипать своимъ тоненькимъ голоскомъ: «ти-ли-ли, ти-ло-лю, ту-ту-ту». Понравились ли дрозду эти тилиливанья, или уже такъ пришло ему на умъ, но только и онъ, въ свою очередь, издалъ какіе то глухіе и отрывистые звуки. Мардохей Петровичъ просвѣтлѣлъ. Покосившись съ улыбкою на Боброва и моргнувъ ему глазами на дрозда, онъ тутъ же превратилъ свое тилиливанье въ пѣніе тропаря рождественскому празднику. Бобровъ смотрѣлъ на все это съ видимымъ недоумѣніемъ и не зналъ уже что и подумать о Рогулькинѣ, но тотъ сейчасъ же объяснилъ всю суть. По словамъ Мардохея Петровича, дроздъ запѣлъ будто бы именно тотъ самый тропарь, который подхватилъ Мардохей Петровичъ; но только тотъ не сталъ продолжать его, потому, будто бы, что постыдился посторонняго человѣка.

— Умница! просто умница! заключилъ Мардохей Петровичъ на счетъ дрозда, отходя отъ его клѣтки. Одинъ, вотъ, поетъ съ пріятностію; ну, а при постороннихъ людяхъ—совѣстится.

— Да вѣдь онъ, я думаю, ничего не понимаетъ, замѣтилъ было Николай Ивановичъ.

— Все понимаетъ, произнесъ энергично Мардохей Петровичъ, вотъ до чего понимаетъ, прибавилъ онъ, показавъ Боброву самую маленькую частичку своего ноготка.

Увѣренность, съ которою отзывался Мардохей Петровичъ о

нравственныхъ достоинствахъ своего дрозда, вызвала у Николая Ивановича невольную улыбку.—«Это уже чортъ знаетъ что такое», подумалъ онъ про себя «можно быть простоватымъ, но не до такой степени.»

Покончивъ дѣло съ дроздомъ, Мардохей Петровичъ опять обратился къ главному предмету. Въ видахъ предостереженія, онъ посоветовалъ Николаю Ивановичу не сближаться со всѣми землемѣрами, потому что большая часть изъ нихъ люди неблагонамѣренные и страшные пьяницы, а нѣкоторые даже вольнодумцы, «съ либеральствомъ», какъ выразился Рогулькинъ. Въ числѣ послѣднихъ онъ поименовалъ землемѣра Философова. Впрочемъ, о трехъ землемѣрахъ отнесся онъ съ особенною похвалою—«хорошіе люди съ мягкостію», поясняя Мардохей Петровичъ насчетъ трехъ землемѣровъ. Въ числѣ ихъ онъ поименовалъ землемѣра Петрова; замѣтилъ однако же, что всѣ они, въ отношеніи къ нему, чрезвычайно несправедливы, не цѣнять его благодѣяній, за добро платятъ зломъ и пр. и пр.

— Ну, да Богъ съ ними! заключилъ добродушно Мардохей Петровичъ, махнувши рукою; я всѣмъ добра желаю, вотъ кто свидѣтель, что желаю!.. И Мардохей Петровичъ, съ видимымъ чистосердечіемъ, показалъ на образъ и перекрестился. Вспомнить, можетъ быть, и меня старикашку, прибавилъ онъ почти сквозь слезы.

Николаю Ивановичу какъ то жаль стало Мардохей Петровича. Онъ видѣлъ, что Рогулькинъ не изъ хитрыхъ людей, что безсовѣстный человѣкъ дѣйствительно можетъ его легко обмануть и обидѣть. Настроивъ свое воображеніе въ пользу Рогулькина и увѣрившись, что съ этимъ человѣкомъ можно говорить не стѣсняясь, онъ, при прощаніи съ нимъ, рѣшился наговорить ему о благодарности, поясняя впрочемъ, что теперь онъ крайне нуждается въ деньгахъ, но въ случаѣ успѣха въ его дѣлахъ, онъ въ долгу у него не останется, а особенно когда будетъ получать жалованіе.

— Перестаньте вы мнѣ говорить то объ этомъ, Николай Ивановичъ! перебилъ его съ добродушіемъ Рогулькинъ; какъ вы это... право... По нашему «живы будемъ, и сыты будемъ.» Повѣрьте Создателю, Николай Ивановичъ, что я не такой человѣкъ—я всѣмъ добра желаю. Мною, слава Богу, всѣ довольны. Прожилъ, вотъ, безъ малаго шестьдесятъ лѣтъ, ни съ кѣмъ не ссорился: не люблю. Самому бы только не обидѣть кого нибудь, а меня хотя кто и обидитъ, такъ Богъ съ нимъ. По нашему «гдѣ любовь, да совѣтъ, тамъ и рай, тамъ и свѣтъ; а гдѣ споры, да ссоры, тамъ одни только вздоры.»

Николай Ивановичъ улыбнулся.—«Вотъ какіе еще чудачки на службѣ то находятся!» подумалъ онъ про себя. Какъ бы то ни было, но съ Рогулькинымъ они разстались друзьями.

«Хотя и глуповатъ, но по крайней мѣрѣ простой и добрый

человѣкъ», разсуждалъ Николай Ивановичъ, возвращаясь на свою квартиру, «только удивительно, какъ такой человѣкъ можетъ держаться на службѣ?»

Дня черезъ три, Боброва потребовали въ чертежную, и обязали его подпискою о невѣздѣ изъ губернскаго города, впредь до начальственнаго объ немъ распоряженія. Подписку отбиралъ нѣкто чиновникъ Давыдовскій, выгнанный изъ службы и занимавшійся у Рогулькина частнымъ образомъ, въ видѣ домашняго секретаря. Это былъ прототипъ мелкаго чиновничества. Съ плоскою, приказническою и вѣчно улыбающеюся физиономією, онъ совершенно былъ неспособенъ ни къ чему другому, кромѣ приказническихъ придирокъ и составленія клиузныхъ прошеній, за что и выгнанъ былъ изъ службы. Рогулькинъ пригласилъ его къ себѣ изъ состраданія къ его бѣдности, какъ онъ самъ всѣхъ увѣрялъ въ этомъ.

Какъ бы то ни было, но Давыдовскій дѣйствовалъ всегда отъ лица Мардохея Петровича довольно полною властью, такъ что подъ часъ распоряжался, какъ начальникъ, и уѣздными землемѣрами.

Николай Ивановичъ отговаривался было сначала давать подобную подписку, представляя въ резонъ, что онъ не подсудимый какой нибудь, а человѣкъ свободный; но Давыдовскій угрозилъ ему сказавъ, что если онъ не дастъ этой подписки добровольно, то его засадятъ въ полицію, какъ ослушника, что, конечно, и исполнили бы, если бы только Бобровъ поупрямился.

Болѣе мѣсяца проживалъ Бобровъ въ губернскомъ городѣ безъ всякаго дѣла, въ ожиданіи начальственнаго о себѣ распоряженія. Въ продолженіе этого времени, Давыдовскій посѣщала его нѣсколько разъ съ различными наставленіями, которыя высказывалъ онъ какимъ то начальнически повелительнымъ тономъ.

— Смотри же, братъ, не зѣвай! говорилъ всегда Давыдовскій Боброву, гордо и надменно прохаживаясь по его комнатѣ; а дѣлай то, что я тебѣ говорю.

— Я и то, кажется, не зѣваю, отвѣтилъ Николай Ивановичъ; училъ все это время межевые законы, повторилъ также геометрію, тригонометрію.

— Тфу! намъ на все это, перебилъ его Давыдовскій, плюнувъ съ презрѣніемъ на всѣ науки. Я тебѣ говорю, что мы меньше пятисотъ не возьмемъ. Понялъ ли, что я говорю?

— Какъ не понять... да гдѣ я пятьсотъ то рублей теперь возьму, да и за что такъ много?

— Какъ, за что?... ты кто?... Ышаниншига! хочешь даромъ, что ли, въ наше то сословіе попасть, а? даромъ?

— Да вѣдь это уже высшее правительство дозволило...

— Высшее правительство позволило, да мы не позволимъ, отъ насъ все зависить, мы представленье то будемъ дѣлать.

— Да какъ же вы не позволите, если я выдержу экзаментъ?

— Такъ ты съ нами спорить еще начинаешь? грубиянить? такъ мы же тебѣ докажемъ это, мы тебѣ зададимъ экзаментъ...

Послѣднія слова Давыдовскій говорилъ уже за дверью.

На эту же тему заканчивался разговоръ и при другихъ его посѣщеніяхъ.

Николая Ивановича сильно озадачило также безцеремонное требованіе Давыдовскаго, впервыхъ, потому, что онъ никомъ образомъ не могъ удовлетворить этого требованія, а вторыхъ, потому, что не зналъ самъ ли Давыдовскій, по собственной ему приказнической придирчивости, придумалъ потребовать съ него такую огромную сумму, или дѣйствуетъ такъ отъ лица Рогулькина. Послѣднее обстоятельство смущало его страшнымъ образомъ, но только, судя по ласковому съ нимъ обращенію Рогулькина, по его простотѣ и откровенности, оно казалось ему менѣе вѣроятнымъ. Во всякомъ случаѣ, онъ рѣшился побывать у Рогулькина и объясниться съ нимъ насчетъ Давыдовскаго со всею откровенностію.

Мардохей Петровичъ принялъ его также радушно и ласково, и въ числѣ прочаго сообщилъ ему, что его дроздикъ-монашекъ недавно разучилъ какой то новый тропарь.

Николаю Ивановичу въ это время было уже не до дроздика-монашка, его тревожили свои собственныя дѣла, а потому, сказавъ слова два въ похвалу дроздика, онъ склонилъ разговоръ къ своему предмету, и передалъ Мардохею Петровичу безъ церемоніи, что посѣщалъ его раза два г. Давыдовскій и что онъ требуетъ съ него настоятельно пятьсотъ рублей.

— Экой онъ какой, ей Богу право, произнесъ Мардохей Петровичъ, усмѣхнувшись; шутникъ вѣдь онъ страшный, и мнѣ уже онъ здѣсь уши прожужжалъ: «Ризинъ, говоритъ шестьсотъ рублей даетъ, только опредѣлите въ землемѣры; поди, молъ, ты къ Христу и съ Ризинымъ то, намъ, молъ, хорошихъ людей надобно, да знающихъ, а Ризинъ-отъ вѣдь ничего не знаетъ, и астрологъ то не видывалъ сроду... А онъ, поди-ко ты, только и твердить, что Ризинъ даетъ шестьсотъ рублей; такой, право, шутникъ!

— Какая уже это шутка, вѣдь этимъ онъ васъ только конфузить! рѣшился замѣтить Николай Ивановичъ.

— И какъ еще конфузить то! подхватилъ Рогулькинъ; это только знаетъ это одна грудь, да подошлка.

— Такъ для чего же вы его держите? спросилъ съ изумленіемъ Николай Ивановичъ.

— А ради Христа только и держу, больше не изъ за чего Ей Богу, право, такъ.

Николай Ивановичъ только пожалъ плечами.

— Онъ, кажется, самый неблагонамѣренный человекъ, замѣтилъ вновь насчетъ Давыдовскаго Бобровъ.

— Просто мошенникъ! присовокупилъ въ свою очередь Мардохей Петровичъ самымъ рѣшительнымъ тономъ; этакого то мошенника, я думаю, не сыщешь во всей губерніи; не знаю какъ съ нимъ и биться то!

— Да просто прогнать бы его, кажется, посоветовалъ Николай Ивановичъ.

— Прогоню, непременно прогоню, согласился Мардохей Петровичъ; завтра же прогоню его, мошенника: куда мнѣ его!...

Послѣ такого объясненія съ Рогулькинымъ, Николай Ивановичъ немножко успокоился. Онъ по крайней мѣрѣ убѣдился въ томъ, что Давыдовскій вовсе не другъ Рогулькину, и потому не можетъ быть и его повѣреннымъ лицомъ.

Какъ бы то ни было, но дня черезъ три опять посѣтилъ его Давыдовскій, заявивъ ему тѣ же самыя требованія. Бобровъ обошелся съ нимъ на этотъ разъ совершенно уже иначе. Онъ сказалъ ему наотрѣзъ, что не желаетъ имѣть съ нимъ никакого знакомства, никакихъ сношеній, и потому просить оставить его въ покоѣ.

— А! такъ ты подлеца то видно слушаешь? выразился Давыдовскій безъ всякой церемоніи.

— Какого это подлеца? спросилъ съ сердцемъ Николай Ивановичъ, приближаясь къ Давыдовскому, съ видимою готовностію выгнать его по шеѣ.

— Извѣстно дѣло какого, произнесъ Давыдовскій съ злобною насмѣшкою, одинъ у насъ подлець—отъ, Рогулькинт!

— Какъ же ты смѣешь такъ обзывать его! вступился Николай Ивановичъ, разгорячившись; ты такъ вотъ вполне безчестный человекъ. Онъ тебя поить и кормить Христа ради—и ты же его безчестишь!

— Я безчестный человекъ? я! крикнулъ гордо Давыдовскій, отмахнувши дверь комнаты и осматривая въ сѣняхъ, нѣтъ ли тамъ свидѣтелей.

— Ты! ты! снова подтвердилъ Бобровъ и, выгнавъ Давыдовскаго вонъ заперевъ дверь на крючекъ.

— Помни же это! прокричалъ Давыдовскій, постучавъ кулакомъ въ дверь.

— Помню! отвѣтилъ ему Бобровъ.

Выйдя на улицу, Давыдовскій опять подошелъ къ окошку и, приложивъ къ стеклу свою физиономію, снова началъ объясняться съ Бобровымъ.

— Такъ ты и мнѣ ничего не дашь, проговорилъ онъ сквозь стекла.

— Ступай прочь! отвѣтилъ озлобленный Николай Ивановичъ.

— Не дамъ и цѣлковаго? продолжалъ Давыдовскій.

— Ничего не дамъ—ступай прочь!

— Такъ давай же хоть водки, произнесъ наконецъ Давыдовскій самымъ рѣшительнымъ тономъ. Но Бобровъ отказалъ ему и въ водкѣ.

— Такъ помни же это! снова пригрозилъ Давыдовскій, крѣпко постучавъ въ стекло указательнымъ пальцемъ.

— Ладно! помню! отвѣтилъ насмѣшливо Николай Ивановичъ.

Съ тѣхъ поръ Давыдовскій болѣе уже къ Боброву не являлся.

Николай Ивановичъ на другой же день сообщилъ Рогулькину о поступкѣ Давыдовскаго и о томъ, какъ онъ его носитъ.

— Самый вредный человѣкъ, замѣтилъ, въ свою очередь, Рогулькинъ насчетъ Давыдовскаго; я не могу на васъ надивиться, зачѣмъ вы только его къ себѣ пускаете? чего у него взять, у пьяницы, подумайте-ко вы?

— Я уже и то прогналъ его по шеѣ, сообщилъ Бобровъ.

— И хорошо сдѣлали! подхватилъ Мардохей Петровичъ; что уже хорошо, такъ хорошо—не похулишь.

— Да вѣдь вотъ онъ, кажется, все еще у васъ живетъ, замѣтилъ Николай Ивановичъ.

— Ухъ уже! произнесъ простодушно Мардохей Петровичъ, махнувъ рукою.

— Ушелъ отъ васъ? спросилъ Бобровъ.

— Вчера еще прогналъ; куда его къ Богу, какъ можно держать такого человѣка! Коли не умѣлъ шить золотомъ, такъ побьешь и молотомъ... только Бога ради вы то не пускайте его къ себѣ, присвокупилъ Мардохей Петровичъ самымъ умоляющимъ голосомъ; что онъ вамъ? подумайте-ко вы. Я бы на вашемъ мѣстѣ и говорить то не сталъ съ такимъ человѣкомъ, ей Богу такъ; самой низкой души человѣкъ, да къ тому же еще и пьяница, выгнанный изъ службы.. По дѣламъ ему, вонъ бы ему гдѣ мѣсто то!.. И Мардохей Петровичъ махнулъ рукою въ страшную даль, по направленію къ востоку.

Послѣ этого объясненія Николай Ивановичъ убѣдился окончательно въ искренности къ нему Рогулькина, а также и въ томъ, что съ Давыдовскимъ нѣтъ у него ничего общаго. Если онъ держалъ его у себя, то единственно только по своему добродушію и по простотѣ своего характера, потому что нѣтъ другаго основанія держать у себя человѣка въ такой степени недоброжелательнаго и неблагонамѣреннаго, какимъ описалъ его самъ Рогулькинъ.

Спустя нѣсколько дней, писецъ Звѣревъ сообщилъ Боброву, что вчерашняго дня состоялся въ губернскомъ правленіи указъ о сдѣланіи Боброву и Ризину, исключенному изъ духовнаго званія, испытанія въ знаніи ими межевыхъ наукъ, по присла-

ной отъ начальства программъ. Испытаніе велѣно произвести въ губернской чертежной, въ присутствіи всѣхъ земле-мѣровъ.

Главнымъ экзаменаторомъ, конечно, назначенъ былъ губернской земле-мѣръ, которому, сверхъ того, вмѣнено было въ обязанность пригласить въ число экзаменаторовъ двухъ лицъ, специально знакомыхъ съ науками, обозначенными въ программѣ.

Это былъ первый опытъ подвергать испытанію лицъ, опредѣляющихся по межевой части. До тѣхъ поръ опредѣлялись они по одному только представленію губернскаго земле-мѣра. Но въ послѣдствіи времени, начальство сознало это недостаточнымъ, и потому распорядилось вновь поступающихъ въ земле-мѣры подвергать строгому испытанію по программѣ.

Бобровъ хотя и надѣялся на свои знанія въ межевой наукѣ, тѣмъ болѣе что, при помощи одной книжной лавки, онъ обогатилъ себя въ это время еще новыми свѣдѣніями, но все-таки, при рѣшительномъ извѣстіи объ экзаменѣ, у него дрогнуло сердце. «Не выдержу», подумалъ онъ, «ни за что не выдержу.»

Во всю слѣдующую ночь, онъ не могъ соенуть глазъ—все думалъ объ экзаменѣ. Всѣхъ больше смущала его грамматика, которая не давалась ему хуже всѣхъ наукъ и въ которой почему то не находилъ онъ никакого смысла.

Опасался, также, что бы не дали ему какихъ нибудь трудныхъ задачъ изъ интегральнаго исчисленія, съ которыми онъ ознакомился только по сочиненіямъ Фусса. Какъ бы то ни было, но на третій день, рано утромъ, онъ получилъ повѣстку явиться въ двѣнадцать часовъ въ губернскую чертежную для экзамена.

Съ какимъ то замираніемъ сердца шелъ Николай Ивановичъ въ чертежную. Онъ приготовилъ себя къ самымъ труднымъ задачамъ изъ плоской и сферической тригонометріи, и всю дорогу приводилъ ихъ въ своемъ воображеніи на память.

Съ робостію, даже съ внутреннею дрожью, вошелъ онъ въ чертежную, гдѣ собрались уже всѣ уѣздные земле-мѣры. Онъ почтительно поклонился всѣмъ земле-мѣрамъ, и всталъ въ уголъ, какъ приговоренный къ смерти. Губернскаго земле-мѣра въ чертежной еще не было.

Только два земле-мѣра отвѣтили Николаю Ивановичу на его поклонъ, а прочіе посмотрѣли на него съ пренебреженіемъ и съ видимою насмѣшкою, но Бобровъ не обращалъ уже на это никакого вниманія. Онъ почему то ожидалъ гораздо еще худшаго себѣ приема.

Оправившись немного отъ перваго впечатлѣнія, и приведа въ порядокъ свои мысли, Бобровъ внимательно посмотрѣлъ на всѣхъ земле-мѣровъ и чрезвычайно былъ пораженъ разнообразіемъ ихъ костюмовъ и физиономій.

Нѣкоторые изъ нихъ были въ самыхъ модныхъ и фасонистыхъ фракахъ, въ какихъ то необыкновенныхъ галстугахъ съ прическами à la чортъ возми; иные были въ венгеркахъ, другіе же во фракахъ, но только напоминающихъ своею древностію минувшее столѣтіе и имѣющихъ видъ непромогаемой матеріи. Одинъ изъ такихъ фрачниковъ, старичекъ лѣтъ за пятьдесятъ, былъ почему то при шпагѣ, которая болталась у него на двухъ цѣпочкахъ, въ родѣ коромысла, почти въ горизонтальномъ положеніи, и заднимъ своимъ концомъ безпрестанно задѣвала за ножки табуретокъ. Обладатель шпаги постоянно при этомъ оборачивался, и съ самою заботливою торопливостію, даже съ гнѣвомъ, ловилъ шпагу за конецъ и приводилъ ее въ покойное положеніе. Но лишь только онъ выпускалъ ее изъ рукъ, какъ та опять начинала о что нибудь колотиться, и онъ снова принимался ловить ее, какъ кошка ловить иногда свой хвостъ.

Одинъ землемѣръ довольно пріятной наружности красиво рисовался въ новомъ вицъ-мундирѣ съ бѣлыми пуговицами. Неподалеку отъ него стоялъ землемѣръ съ самою уже непредставительною фізіономіею, въ дубленомъ полушубкѣ и въ валенкахъ; только два землемѣра были въ обыкновенныхъ партикулярныхъ сюртукахъ; въ числѣ этихъ послѣднихъ былъ и землемѣръ Петровъ. Это былъ человѣкъ небольшого роста съ умною и чезвычайно симпатичною фізіономіею. Ему было тогда лѣтъ подь сорокъ; но онъ казался несравненно моложе. Онъ какъ то безучастно и молчаливо смотрѣлъ на все окружающее; въ общемъ выраженіи его лица былъ какой то грустный отпечатокъ.

Напротивъ того, землемѣръ въ вицъ-мундирѣ былъ весьма развѣзень и веселъ. Онъ постоянно обращался то къ тому, то къ другому землемѣру съ различными разговорами, изъ которыхъ сейчасъ же можно было замѣтить его вѣрный и правильный взглядъ на вещи. Благородно открытая фізіономія этого землемѣра тоже была весьма симпатична, если бы только не мѣшала этому нѣкоторая гордость и барская спѣсь, которая проглядывала иногда въ его манерахъ. Впрочемъ, ему было тогда лѣтъ около двадцати пяти, и онъ, по окончаніи курса наукъ, недавно еще поступилъ только на государственную службу, а при первомъ вступленіи на службу, и притомъ въ такую пору жизни, кто изъ порядочныхъ людей не мечтаетъ быть генераломъ?

Философовъ (такъ была фамилія землемѣра въ вицъ-мундирѣ) первый заговорилъ съ Николаемъ Ивановичемъ.

— Вы желаете поступить въ землемѣры? началъ онъ.

— Въ землемѣры, отвѣтилъ съ робостію Бобровъ.

— А вѣдь, поди, не знаете ни одной науки? замѣтилъ Философовъ съ усмѣшкою; какъ и ты же, братъ, присвокупила

онъ, обращаясь къ дубленому полшубку, и слегка ударивъ его по плечу.

Землемѣръ въ полшубкѣ какъ то мозгляво улыбулся; но возраженія никакого не сдѣлалъ.

— Геометрію и тригонометрію я, кажется, знаю хорошо, отвѣтилъ, не помня себя, Николай Ивановичъ; а также и алгебру...

— Какъ! вы знаете и алгебру, и тригонометрію? перебилъ его Философовъ съ видимымъ изумленіемъ.

Николай Ивановичъ подтвердилъ.

Философовъ наскоро выхватилъ карандашъ, и сейчасъ же сдѣлалъ ему нѣсколько простыхъ алгебраическихъ и тригонометрическихъ задачъ. Бобровъ рѣшилъ ихъ безъ всякаго затрудненія, даже замѣтилъ, что эти задачи довольно просты.

— О! такъ, бабенька, поздравляю васъ! воскликнулъ Философовъ съ живѣйшимъ радушіемъ, подавая Боброву руку; приятно имѣть васъ своимъ товарищемъ, будьте знакомы, заходите пожалуйста ко мнѣ...

— И ко мнѣ-съ произнесъ неожиданно Петровъ, будто очнувшись, и тоже подавая Боброву руку; но болѣе не сказалъ ему ни одного слова.

Первостатейные фрачники посмотрѣли на это съ какою то саркастическою насмѣшкою.

— Вы только унижаете себя, господа, замѣтилъ одинъ фрачникъ, съ надутою физиономією; подаете руку мѣщанину!

— Эти замѣчанія вы можете дѣлать у себя дома! произнесъ Философовъ довольно вспылчиво; а мы въ вашихъ наставленіяхъ не нуждаемся.. Я всякому образованному человѣку подамъ руку, прибавилъ онъ, какъ будто въ свое оправданіе.

Фрачникъ вмѣсто отвѣта такъ и затрясся отъ смѣху.

Другой, вооруженный фрачникъ въ это время ловилъ все конецъ своей шпиги, и постоянно переходилъ съ одного мѣста на другое.

Между тѣмъ прибылъ въ чертежную губернской землемѣръ съ двумя посторонними экзаменаторами, а съ ними вмѣстѣ пришелъ и Ризинъ, котораго Рогулькинъ намѣренъ былъ проэкзаменовывать послѣ уже Боброва.

Въ числѣ экзаменаторовъ были: членъ дорожной комиссіи и инвалидный начальникъ.

Рогулькинъ съ экзаменаторами прямо прошли въ канцелярію, куда минутъ черезъ пять пригласили и Боброва.

Къ величайшему своему изумленію, Бобровъ встрѣтилъ въ канцеляріи Давыдовскаго, который, засунувъ руки въ карманы своихъ худыхъ шароваръ, съ надменностію прохаживался по канцеляріи.

Мардохей Петровичъ вынулъ изъ стола печатную программу, посмотрѣлъ въ нее немного, и передалъ члену дорожной комиссіи.

— Вотъ, Михайло Петровичъ, и программа, проговорилъ

онъ. Уже чего только тамъ и не придумаютъ: новость за новостью, хитрость за хитростью! прибавилъ онъ.

Михайлъ Петровичъ прочтаетъ всю программу.

— До нашей части тутъ не касается, замѣтилъ онъ, передавая программу инвалидному начальнику.

— До вашей части не касается, подтвердилъ Мардохей Петровичъ.

— Программа! провозгласилъ довольно басистымъ голосомъ инвалидный начальникъ, принимаясь въ свою очередь читать программу. Но остальное содержаніе программы онъ прочтаетъ скороговоркою, себѣ подъ носъ, а конецъ даже пробѣжалъ только одними глазами.

— Не при насъ писано, замѣтилъ инвалидный начальникъ шуточнымъ тономъ, возвращая программу Рогулькину.

— Мудрятъ только тамъ, присовокупили Мардохей Петровичъ.

— Какъ бы вотъ намъ теперь проэкзаменовать то этого человека, прибавилъ онъ, указывая на Боброва.

— Что же извольте, сказали Михайлъ Петровичъ.

— Можно! произнесъ въ свою очередь инвалидный начальникъ.

— Такъ не потрудитесь ли вы, Михайло Петровичъ? предложите Рогулькинъ самымъ ласковымъ тономъ.

— Я думаю вамъ самымъ лучше проэкзаменовать, отозвался Михайлъ Петровичъ; вамъ эта часть извѣстнѣе.

— Конечно мнѣ извѣстнѣе, да я бы послѣ, Михайло Петровичъ, проэкзаменовалъ, мнѣ еще много кое объ чемъ нужно просить его.

Михайло Петровичъ видимо началъ отпѣкиваться.

— А мнѣ можно-съ? спросилъ инвалидный начальникъ, дѣлая шагъ впередъ.

— Сдѣлайте одолженіе, Карпъ Ивановичъ, чрезвычайно пріятно, отозвался Мардохей Петровичъ. Только уже Бога ради построже, такъ велѣно, что станешь дѣлать, и въ указѣ то вонъ то же прописано.

— Это можно-съ, пробасилъ Карпъ Ивановичъ.

Тутъ Карпъ Ивановичъ взялъ со стола программу, поправилъ свои усы, отставилъ правую ногу впередъ, и, принявъ на себя самый грозный видъ, приступилъ къ экзамену.

— Ступай сюда! крикнулъ онъ на Боброва самымъ свирѣпымъ голосомъ.

Бобровъ вздрогнулъ и съ робостію подошелъ къ строгому экзаменатору.

— Смирно! снова прокричалъ Карпъ Ивановичъ. Что есть законъ Божій? началъ онъ спрашивать, смотря по заглавіямъ предметовъ; что? есть русскій языкъ?... что есть геометрія во всемъ пространствѣ?... что есть три... три... тригонометрія... три-

гонометрія?... Что есть геогнозія на столько, на сколько сіе для таксаціи земель нужно?...

Такимъ образомъ, Карль Ивановичъ перебралъ по заголовкамъ каждую науку, какая значилась въ программѣ и, въ заключеніе всего, спросилъ даже «что есть примѣчаніе?»

Николай Ивановичъ отвѣчалъ уже кое какъ, иногда даже вовсе невпопадъ, потому что не могъ слѣдить за вопросами строгаго экзаменатора. Карль Ивановичъ, войдя, такъ сказать, въ пассію, не обращалъ уже на смыслъ отвѣтовъ никакого вниманія.

— У насъ по военному-съ, произнесъ наконецъ инвалидный начальникъ, закончивъ экзаментъ и кладя программу на столъ.

Мардохей Петровичъ какъ будто не вполне былъ доволенъ такимъ скороспѣлымъ экзаменомъ, и принимался было что то разяснять насчетъ этого, но въ разясненіяхъ его не вышло никакого смысла.

Въ свою очередь, Мардохей Петровичъ взялъ «Межевые законы», порылся въ нихъ немного и спросилъ Боброва о величинѣ межевыхъ ямъ и еще кое о чемъ. Бобровъ отвѣтилъ удовлетворительно.

Повидимому, Мардохей Петровичъ старался задать Боброву какой нибудь вопросъ, который бы поставилъ его въ затруднительное положеніе, но никакъ не могъ найти такого вопроса.

Одинъ изъ модныхъ фрачниковъ, съ саркастическою усмѣшкою, смѣло подошелъ къ Мардохею Петровичу и предложилъ ему спросить Боброва, умѣетъ ли онъ писать по формѣ межевыхъ книги.

— Да, да, подхватилъ Рогулькинъ; это у насъ требуется больше всего, вотъ межевые то книги умѣешь ли по формѣ написать? прибавилъ онъ, обращаясь къ Боброву.

— Да вѣдь форма межевыхъ книгъ есть въ законѣ, отвѣтилъ Бобровъ.

— А развѣ такъ онѣ пишутся? произнесъ съ насмѣшкою фрачникъ.

— Да, да, онѣ совсѣмъ не такъ пишутся, подхватилъ Мардохей Петровичъ.

— Развѣ онѣ пишутся не по законной формѣ? спросилъ въ недоумѣніи Бобровъ.

Рогулькинъ вопросительно посмотрѣлъ на фрачника; фрачникъ посмотрѣлъ на Рогулькина, и сталъ, переминаясь, пятиться назадъ, но отвѣта никакого не далъ.

— Если начали, такъ что же не объясняете? вступился въ свою очередь Философовъ, обращаясь къ фрачнику весьма серьезно.

— Вы сами объясняйте, отвѣтилъ съ насмѣшкою фрачникъ; я всякому мѣщанину объяснять не намѣренъ.

Философовъ гордо отъ него отвернулся. Онъ видимо дер-

жалъ сторону Боброва. Какъ бы то нибыло, но вопросъ о формѣ межевой книги такъ и остался перѣшленнымъ.

Сдѣлавъ Боброву еще нѣсколько неудачныхъ вопросовъ, Рогулькинъ обратился наконецъ къ землебрѣ Петрову и приказалъ ему проэкзаменоватъ Николая Ивановича относительно дѣйствія астролябію.

Петровъ считался первымъ знаткомъ межеваго дѣла, первымъ работникомъ по чертежной, и до того времени былъ самымъ молчаливымъ и безусловнымъ исполнителемъ всѣхъ начальническихъ приказаній. Не было примѣра, что бы Петровъ отъ чего нибудь сталъ отговариваться или дѣлать возраженія. Онъ ко всему относился съ чрезвычайнымъ равнодушіемъ. Объявлять ли ему за что нибудь благодарность или выговоръ, Петровъ молчаливо и беззучастно выслушивалъ то и другое.

Одно только въ Петровѣ казалось нѣсколько страннымъ, что онъ, исполняя въ точности всѣ предписанія Рогулькина, въ то же время не оказывалъ ему никакого наружнаго уваженія и обращался съ нимъ иногда точно также, какъ со сторожемъ. Мардохей Петровичъ, по простотѣ и уступчивости своего характера, не обращалъ на это никакого вниманія, напротивъ того, оказывалъ съ своей стороны Петрову всѣ знаки уваженія и, несмотря ни на что, считалъ его самымъ надежнымъ и точнымъ исполнителемъ всѣхъ его приказаній, относящихся до дѣлъ службы. Такъ какъ Петровъ дѣйствительно былъ знатокъ межеваго дѣла, то Рогулькинъ былъ въ полной увѣренности, что онъ вопросами своими сомнѣтъ Николая Ивановича въ два слова. Фрачкии хотя были у него несравненно въ болшемъ почетѣ, чѣмъ Петровъ, но онъ какъ то мало на нихъ надѣялся, и всѣ важныя дѣла по сенатскимъ предписаніямъ всегда поручалъ Петрову.

— Уже вы построже, пожалуйста, Василій Ивановичъ, напомнилъ Рогулькинъ Петрову въ полголоса, для того, что бы не слыхалъ этого Бобровъ.

Петровъ, въ знакъ согласія, кивнулъ только головою и машинально отправился къ шкафу, въ которомъ хранились инструменты. Вынувъ торопливо одну астролябію, онъ попросилъ Боброва поставитъ алидаду по магнитной стрѣлкѣ на извѣстный румбъ.

Бобровъ только что принялся было поворачивать алидаду въ требуемое положеніе, какъ Петровъ снова подскочилъ къ астролябіи, торопливо закрылъ ее, и молча поставилъ на прежнее мѣсто.

— Что вы, Василій Ивановичъ? спросилъ его Рогулькинъ съ недоумѣніемъ.

— Прокзаменовалъ-съ, отвѣтилъ Петровъ лаконически.

— Я думаю вѣдь не знаетъ этого, что вы спросили? замѣ-

тиль Рогулькинъ съ видимымъ желаніемъ, что бы Петровъ подтвердилъ то же самое.

— Все знаетъ-съ, отвѣтилъ Петровъ самымъ положительнымъ тономъ.

Рогулькинъ какъ то засуетился и не зналъ что сказать на это.

— Не поняли, проговорилъ тихо Давыдовскій, проходя съ гордостію мимо Петрова.

Петровъ не обратилъ на эти слова никакого вниманія.

— Предписаніе надо дать имъ объ этомъ, а на словахъ то нечего, произнесъ Давыдовскій, кивнувъ головою на Петрова.

— Да, да, предписаніе, я только что объ этомъ думаю, проговорилъ Мардохей Петровичъ; такъ что бы проэкзаменовать не торопись, по всѣмъ наукамъ, какія написаны въ програмѣ. Потрудитесь пожалуйста составить.

Давыдовскій тотчасъ же настроилъ предписаніе, и подаль его Рогулькину для подписи. Въ предписаніи, между прочимъ, говорилось: «произвести Боброву строжайшее испытаніе, не принимая отъ него никакихъ отговорокъ, и о послѣдующемъ донести рапортомъ.»

Получивъ предписаніе отъ Рогулькина, Петровъ, въ ту же минуту, изорвалъ его на мелкія части и бросилъ на полъ.

Мардохей Петровичъ какъ будто не обратилъ на это никакого вниманія.

— Какъ вы можете рвать начальническія предписанія? замѣтилъ надменно Давыдовскій, вступаясь за Рогулькина.

— По той причинѣ, что не уважаю-съ, отвѣтилъ Петровъ, не стѣняясь.

— Шутникъ вѣдь онъ такой, ей Богу право, произнесъ Рогулькинъ, съ самою добродушною улыбкою; хотя кого такъ разсмѣшить.

Прочіе экзаменаторы погосились только на Петрова и на Рогулькина, но замѣчанія никакого не высказали.

— Постановленіе надо сдѣлать, настаивалъ Давыдовскій.

— Полноте пожалуйста, отозвался Рогулькинъ съ видимымъ доброжелательствомъ. Богъ съ нимъ; я всѣмъ добра желаю.

Поступокъ Петрова привелъ въ сильное негодованіе всѣхъ фрачниковъ; даже Философовъ отнесся объ этомъ не слишкомъ съ похвальной стороны.

— Что же мнѣ дѣлать то, коли не уважаю-съ, проговорилъ только Петровъ въ свое оправданіе.

Послѣ этого пригласили для экзамена Ризина.

Ризинъ на цыпочкахъ вошелъ въ канцелярію, остановился у самыхъ дверей, и какимъ то плаксиво-умоляющимъ взглядомъ посмотрѣлъ на Рогулькина и на Давыдовскаго; послѣднему даже сдѣлалъ какой то знакъ глазами.

— Что его экзаменовать то, вѣдь онъ почти проэкзаменованъ, замѣтилъ Давыдовскій будто про себя.

— Почти что проэкзаменованъ, подтвердилъ Рогулькинъ; я самъ экзаменовалъ, да вотъ и Василій Ивановичъ не дастъ солгать, онъ у него и приговаривался, поясняя Рогулькинъ экзаменаторамъ, указывая на Петрова. А этотъ человѣкъ уже умѣетъ приготовить.

Рогулькинъ дѣйствительно говорилъ Петрову, что бы тотъ хотя немножко приготовилъ Ризина къ межевой части; но только Петровъ до сихъ поръ не успѣлъ еще сообщить ему объ этомъ никакихъ свѣдѣній.

— Вы, я думаю, тоже проэкзаменовали его, присовокушили Мардохей Петровичъ, обращаясь къ Петрову.

— Проэкзаменовалъ-съ, отвѣтилъ Петровъ.

— Что, какъ по вашему? спросилъ Рогулькинъ, въ той увѣренности, что онъ отвѣтитъ то же самое, что о Бобровѣ.

— Ничего не знаетъ и не понимаетъ-съ, отвѣтилъ Петровъ на отрѣзъ.

— Экой вы шутникъ какой, ей Богу право, нашелся только возразить на это Мардохей Петровичъ; чего вы только не напутите, право!

Ризинъ посмотрѣлъ на Петрова съ плаксивымъ упрекомъ, но не сдѣлалъ однако же ему никакого возраженія.

Рогулькинъ намѣревался было оставить Ризина безъ всякаго экзамена на томъ основаніи, что онъ уже почти проэкзаменованъ былъ прежде имъ самимъ; но Философовъ, къ удивленію Рогулькина и всѣхъ землемѣровъ и къ видимому нарушенію правилъ подчиненности, потребовалъ довольно энергично, даже нѣсколько дерзко, что бы Ризину непременно сдѣланъ былъ экзаменъ, въ присутствіи всѣхъ землемѣровъ, какъ это предписано указомъ.

— Непремѣнно нужно сдѣлать экзаменъ, подтвердилъ Мардохей Петровичъ; какъ можно безъ экзамена, хорошее ли дѣло безъ экзамена, сами посудите! Я вѣдь объ этомъ то вотъ и толкую, что какъ бы, молъ, проэкзаменовать то намъ хорошенько, построже, этакъ. Вотъ вѣдь я про что толкую, Иванъ Васильевичъ, а вы меня и не поняли!

— Такъ неудобно ли я проэкзаменую при васъ? вызвался Философовъ.

— Сдѣлайте одолженіе, проговорилъ въ торопяхъ Мардохей Петровичъ, суетливо посматривая на Давыдовскаго.

Философовъ быстро подскочилъ къ Ризину и спросилъ его:

— Геометрію знаете, г. Ризинъ?

Ризинъ посмотрѣлъ на него съ плаксивою улыбкою, дѣлая слегка какіе то отрицательные знаки.

— Не знаете что ли? настаивалъ Философовъ.

Ризинъ молчалъ.

— Да онъ, господа, и говорить то не умѣть, произнесъ Философовъ съ насмѣшкою, окинувъ глазами всѣхъ присутствующихъ.

— Ну, вотъ еще! какъ же не умѣть то! проговорилъ Ризинъ съ видимымъ негодованіемъ.

— Вотъ говорить такъ уже умѣть, подхватилъ Рогулькинъ самымъ простодушнымъ тономъ. Мастеръ говорить, нечего сказать, есть что послушать.

Ризинъ отъ удовольствія прищурилъ глаза, и сладко ухмыльнулся. Экзаменаторы, въ знакъ согласія, серьезно кивнули головами.

— Говорить, положимъ, умѣете, продолжалъ Философовъ съ насмѣшкою; ну, а ариметнику то хотя знаете ли? снова спросилъ онъ Ризина.

Ризинъ и при этомъ вопросѣ мотнулъ головою отрицательно, но отвѣта не далъ никакого.

— Такъ что же, послѣ этого, вы знаете? произнесъ Философовъ, отвернувшись отъ Ризина съ нѣкоторымъ презрѣніемъ; а еще лезете въ землемѣры!

— Да, вамъ надо еще немного поучиться, замѣтилъ въ свою очередь Мардохей Петровичъ.

— Охота вамъ, Мардохей Петровичъ, такихъ дураковъ къ себѣ принимать, выразился Философовъ довольно азартно; насъ уже и безъ того есть этикіе вахлаки, вотъ они, подбуйтесь!. и Философовъ, нарушивъ всякое приличіе и служебную дисциплину, цапнулъ за шиворотъ дубленный полушубокъ, и безъ церемоніи вытянулъ его на средину комнаты. Вѣдь вотъ грамотѣ не знаетъ, фамиліи своей не умѣетъ подписать, а землемѣры!

— Ну, что вы больно!. я васъ не трогаю? произнесъ дубленный полушубокъ, сдѣлавъ самую прискорбную физиономію и упираясь ногами.

— Вотъ еще шутникъ - отъ, такъ шутникъ! произнесъ Мардохей Петровичъ, простодушно разсмѣявшись на Философова; легкій же у васъ характеръ, Иванъ Васильевичъ, нечего сказать; съ вами только и жить, да хлѣбъ соль водить!

— Постановленіе бы надобно объ этомъ сдѣлать, замѣтилъ и на этотъ разъ Давыдовскій, проходя мимо Рогулькина; но Рогулькинъ не обратилъ на это никакого вниманія, а только выхвалялъ Философова за его легкій характеръ.

Такимъ образомъ поступки Петрова и Философова Мардохей Петровичъ превратилъ въ шутку, и не далъ имъ никакого значенія.

Дѣло кончилось тѣмъ, что Петрову дали официальное порученіе «ежели возможно» приготовить Ризина къ межевой части, и о послѣдующемъ донести въ свое время.

Въ заключеніе всего Рогулькинъ внушилъ Ризину, что бы тотъ занялся какъ можно лучше.

— Вы съ Василюмъ Иванычемъ хорошенько займитесь, со-вѣтоваль Рогулькинъ; сойдитесь съ нимъ поближе, добавилъ онъ вполголоса.

Тѣмъ кончилися форменные экзамены въ чертежной. Прощаясь съ Рогулькинымъ, гг. экзаменаторы обѣщали съ своей стороны подписать все что потребуется.

— Это уже ваше дѣло, замѣтилъ членъ дорожной коммисіи. Къ чему вы подпишете, къ тому и мы подпишемъ.

— Съ нашей стороны задержки не будетъ-съ, подтвердилъ инвалидный начальникъ.

Черезъ два дня, землемѣръ Петровъ донесъ губернскому землемѣру рапортомъ насчетъ Боброва, что, по строгомъ испытаніи, онъ оказался совершенно знающимъ межевую часть какъ въ теоретическомъ, такъ и практическомъ отношеніи, и потому въ межевой службѣ можетъ быть весьма полезенъ. Недѣлю спустя, отъ него же поступило другое донесеніе насчетъ Ризина, что тотъ не имѣетъ никакихъ свѣдѣній, и къ межевому дѣлу оказался совершенно неспособнымъ.

— Одинъ, видно, плутоватѣе другого, замѣтилъ Рогулькинъ, разбирая рапорты Петрова; одинъ-отъ вотъ сошелся, а другой-отъ видно не сошелся.

Здѣсь мы находимъ приличнымъ познакомить поближе нашихъ читателей съ личностію Мардохея Петровича Рогулькина. Любопытныя особенности его характера, его образа мыслей и дѣйствій нельзя изобразить въ бѣгломъ очеркѣ. Есть характеры, которые, по своему отличительному свойству, выдаются весьма рѣзко, и потому легко всѣми замѣчаются; но есть другаго рода характеры, которые, несмотря на свои рѣзкія отличія отъ окружающей среды, долго остаются незамѣченными и, такъ сказать, ступеваются между обыденными личностями. Къ послѣднему разряду характеровъ принадлежалъ и Мардохей Петровичъ. Правда, онъ не остался въ общественной средѣ незамѣченнымъ: его всѣ считали за человѣка добраго, чрезвычайнаго простаго и готоваго на всякую услугу, но не болѣе, а мало ли, то же, въ мірѣ добрыхъ людей? слѣдовательно между добрыми и простыми людьми Мардохей Петровичъ дѣйствительно могъ ступеваться. Но не въ этомъ заключались его особенности. Если въ каждой отдѣльной сферѣ человѣческой дѣятельности могутъ быть великіе люди, то Рогулькинъ, безъ всякаго преувеличенія имѣлъ полное право именоваться великимъ человѣкомъ, или по крайней мѣрѣ замѣчательнымъ специалистомъ своего дѣла; да въ мірѣ и не существуетъ понятія объ абсолютномъ величій людей: всѣ они, ни болѣе, ни менѣе какъ только специалисты извѣстнаго дѣла. Могутъ быть, напр., великіе полководцы, непонимающіе живописи, и на оборотъ; точно такъ

же могутъ быть великіе геометры, непонимающіе музыки и пр. Каждый изъ этихъ людей именуется великимъ только по своему роду занятій, по своему специальному дѣлу. Точно такъ же и Мардохей Петровичъ. Онъ не былъ, конечно, ни великимъ полководцемъ, ни великимъ ученымъ, ни художникомъ, ни писателемъ; но былъ великъ въ умѣніи пріобрѣсти себѣ всеобщую любовь и уваженіе. Какъ всѣ други и недруги, несмотря на самыя рѣзкія различія своихъ взглядовъ на вещи, на различія своихъ интересовъ, одинаково любятъ благоприятную погоду, благорастворенный воздухъ, такъ точно всѣ одинаково и безразлично любили Мардохея Петровича. Говорятъ и Богъ на всѣхъ не унаравливаетъ; но Мардохей Петровичъ съ своимъ уживчивымъ и кроткимъ характеромъ умѣлъ, кажется, унаровить всякому человеку. По этому случаю, мы не думаемъ обременить читателей, если займемся Мардохеемъ Петровичемъ болѣе другихъ личностей, выведенныхъ нами на сцену.

Отличительныя свойства Мардохея Петровича состояли въ необыкновенной его простотѣ и кротости. Въ разговорахъ онъ былъ какъ красная дѣвушка: тихъ, скромнъ, ни съ кѣмъ не вступалъ въ жаркіе споры, ни чьей рѣчи не перебивалъ. Скорѣе, бывало, отступится отъ начатаго разговора, нежели перебьетъ постороннюю рѣчь. Въ объясненіяхъ своихъ онъ не только былъ простъ, но даже нѣсколько оригиналенъ. На мѣсто, напр., ей Богу онъ говорилъ всегда: «ей ну Богу»; если когда придется ему спросить: «для чего?» онъ говорилъ всегда на оборотъ, т. е. «чего для». Вообще Мардохей Петровичъ придерживался самаго стариннаго выговора, съ примѣсію иногда славянскаго нарѣчія; подъ часъ любилъ также влючить въ свой разговоръ и какую нибудь простонародную пословицу: «живы будемъ, и сыты будемъ»—это была его любимая пословица, которую онъ, по правдѣ сказать, влючалъ иногда и неслишкомъ кстати. Но эти маленькіе промахи, рекомендующіе только безхитрость его характера, какъ будто бы шли къ Мардохею Петровичу. Безъ этихъ промаховъ въ его сладкой рѣчи ровно бы чего то не доставало.

Къ сожалѣнію, мало дошло до насъ подробныхъ свѣдѣній о самомъ раннемъ дѣтствѣ Мардохея Петровича; извѣстно только, что онъ прошелъ полный курсъ наукъ въ канцелярскомъ училищѣ, гдѣ, за необыкновенную свою скромность и тихость, считался у всѣхъ учителей примѣрнымъ мальчикомъ. Правда, замѣчали въ немъ тогда маленькій недостатокъ: это излишнюю робость; но конечно, въ вину этого не ставили, зная, что робость есть признакъ хорошей души.

Во все продолженіе своего курса наукъ, Мардаша (такъ его тогда называли), по причинѣ робости, не могъ даже хорошо привыкнуть къ своимъ наставникамъ: конфузится, бы-

вало, каждаго наставника да и только; прячется, напр., отъ него подъ столъ, или за шкафъ. По этому случаю и на экзаменахъ онъ рѣдко отвѣчалъ что нибудь, а болѣе всего молчалъ. Его спрашиваютъ, а онъ стоитъ себѣ, да молчитъ, ничего не отвѣчаетъ, только поглядываетъ куда нибудь въ уголокъ, или на паутину, которая, въ видѣ гирляндъ, висѣла по потолку училища, на экзаменатора же никакъ не взглянетъ — робѣетъ. При повтореніи вопроса, Мардаша, обыкновенно начиналъ кашлять, отплеиваться, а потомъ дѣло оканчивалось слезами. Впрочемъ, на вопросы, относящіеся до математики и русской исторіи Мардаша отвѣчалъ иногда довольно удачно и почти не думавши. Однажды спросили его: «если изъ 200 вычестъ 15, много ли будетъ въ остаткѣ?» Мардаша сейчасъ же отвѣтилъ: «много». На вопросъ учителя русской исторіи: «какіе именно законы изданы были Ярославомъ?» Мардаша отвѣчалъ: «*сорошѣ*»; чѣмъ особенно отличался Владиміръ Святой? «*всѣмъ*» и т. п. Но и эти отвѣты Мардаша давалъ не безъ робости, и всетаки, смотрѣлъ въ сторону. Эта робкая привычка такъ и осталась у него на всю жизнь. Мардохей Петровичъ никогда не смотрѣлъ на того, съ кѣмъ разговаривалъ, а всегда глядѣлъ куда нибудь въ сторону.

По выходѣ изъ училища, Мардохей Петровичъ терся около присутственныхъ мѣстъ, гдѣ большею частію употреблялся на побѣгушки. Случится ли кому нибудь изъ столоначальниковъ надобность послать во время присутствія за водочкою, Мардохей Петровичъ тотчасъ сбѣгаетъ за водочкою и купить еще сухаго судака на закуску, а въ скоромный день—жареной печенки, либо рубецъ, и все это пронесетъ въ присутствіе такъ искусно, что почти никто и не замѣтитъ. Благодаря такой полезной услужливости, Мардохей Петровичъ сдѣлался у ближайшаго начальства на хорошемъ замѣчаніи, тѣмъ болѣе, что онъ, сверхъ того, служилъ нѣкоторымъ образомъ въ родѣ телеграфа, т. е., насчетъ ближайшихъ начальниковъ, при случаѣ, передавалъ высшимъ, а насчетъ высшихъ ближайшимъ. Такимъ образомъ служилъ онъ всѣмъ и каждому до цоту лица. По этому случаю, заботливые начальники, что бы дать ходъ хорошему человѣку, выхлопотали ему должность уѣзднаго землемѣра. Благодаря минувшимъ счастливымъ временамъ, Мардохей Петровичъ поступилъ въ уѣздные землемѣры безъ экзамена. Это дѣлалось, впрочемъ, на томъ основаніи, что на значительныя должности обыкновенно поступаютъ безъ экзамена, а должность уѣзднаго землемѣра считалась тогда за весьма значительную, потому и въ эту должность также поступали безъ экзамена.

Въ 1828 году Мардохею Петровичу какъ то не посчастливилось: онъ, по добротѣ своей и по недоброжелательству другихъ, попался подъ судъ, какъ говорили, за взятки, въ чемъ

однако же, Мардохей Петровичъ не сознался на судѣ. По прошествіи 8 лѣтъ, онъ освободился изъ подъ суда съ честію и, какъ достойный человѣкъ, сейчасъ же опредѣленъ былъ въ должность губернскаго землемѣра. Это послужило вѣрнымъ доказательствомъ его личныхъ достоинствъ и глубокаго знанія въ дѣлѣ межевой науки. Съ тѣхъ поръ Мардохей Петровичъ принялся служить еще съ большимъ усердіемъ: сталъ постоянно ѣздить по губерніи какъ начальникъ, для ближайшаго надзора за межевыми чинами, а преимущественно — для практическихъ совѣтовъ и наставленій самимъ владѣльцамъ при полюбовномъ специальномъ межеваніи. Не было, кажется, размежевано въ губерніи ни одной дачи, гдѣ бы Мардохей Петровичъ не принималъ живѣйшаго участія. По этому случаю въ какихъ нибудь три года своей дѣятельной службы онъ ознакомился со всею губерніею, со всѣми помѣщиками, даже съ мужиками; узналъ желаніе каждаго помѣщика, каждаго мужика, и всѣми мѣрами старался удовлетворить ихъ желанію. Дѣйствія его имѣли вообще характеръ примирительный. Главное онъ не любилъ никому противорѣчить, или оспаривать мнѣніе другого, чѣмъ, конечно, и заслужилъ всеобщее себѣ уваженіе и любовь. Онъ хорошо зналъ, что противорѣчіемъ невозможно расположить человѣка въ свою пользу, что противорѣчіе есть одна изъ причинъ, вызывающихъ къ себѣ непріязненные отношенія. По этому случаю, онъ о каждомъ человѣкѣ, о каждомъ предметѣ относился такъ, какъ требовали этого обстоятельства. Нужно было кого нибудь похвалить въ данную минуту—онъ хвалилъ, требовалось же его гдѣ нибудь похудить—онъ худилъ. Однимъ словомъ, Мардохей Петровичъ вполне удовлетворялъ требованію своего времени. Къ этому, впрочемъ, много способствовала его кроткая и услужливая натура, развившаяся подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ ближайшаго начальства, которое въ послѣдствіи времени считало Мардохея Петровича какъ бы идеаломъ служебнаго совершенства.

«Вотъ какъ надобно служить, какъ Рогоулькинъ служить», замѣчалъ иногда вице-губернаторъ какому нибудь неуживчивому чиновнику губернскаго правленія «тотъ знакомъ по своимъ дѣламъ почти со всею губерніею со всѣми помѣщиками, но на него никто не жалуется, а вы, милостивый государь, не можете ужиться съ своимъ начальникомъ, на васъ все жалобы, у васъ все разсужденія, и пр. и пр.»

Въ послѣдствіи, Мардохей Петровичъ уполномоченъ былъ ревизоромъ не только для уѣздныхъ землемѣровъ, своихъ подчиненныхъ, но и для всѣхъ, кто дѣйствовалъ въ губерніи по специальному межеванію. Другой бы при этомъ загордился, занесся бы страшнымъ образомъ, а Мардохей Петровичъ, кажется, болѣе еще смирился, сдѣлался болѣе услужливъ

и внимателенъ, не только къ лицамъ именитымъ, но даже къ простымъ мужикамъ.

Когда, бывало, Мардохей Петровичъ, проѣзжая на ревизию, увидитъ на дорогѣ мужичка пѣшехода, то непременно велитъ ямщику приостановить лошадей, выльзетъ изъ повозки, подъ предлогомъ расправить ноги; а ямщику прикажетъ ѣхать потихонько впередъ, что бы, немного отдохнули и лошадки. Распорядившись такимъ образомъ, онъ подойдетъ къ мужичку кое объ чемъ съ нимъ повалякатъ. При этомъ онъ уже не дожидается отъ мужичка себѣ поклона или почтенія, какъ этого требуютъ люди гордые, напротивъ того, заговоритъ съ нимъ самъ и заговоритъ всегда ласково, привѣтливо:—«Христосъ на встрѣчу, мужичекъ! миръ дорожкой!» привѣтствуетъ онъ мужичка при первой встрѣчѣ; а тотъ, разумѣется, и радъ уже радешенекъ такому ласковому боярскому привѣту. — «Добро пожаловать, ваша милость, бояринъ дорогой, отвѣтитъ мужичекъ съ поклономъ. «Откуда вашу милость Богъ несетъ»?... И не наговорится, бывало, мужичекъ съ ласковымъ бояриномъ, и не наслушается отъ него умныхъ рѣчей. А Мардохей Петровичъ съ мужичкомъ просто какъ разлитое море. И пожалѣетъ Мардохей Петровичъ о неурожаяхъ, и о градобитіи, вздохнетъ изъ глубины души о томъ, что такіа тяжелыя времена настали, а иногда кстати намекнетъ даже и объ антихристѣ. Не упуститъ также поспѣвать о несчастной судьбѣ всѣхъ господскихъ мужичковъ и о притѣсненіи ихъ со стороны начальства, о которомъ при этомъ случаѣ относился уже онъ не съ большою похвалою. Послѣ всего этого, Мардохей Петровичъ дозволялъ себѣ иногда и пошутить съ мужичкомъ: броситъ, напр., ему въ глаза песочку малую толигу, или наступитъ у него, для смѣха, на лапотную веревку, отъ чего тотъ непременно упадетъ, а иногда и порядочно больно тенется носомъ въ землю. Этими шутками и ласковымъ обхожденіемъ Мардохей Петровичъ, бывало, пригедетъ мужичка въ необыкновенно-пріятное расположеніе духа, такъ что тотъ только уже всплескиваетъ руками, замѣчая при этомъ, что «баринъ больно уже глумень, дай Богъ здоровья; что съ такимъ бариномъ вѣкъ бы жить». Въ заключеніе всего, Мардохей Петровичъ расскажетъ мужичку секретъ, какъ выводить тарагановъ, а иногда сообщитъ, чуть не на ухо, самый большой секретъ: какимъ образомъ поступить, что бы у бабъ скорѣе пахталось масло.— «Фу, ты Господи! отвѣтитъ на все это мужичекъ, «какъ это, право, все устроено для человѣка! видно уже что чему покорно»... и мужичекъ отъ удивленія покачаетъ головою.

Когда, такимъ образомъ, нашъ добрый путешественникъ и строгій ревизоръ, закалякавшись съ мужичкомъ, подойдетъ близко къ селенію, то, въ видахъ любопытства, спроситъ мужичка: кого въ деревнѣ Богъ благословилъ улейками, хлѣбцемъ или

инимъ прочимъ? и узнаеть, напр., что всёмъ Богъ благословилъ дядю Кирилла, и что у дяди Кирилла домъ просто запросто какъ полная чаша; да узнаеть, что и прочимъ мужичкамъ грѣхъ Бога гнѣвить.

Тогда Мардохей Петровичъ объявить мужичку, что онъ къ нимъ послѣ госпожинокъ прїѣдетъ межевать ихъ землю; а теперь заѣдетъ только на часочекъ къ дядюшкѣ Кириллу, такъ, подорогъ, что бы отдохнуть да перемѣнить въ сапогахъ сѣнца; Мардохей Петровичъ любилъ класть въ сапоги немножко сѣнца.

— Да съ кѣмъ же, батюшка, ваше благородіе, межеваться то мы будемъ? спросить иногда мужичекъ.

— Да уже такъ надо, дружокъ, отвѣтить на это Мардохей Петровичъ; указъ, видишь ты, есть у меня, вотъ что добрый человѣкъ....

И мужичекъ, бывало, значительно покачаетъ головою, и съ особеннымъ чувствомъ замѣтитъ справедливость старинной поговорки: — «не даромъ сказано», выразитъ онъ со вздохомъ, «что, при послѣдъ времени, предъ нашествіемъ антихриста, всю землю въ верхки измѣряютъ!»... Согласится съ этимъ и Мардохей Петровичъ.

Послѣ подобнаго объясненія съ ласковымъ бояриномъ, мужичекъ иногда и Богъ знаетъ какъ поторопится въ свою деревню, что бы какъ можно поскорѣ объявить всему десятку, что наѣдетъ къ нимъ межевой.

— Слышь-ты, ребята, межевой къ намъ наѣдетъ о госпожинѣ дни, говорилъ такимъ образомъ мужикъ всему десятку. Я съ нимъ битый часъ разговариваль... Указъ уже, слышь-ты, насланъ...

Такия неожиданныя вѣсти привели весь десятокъ просто въ недоумѣніе.

— Зачѣмъ это межевой? какъ межевой? Да кто поднималъ межеваго? Фу, ты какъ это, право, а!

— Какъ зачѣмъ? возразилъ мужикъ, объявившій извѣстіе, тономъ понимающаго человѣка; вамъ говорить, что указъ уже, слышь, насланъ: значить царская воля! чего вамъ еще то?

— Знамо дѣло! зря бы тоже не поѣхаль, замѣтили нѣкоторые мужики. А уже если dokonно это такъ, такъ сокрушить насъ эта межевка, ребята, присовокушили они въ глубокомъ раздуміи; животы подрѣжетъ да и только!...

— Да онъ, ребята, хотѣлъ, слышь, остановиться у дяди Кирилла, сообщилъ первый мужикъ; проѣзжаетъ, вишь ты, *привозать* (реvizовать) всю губерню; можно, значить, поспрошать его... я съ нимъ битый часъ разговариваль. А какая, слышь, добрѣющая душа, ребята, замѣтилъ мужикъ съ чувствомъ; такъ мало такихъ земля родить... *Понайти* бы надо намъ его,

ребята, прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго размышленія; баринъ-отъ очунно хорошъ, право слово!

Тутъ начались толки и разсужденія насчетъ межевыхъ. Всѣ мужики поголовно собрались въ избу къ дядѣ Карпу на совѣтъ. Сдѣлали на скорую руку между собою справку: какъ поступали съ межевными въ другихъ деревняхъ, гдѣ была межевка. Не замедлилъ явиться на совѣтъ и служивый, присланный отъ Мардохея Петровича. По справкамъ оказалось, что межевой межевому розь: съ инымъ межевымъ можно вести дѣла такъ, а съ другимъ иначе. Потребовалось мнѣніе служиваго. Служивый у Мардохея Петровича былъ солдатъ бойкій, и разсуждать много не любилъ. Онъ, съ своей стороны, высказалъ мужикамъ мнѣніе свое, какъ говорится, на отрѣзъ, «что если межевой захочетъ, такъ изъ мужиковъ вытянетъ всѣ жилы, вотъ вамъ и все!» Тѣмъ кавалеръ и покончилъ свое засѣданіе, и отправился обратно къ Мардохею Петровичу съ докладомъ объ успѣхѣ засѣданія.

По всѣмъ справкамъ и соображеніямъ самихъ мужиковъ, принимая, конечно, въ разсчетъ и мнѣніе кавалера, оказалось, что Мардохея Петровича дѣйствительно нужно понайти.

— Хорошаго человѣка удоблетворить надо порядкомъ, замѣтили между тѣмъ старожилы; вѣдь не мимо сказано, что «брось де калачъ на лѣсъ—назадъ пойдешь, возмешь»...

И по совѣту старожилловъ, тотчасъ сдѣлали мужики сборъ по двугривеннику съ души. Потомъ отъ міру отрядили старосту и трехъ старожилловъ, поднести его благородію гостинчикъ.

Любопытно видѣть, какъ являлись иногда къ Мардохею Петровичу староста и старожилы съ врученнымъ имъ отъ міру гостинчикомъ. Войдя въ избу, занимаемую Мардохеемъ Петровичемъ, они первоначально помолятся, какъ слѣдуетъ русскому человѣку, и, стоя почти у самыхъ дверей, низко поклонятся Мардохею Петровичу, говоря такимъ образомъ: — «по совѣту мірскому, поклониться пришли, вашей милости, повзыскать вашу милость чѣмъ Богъ послалъ»... Староста, въ это время, начинаетъ переминалься съ ноги на ногу и посматривать на старожилловъ; раза два онъ почешетъ у себя въ затылкѣ, а иногда, изъ предосторожности, заглянетъ къ печкѣ, что нѣтъ ли кого изъ постороннихъ, но Мардохей Петровичъ всегда, бывало, предупредитъ старосту, что бы онъ насчетъ постороннихъ не опасался.

— Не опасайся, добрый человѣкъ, здѣсь лишнихъ бревенъ нѣтъ, говорилъ онъ въ подобныхъ случаяхъ, называя, для большей аккуратности, постороннихъ людей лишними бревнами. Успокоивъ себя такимъ образомъ насчетъ постороннихъ, староста запускаетъ руку за пазуху и съ усиленнымъ крягомъ и пыхтѣніемъ вытаскиваетъ оттуда холщевый мѣшокъ, съ длинною ременною петлею, повѣшенный на шеѣ; изъ холщеваго мѣшка

внимаетъ кожаный кошель; изъ кожаннаго кошеля—завернутую тряпицу; изъ завернутой тряпицы—завернутую бумажку и уже изъ бумажки—гостинчикъ, т. е. по двугривенничку съ души. Впрочемъ Мардохей Петровичъ въ подобныхъ случаяхъ былъ крайне предупредителенъ, и всѣми мѣрами старался избавить мужичковъ отъ излишнихъ хлопотъ. Только что, бывало, явятся къ Мардохею Петровичу староста и старожилы съ поклонами, онъ будто по верхнему чутью, какъ выражаются охотники, узнавалъ уже, зачѣмъ именно они къ нему пожаловали. Поэтому, ни мало не медля, посиѣшалъ онъ къ старостѣ на встрѣчу, подходилъ къ нему, какъ говорится, носъ къ носу, и безмолвно дождался, когда тотъ вытащитъ изъ за пазухи холщевый мѣшекъ. Если староста какъ нибудь позамѣшкается, запутается, напр., въ ременной петлѣ, или не развяжетъ наскоро зубами какого нибудь узла, то Мардохей Петровичъ, въ промежуткѣ времени, вздыхалъ изъ глубины души, и, посмотрѣвъ съ благоговѣніемъ на полати, обыкновенно произносилъ во всеуслышаніе: «Боже очисти мя грѣшнаго!... Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!... безъ числа согрѣшихъ!» и проч. Когда такимъ образомъ дойдетъ дѣло у старосты до завернутой тряпицы, то Мардохей Петровичъ, ни мало не стѣняясь принимался помогать старостѣ, говоря между тѣмъ: «не хлопочи, мужичекъ добрый, разверну самъ—не хлопочи»... И староста, дѣйствительно, уже не хлопоталъ о томъ, что бы вынуть изъ тряпицы бумажку, а изъ бумажки гостинчикъ, потому что Мардохей Петровичъ, съ кротостію, развертывалъ ее самъ своими руками. Потомъ онъ садился за столъ и пересчитывалъ весь гостинчикъ, раза два или три, на счетахъ. Если же случались въ гостинчикѣ бумажки кредитнаго установленія, то Мардохей Петровичъ пробовалъ каждую бумажку мокрымъ пальцемъ, сквозь каждой бумажки смотрѣлъ на свѣтъ и соображалъ, какъ слѣдуетъ, нумера. Случалось, что дѣлалъ иногда мужичкамъ легонькій упрекъ за слѣпой гривенничекъ, который оказывался въ числѣ гостинчика; однако, имѣя у себя въ виду отца Ивана и годовые праздники, въ которые сей послѣдній посѣщаетъ его со св. водою, Мардохей Петровичъ совершенно успокоивался насчетъ слѣпаго гривенника. «Денежка счетъ любить, мужички» — замѣчалъ при этомъ Мардохей Петровичъ—«чаще де счетъ, долше дружба». И мужики, конечно, соглашались во всемъ съ умнымъ замѣчаніемъ Мардохея Петровича, присовокупляя и съ своей стороны, что «умную рѣчь хорошо и слушать».

Когда Мардохей Петровичъ прибиралъ куда слѣдуетъ поднесенный ему гостинчикъ, тогда обращался къ мужичкамъ съ вопросомъ:—«чего вамъ надобно, мужички хороши?»

Тутъ только мужички объявляли, зачѣмъ именно они потрепали Мардохея Петровича, прося его добраго совѣта, какъ имъ нужно поступить насчетъ межеванія ихъ дачи?

— «Ужь, батюшка, ваше благородіе, не оставь насъ какъ знаешь и вѣдаешь, говорили мужички съ поклономъ; «мы люди простые, безграмотные, господь при насъ нѣтъ; научи насъ, кормилецъ, уму разуму; вѣдь межевыхъ ту дѣлъ у насъ, батюшка, въ рукахъ не бывало...

— Все сдѣлаю для васъ, мужички хороши, отвѣчалъ на это Мардохей Петровичъ; я вѣдь нарочно для этого къ вамъ и пріѣхалъ, ей-ну-Богу такъ!.. обойдя всѣ шутки, такъ. Дай, молю, заѣду къ мужичкамъ покалякать; взялъ, вотъ, да и заѣхалъ.

И Мардохей Петровичъ, дѣйствительно, начиналъ съ мужичками калякать, не только объ одномъ межеваніи, но и о множествѣ другихъ предметовъ; касался даже Брюсова календаря, изъ котораго сообщилъ мужичкамъ много полезныхъ свѣдѣній, какъ напримѣръ, что въ нынѣшнемъ году должно ожидать мужичкамъ на всякую всячину необыкновеннаго урожая, и что будетъ миръ между просвѣщенными державами.. Мужичковъ, разумѣется, радовало такое пріятное и достовѣрное предсказаніе потому болѣе, что они сами уже слышали о Брюсовомъ календарѣ, и ему вѣрили. А многіе изъ нихъ даже знали навѣрняка, что въ Брюсовомъ календарѣ «выписана вся, какъ есть, планида Господня.»

Когда Мардохей Петровичъ, съ помощію Брюсова календаря, доводилъ мужичковъ до самаго успокоительнаго состоянія насчетъ обильнаго урожая хлѣба, невозмутимости мира между просвѣщенными державами и пр., тогда, обыкновенно, онъ склонялъ разговоръ на другой предметъ.—«Вотъ бы что мужички хороши, говорилъ Мардохей Петровичъ съ свойственною ему кротостію; вотъ бы что я вамъ сказалъ, если только, ребятушки, вамъ будетъ не обидно?..

— Что въ угоду будетъ вашей милости, отвѣчали мужички; извольте, батюшка, поспросать, мы вашей милости служить готовы.

— Вотъ бы что я вамъ сказалъ, повторилъ Мардохей Петровичъ съ необыкновенною мягкостію; эдакъ бы вотъ еще, какъ бы вамъ сказать, да не обидѣтъ хорошихъ людей грубымъ словомъ,—еще бы вотъ хотя по пятнадцатничку съ души пособрать. А больше мнѣ, ребятушки, вотъ на сколько не надо.. и Мардохей Петровичъ покажетъ мужичкамъ самую маленькую частичку ноготка. А уже зато, ребятушки, я вамъ самъ послужу, уже вотъ какъ послужу!.. Тутъ Мардохей Петровичъ обстоятельно рассказывалъ какъ онъ имъ послужитъ въ то время, когда пріѣдетъ межевать ихъ дачу. Вопервыхъ посулилъ пріѣхать не въ рабочую пору; вовторыхъ, обѣщалъ народу брать на межу самую малость. Сверхъ того, показавъ имъ, примѣрно, даже начертилъ на полу углемъ, величину межевыхъ ямъ, кавія онъ будетъ назначать во время меже-

ванія, т. е., самаго малаго размѣра, и то общался рыть ихъ черезъ яму. Послѣ этого посѣтовалъ однако же вмѣстѣ съ мужичками, что казна всетаки взыщеть съ нихъ значительную сумму за планы; но и тутъ Мардохей Петровичъ общалъ поправить дѣло, т. е., общалъ сочинить для мужичковъ планы самыя маленькіе, «самыя брупиташашечные-щепетущечные»; а, пожалуй, для хорошихъ мужичковъ соглашался даже и вовсе ничего не дѣлать.

— Такъ уже, батюшка ваше благородіе, нельзя ли и намъ будетъ безъ плантовъ ту обойтись, сказали мужички съ поклономъ; вѣдь споровъ у насъ никакихъ нѣтъ, угоды небольшіе...

— Для васъ, мужички добрые, все сдѣлаю, отвѣчалъ на это Мардохей Петровичъ. Да еще знаете ли что бы я вамъ посоветовалъ? чѣмъ хлопотать вамъ, да изъясниться, да за планы платить, да за то, да за другое, такъ не лучше ли бы, ребятушки, отложить это межеваніе хотя до будущаго года, а тамъ «живы будемъ, и сыты будемъ; дастъ Богъ день, дастъ и пищу». Да совѣтовалъ бы я вамъ, мужички, и вовсе не межеваться. Оно хотя и трудно, и изъясисто, а особливо для меня, однако я и это бы для хорошихъ людей, пожалуй, выхлопоталъ. Впрочемъ, отдаю это, ребятушки, на вашъ разумъ, не принуждаю. Свой-де умъ—царь въ головѣ.

— Добрѣ бы батюшка, ваше благородіе, ты сдѣлалъ для насъ эту милость, какъ бы оставилъ насъ при старомъ владѣніи, безъ межевки; мы бы вашу милость еще ублагодворили, облагородили ли бы какъ слѣдовательно, и все другое, прочее. Убѣждаясь просьбами мужичковъ, Мардохей Петровичъ, конечно, соглашался оставить владѣніе ихъ безъ межевки, только не иначе, какъ съ маленькимъ уговорцемъ, въ слѣдствіе коего мужички сдѣлали еще небольшой сборецъ и совершенно уже «облагородили» этимъ Мардохея Петровича.

Надобно только видѣть дѣтскую радость, которая обыкновенно выражалась на кроткомъ лицѣ Мардохея Петровича въ то время, когда безпрепятственно достигалась дѣль его желаній, т. е. когда вручали ему мужички послѣдній сборъ по пятнадцатинничку или по гривенничку съ души, какъ уже придется. Однажды, при такой же точно радости, Мардохей Петровичъ просто воодушевился: зашѣлъ, говорятъ, канту про Варлаама и Иоасафа, царевичей индійскихъ. Однако, съ первыхъ же нотъ, говорятъ, сбился совершенно, и бросилъ, потому что къ пѣнію онъ не имѣлъ какъ то способности отъ природы. Пѣвалъ онъ, правда, и въ другое время, выбирая изъ этой же канты лучшія мѣста, которыя соотвѣтствовали его занятіямъ, но все какъ то не согласно. Бывало, когда Мардохей Петровичъ отправляется на межу, на какую нибудь дѣсную дачу, то слышишь, что онъ тянетъ тихонько лучшія мѣста изъ канты, какъ напрымѣръ:

Изъ града граду во пустыню,
Любяй зѣло въ ней пустыню.

Но всетаки нельзя сказать, что бы было согласно. Такъ уже видно на пѣніе не далъ Богъ Мардохею Петровичу таланта.

Послѣ всего, Мардохей Петровичъ приказывалъ своему кавалеру поставить самоваръ и угощалъ старосту со старожилками, да и хозяина, дядю Кирилла, чайкомъ; насчетъ же себя замѣчалъ, что онъ несказанно какъ любить пить чай съ медкомъ, да только что вотъ достать негдѣ.

— Да нельзя ли гдѣ, дядюшка Кирилла, достать, хотя этакъ малую толику, спросилъ Мардохей Петровичъ своего хозяина; съ честію бы заплатилъ, дядюшка Кирилла, что будетъ стоить.

— Куда платить, кормилецъ, отвѣтилъ дядя Кириллъ; Богъ дастъ понщемъ около себя... И дядя Кириллъ тотчасъ принесъ для Мардохея Петровича сотовъ въ деревянной чашкѣ, и попросилъ его покушать съ чайкомъ и хлѣбцомъ.

Мардохей Петровичъ, при такихъ случаяхъ, обыкновенно заводилъ рѣчь о трудолюбіи, поставляя въ примѣръ пчелокъ Божіихъ, о которыхъ относился онъ всегда съ особенною похвалою; замѣчалъ, однако же, что онѣ созданы не для себя, а на пользу человѣка, и, въ заключеніе, дивился: какъ все премудро Богъ устроилъ на свѣтѣ. Послѣ этого, онъ дѣлалъ еще одно замѣчаніе насчетъ пчелокъ Божіихъ: говорилъ, что это чистое созданіе Божіе никакъ не можетъ водиться у скупыхъ пчеловодовъ.—«Дивная вещь, дядюшка Кирилла! по истинѣ дивная вещь!» произнесъ Мардохей Петровичъ, какъ и всегда, съ глубокимъ удивленіемъ. Но что бы не оставилъ насчетъ этого замѣчанія никакого сомнѣнія, онъ тутъ же рассказалъ дядѣ Кириллѣ нѣсколько вѣрныхъ случаевъ, какъ у скупыхъ пчеловодовъ нечаянно переводились пчелы.

— Божія тварь Богу и работаетъ, замѣчали въ свою очередь слушатели Мардохея Петровича.

Въ слѣдствіе такихъ рассказовъ, дядя Кириллъ пришелъ въ особенное чувство и умиленіе, такъ что, для успокоенія своей совѣсти, наклалъ для Мардохея Петровича сотовъ порядочную лагуночку, и попросилъ его взять эту лагуночку съ собою на дорогу. Впрочемъ, Мардохей Петровичъ хотя отъ сотовъ и не отказывался, но непремѣнно обѣщался, даже съ клятвою, заѣхать къ дядѣ Кириллѣ на обратномъ пути, для того, что бы расплатиться съ нимъ, какъ слѣдуетъ, за его сладкую хлѣбъ-соль.

— Не люблю, дядюшка Кирилла, оставаться въ долгу, вотъ какъ не люблю, замѣтилъ Мардохей Петровичъ. Повѣришь ли Создателю, дядюшка Кирилла, что я въ жизнь свою ни отъ кого не покорыствовался вотъ этимъ! Тутъ Мардохей Петро-

вичъ торопливо снялъ съ дяди Кириллы волосокъ или порошину—замѣтить было нельзя—и торжественно бросилъ это на полъ, чѣмъ и увѣрилъ окончательно какъ дядю Кириллу, такъ равно и прочихъ мужиковъ въ своемъ безкорыстіи.

Угостивши Мардохея Петровича чѣмъ Богъ послалъ, мужички, наконецъ, отправляютъ его куда слѣдуетъ, на своихъ подводахъ; о прогонахъ уже нѣтъ и рѣчи. Развѣ только иной мужикъ, помогая ямщику закладывать долгошерстныхъ клячей, посоветуетъ ему, между прочимъ, везти барина получше, что добрый баринъ дастъ ему на водку. Но, къ сожалѣнію, у Мардохея Петровича какъ то не случилось для этого мелкихъ денегъ. Ужасъ какъ жалѣть иногда объ этомъ, что нечѣмъ поблажить хорошаго человѣка. Перешарить, бывало, у себя во всѣхъ карманахъ, все ищеть мелкихъ денегъ, такъ что, смотря на эти поиски, самъ ямщикъ придетъ, пиды, въ жалость.

Уже не хлопочите батюшка, ваше благородіе, скажетъ ямщикъ; мы и на томъ благодаримъ вашу милость, что насъ дураковъ понаучили. Этимъ только, бывало, и пріостанавливался Мардохей Петровичъ отъ поисковъ мелкихъ денегъ.

— Другъ по дружкѣ, а Богъ обо всѣхъ, говорилъ онъ въ отвѣтъ ямщику, и съ этими словами приходилъ въ совершенное успокоеніе.

Такъ Мардохей Петровичъ заслуживалъ себѣ любовь и уваженіе отъ мужичковъ.

Въ религиозномъ отношеніи онъ тоже служилъ для всѣхъ примѣромъ: строго, напимѣръ, соблюдалъ всѣ посты, даже въ среду и пятницу кушалъ одну рыбку. Однажды Мардохей Петровичъ, распорядясь у себя на дому разными закупками по хозяйственной части, какъ то въ торопяхъ лизнулъ сметанки съ невинною дѣлю узнать достоинство ея вкуса. Въ хлопотахъ онъ совершенно позабылъ, что эта пробная операція случилась въ пятницу.

«Гфу! ты, какое искушеніе!» произнесъ онъ, отплевываясь въ разныя стороны, когда сообразилъ, что тогда была пятница; «изъ памяти вонъ.»

Что бы успокоить, на этотъ разъ, свою совѣсть, Мардохей Петровичъ торопливо подбѣжалъ къ шкафу, вынулъ оттуда стляночку святой воды, потомъ высунулъ кончикъ собственнаго язычка, и осторожно капнулъ на него три капельки.

Вздумаетъ ли Мардохей Петровичъ когда нибудь отслужить у себя на дому всенощную—всегда уже дѣлалъ это съ особеннымъ благоговѣніемъ и усердіемъ. Самъ, бывало, разставляетъ свѣчи передъ образами, раздуваетъ кадило, поминутно подбавляетъ въ него собственнаго своего ладону, да еще и отцу Ивану всегда напоминаетъ.

— Не жалѣйте, отецъ Іоаннъ, оміаму то, подкладывайте во славу Божию!

Во время службы, Мардохей Петровичъ какъ то особенно лю-

билъ собирать съ ризы священника никому незамѣтные волоски и порошинки, и бросать ихъ на полъ. Все это дѣлать онъ съ выраженіемъ самаго благоговѣйнаго чувства къ особѣ священника. Когда подходилъ онъ къ нему подѣ благословеніе, то всегда полою его рясъ потиралъ себѣ лобъ, глаза и губы, доказывая этимъ какъ онъ уважаетъ духовныхъ особъ. Даже самыя деньги, которыя предназначались для раздачи духовнымъ лицамъ за различныя требы, лежали у него въ особенной коробочкѣ вмѣстѣ съ ладономъ, и хранились подѣ кютою. Когда, бывало, кухарка Мардохея Петровича возвратитъ ему въ негодованіи, слѣпой двугривенный, объясняя, что она таскаетъ его цѣлую уже недѣлю, и что его нигдѣ не берутъ, то Мардохей Петровичъ обыкновенно бралъ отъ кухарки этотъ двугривенный, и откладывалъ его въ особенную коробку вмѣстѣ съ ладономъ.

— Уидеть отцу Юанну, говорилъ онъ при этомъ, съ видимымъ благоговѣніемъ.

Начальниковъ губерній, въ особенности военныхъ, Мардохей Петровичъ уважалъ и почиталъ до неимовѣрности. Изъ видовъ глубокой преданности онъ даже самъ иногда старался поддѣлаться подѣ тактъ военного человѣка. Когда, бывало, издали еще завидитъ онъ на улицѣ начальника губерній, то сейчасъ же остановится, опуститъ почтительно руки по швамъ, сдѣлаетъ на право кругомъ польоборота, торопливо сдернетъ съ себя фуражку и въ такомъ положеніи ожидаетъ, когда генералъ поравняется съ нимъ. Мардохей Петровичъ хотя и сознавалъ, что, по военной дисциплинѣ, въ это время слѣдовало бы ему только вытянуться и провожать генерала одними глазами, но онъ никакъ не могъ соблюдать этого правила, а всегда уже кланялся генералу въ поясъ, т. е. непременно дотрогивался до земли рукою и послѣ долго еще провожалъ его не одними только глазами, но и соответственнымъ поворачиваніемъ всего тѣла.

Пользуясь вниманіемъ начальниковъ губерній, Мардохей Петровичъ посѣщалъ ихъ при каждомъ удобномъ случаѣ, конечно, смотря по приему и характеру начальника. Сердитаго начальника онъ посѣщалъ только (кромѣ официальныхъ докладовъ) съ поздравленіемъ въ высоторжественные дни, а въ особенности въ день рожденія и именинъ губернатора, но болѣе снисходительнаго поздравлялъ даже каждое воскресеніе съ праздникомъ. Губернаторъ описываемаго времени принадлежалъ къ числу самыхъ снисходительныхъ и чрезвычайно любилъ себѣ почетъ, какимъ бы образомъ онъ ни выражался. По этому случаю, Мардохей Петровичъ находилъ весьма много причинъ къ самымъ резоннымъ поздравленіямъ. Послѣ, напримѣръ, говѣнія губернатора, онъ обыкновенно поздравлялъ его «съ очищеніемъ совѣсти». Если куда нибудь губернаторъ отправляется, то Мардохей Петровичъ поздравлялъ его съ отъѣздомъ, потомъ съ пріѣздомъ, съ полученіемъ новаго указа, съ исполненіемъ указа и

пр. Даже когда губернаторъ получить какую нибудь неприятность, то и тутъ Мардохей Петровичъ приходилъ къ нему поплачоваться.

«Почтительный старик!» отзывался иногда губернаторъ о Рогулькинѣ, «добрый старикъ и, кажется, не глупый!» добавлялъ онъ довольно значительно.

Съ такою же почитательною Рогулькинъ относился и къ другимъ властямъ, даже къ мелкимъ чиновникамъ, въ особенности служащимъ въ губернскомъ правленіи по межевому столу. Старшій совѣтникъ губернскаго правленія былъ въ числѣ его друзей, а правитель ванцеляріи и Крутицкій считались только его покровителями.

II. Зарубинъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ.)

